

ОБРАЗОВАНИЕ и ЛИТЕРАТУРА
ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

КОН. XV—XVII ВВ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго
Университета,

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

ВЫПУСКЪ III.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1901.

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
MEMBERS OF THE CLASS OF 1912
APR 15 1929

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Им-
ператорскаго Казанскаго Университета.

И. д. Декана Д. Корсаковъ.

лямъ въ корыстныхъ и эгоистичныхъ представителяхъ мѣстной православной іерархіи, іезуиты при всѣхъ усиліяхъ не могли привлечь на свою сторону простонародье, господствовавшую массу западно-русскаго населенія, городского и сельскаго, — напротивъ, своими происками и насиліями вызвали въ этой массѣ открытый протестъ и такія силы на защиту исконной вѣры, какихъ, повидимому, никакъ не предполагали. Защита выступила — въ лицѣ церковныхъ братствъ.

Начальная исторія западно-русскихъ православныхъ церковныхъ братствъ не достаточно выяснена. Въ древней Руси, почти съ до-историческихъ временъ существовали зачатки братствъ, таковы называемыя „братчины“. Благоприятныя условія западно-русской городской жизни могли дать этимъ зачаткамъ особое развитіе. Общественная жизнь въ литовскихъ и западно-русскихъ городахъ была издавна особенно развита. По примѣру западной Европы, здѣсь издавна существовали купеческія гильдіи, промысловые и торговые союзы или цехи; развитію послѣднихъ очень много способствовало издавна существовавшее во многихъ городахъ литовской Руси „магдебургское право“, — существованіе котораго, въ свою очередь, значительно содѣйствовало болѣшему вообще сравнительно развитію въ юго-западной Руси общественно-городской жизни (сущность „права“ состояла въ томъ, что управление городомъ въ сильной степени переходило въ руки самихъ горожанъ). Въ связи съ этими особыми условіями общественной жизни западно-русскихъ городовъ, вѣроятно, и стоитъ древнѣйшая исторія западно-русскихъ церковныхъ братствъ. Точнаго момента ихъ возникновенія указать нельзя; первыя историческія извѣстія о нихъ относятся къ половинѣ XV вѣка. Случайное извѣстіе этого времени указываетъ на существованіе двухъ такихъ братствъ — одного въ Львовѣ [1439], другого въ Вильнѣ [1458]. На первыхъ порахъ, судя по сохранившимся извѣстіямъ, братства являлись съ характеромъ учрежденій ис-

ключительно церковно-хозяйственныхъ и религіозно филантропическихъ. Братчики, въ среду которыхъ въ началѣ принимались и люди католическаго вѣроисповѣданія, даже католическіе духовные,—исключительно заботятся о нуждахъ своего прихода и своей церкви; вмѣстѣ съ тѣмъ, братства примыкаютъ къ торговымъ гильдіямъ, нося на себѣ какой-то торгово-промышленный отпечатокъ. На послѣднее указываютъ самыя названія древнѣйшихъ братствъ: „кушнерское“, „кожемяцкое“ и т. п. Впрочемъ, каково бы ни было первоначальное происхожденіе этихъ братствъ, уже очень скоро, съ половины и 80-хъ гг. XVI вѣка, особенно же предъ наступленіемъ брестской уніи и вслѣдъ за нею, для всѣхъ нихъ главною, вполнѣ сознательною, цѣлью дѣятельности становится—распространеніе въ мѣстномъ православномъ населеніи образованія и защита православія, а вмѣстѣ и своей народности, отъ все болѣе и болѣе усиливавшейся пропаганды іезуитовъ. На этотъ новый характеръ дѣятельности братствъ ясно указываютъ „Чинъ Львовскаго братства“ 1586 года и „Чинъ Виленскаго братства“ 1588 года. Около времени брестской уніи, и число братствъ и ихъ дѣятельность въ указанномъ направленіи особенно усиливается. „Борьба съ протестантствомъ и латинствомъ придала этимъ бытовымъ и филантропическимъ учрежденіямъ религіозный характеръ, а уніа еще тѣснѣе сплотила эти союзы и направила ихъ къ охранѣ церкви православной. При отпаденіи аристократическихъ родовъ въ протестантство и латинство,—среднее сословіе, купцы и мѣщане, сомкнулись тѣснѣе, соединяя бытовые интересы съ церковными и не щадя ни силъ, ни средствъ на помощь нуждамъ церкви“... Главнымъ своимъ дѣломъ братства считаютъ заведеніе школъ и типографій, составленіе и печатаніе церковно-богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ, развитіе учебной литературы, и, наконецъ, путемъ литературной полемики, открытую борьбу съ усиливавшимся въ странѣ

католичествомъ. Въ ряду другихъ своими главнѣйшими обязанностями братчики ставятъ себѣ—„радити о церкви Божой“, „радити и пилное старане мѣти, абы наука вшелякая христіанскимъ дѣтемъ въ шволѣ была; обмыслити [заботиться] дидакалови учоному, пилному набоженства, науку досконалую дѣтемъ щире даючому, тривзому, слушное выховане и нагороду, жебы за пилною наукою его люде росли“... „Отъ наукъ, заявляють братчики—хвала всемогущаго Бога на землѣ можитя, потѣха родичомъ изъ сыновъ наказанныхъ ростеть, рѣчи посполитой оброна мощная и осдоба предивная фундуется и цвѣтеть“... Основывая у себя въ 1615 году церковное братство, кievскіе граждане въ „уписѣ“ на его учрежденіе писали: „Начинаемъ сіе душеспасительное друголюбное соединеніе, братство церковное, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ—на утѣшеніе и утвержденіе въ благочестіи нашому російскому роду сыномъ восточнаго православія, обывателемъ воеводства кievскаго, такъ духовнаго вшелякаго, яко и свѣтскаго стану, и всее рѣчи посполитое мѣстское и всѣмъ христоименитымъ людемъ, на выконаніе христіанскихъ милосерднихъ учинковъ, такъ духовныхъ, въ размноженію и вкорененію христіанскихъ добродѣтелей честнаго иноческаго житія. въ подаванію наукъ учтивыхъ и въ цвиченію дѣтей народу христіанского“... „Что есть въ нашей земли братство православныхъ?“—писали въ 1625 году кievскіе братчики въ московскому думному дяку Ив. Т. Грамматину, и отвѣчаютъ: „Братство нарицается, егда христіане православныи, живуще посредѣ иновѣрныхъ, посредѣ ляховъ, унѣятовъ и проклятыхъ еретиковъ, и хотяще отъ нихъ отлучатися и съ ними ничто же смѣстно имѣти, сами съ собою любовію совокупляются, имена своя во едино вписуютъ и братіями нарицаются: се же да твердѣе и скорѣе противовѣрныхъ отразити возмогутъ. Сіе братство и мы, граждане и благородніи, духовныи и мирстїи

во градѣ Кіевѣ, идѣже иновѣрство возрастаетъ, сотворихомъ "... На утверждение благочестія и правосл. апостольскія и отеческія вѣры, такожде на твердѣйшее отражение и отгнание ересей, въ церковь Божию отъ врага всѣхъ общаго діавола насѣянныхъ, мы христіане различныхъ сановъ, достоинствъ и упражненій суще, въ единство любви и въ тождество духа совокупльшися братство... устроихомъ",—писали тогда же кіевскіе братчичи къ царю Михаилу Теодоровичу, и продолжаютъ: „И училище отрочатомъ православнымъ милостію Божіею языка славено-росскаго, елино-греческаго и прочіихъ дидакаловъ великимъ иждивеніемъ устроихомъ,—да не отъ чуждаго источника піюще, смертоноснаго яда западнія схизмы упившеся, ко мрачно-темнымъ римлянѣмъ уклонятся"... Лучшею рекомендаціею успѣшнаго выполненія западно-русскими православными братствами этихъ задачъ служить отчасти заявленіе уніатскаго митрополита Рутскаго, который, донося о заботахъ своихъ по распространенію въ странѣ уніи, писалъ,—что этимъ заботамъ великую препону полагаетъ новое, основанное здѣсь [въ Кіевѣ] схизматиками братство; „трудно и думать о чемъ нибудь добромъ [т. е. благопріятномъ для латино-уніатовъ], если оно не будетъ уничтожено“...

Упомянутыя древнѣйшія братства, львовское и виленское, были первыми, выступившими на поприще общественно-церковной дѣятельности съ официальныхъ характеромъ учреждений, признанныхъ и утвержденныхъ церковной властью. Львовское было утверждено антиохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ въ 1585 году, виленское констант. патр. Іеремію въ 1588 году. Оба братства были поставлены въ непосредственную зависимость отъ самихъ патріарховъ и надѣлены были вслѣдствіе этого обширными полномочіями.

Рядомъ съ братствами львовскимъ и виленскимъ, уже очень рано въ самой Вильнѣ видимъ нѣсколько другихъ

братствъ,—какъ упомянутыя „кушнерское“, „кожемяцкое“ и др. Въ 1579 году возникаетъ братство въ Мстиславлѣ; въ 1582 г.—братство русское, въ предмѣстьѣ Вильны, Росѣ, а также—въ Голлогорсѣ и Гроднѣ; въ 1589 г.—„кушнерское“ братство въ Могилевѣ; ок. 1589 г. возникаетъ братство въ Замостьѣ, уставъ котораго былъ утвержденъ въ 1606 г.; также въ Люблинѣ,—при чемъ братчикамъ позволялось „наука шьолная чадомъ своимъ мѣти, пришелицовъ убогихъ по чину шьолному примовати“ и пр. Въ 1591 г. возникаетъ братство въ Брестѣ, въ 1592 г. въ Минскѣ, Кричевѣ, Оршевѣ и Перемышлѣ; въ 1594 году, въ грамотѣ брестскаго собора упоминается цѣлый рядъ новыхъ братствъ, неизвѣстно когда возникшихъ, но уже существовавшихъ въ это время: красноставское, гольшанское, городецкое, галицкое бѣльское, и „многія другія“. Вслѣдъ за брестской уніей 1696 г. открываются новыя братства: въ 1597 г.—въ Минскѣ, въ 1615—въ Кіевѣ, въ 1617 въ—Луцкѣ, и т. д.

Всѣ эти быстро возникшія братства имѣли въ общемъ одинаковое внутреннее устройство и преслѣдовали одни и тѣ же цѣли. Дѣятельность ихъ главнымъ образомъ направлялась, какъ уже замѣчено было, на поднятіе образованія въ мѣстномъ православномъ населеніи и на борьбу съ католической пропагандой. Въ видахъ того и другаго, братства больше всего заботились о распространеніи въ краѣ православныхъ школъ и типографій.

Какъ было уже замѣчено, образованіе въ юго-западной Руси въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ находилось въ крайнемъ упадкѣ; до 70-хъ гг. XVI ст. во всей области Великаго Княжества Литовскаго мы не видимъ напр. сколько нибудь правильно организованныхъ школъ для православнаго населенія: и здѣсь, какъ въ сѣверо-восточной Руси, были только частныя „мастера“, у которыхъ на дому учились начальной гра-

могъ желающіе, и преимущественно тѣ, которые готовились къ духовному званію. Православныя школы начинаютъ появляться въ Литвѣ и юго-западной Руси лишь съ началомъ просвѣтительной дѣятельности браствъ, и на первыхъ порахъ,—по почину частныхъ лицъ. Ок. 1572 г. кн. К. К. Острожскій первый открылъ на свои средства начальную школу въ Туровѣ, а спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1577 году, другую школу во Владимірѣ-Волинскомъ. Въ 1580 году имъ же были основаны двѣ школы—въ Острогѣ и Слуцкѣ, обѣ на личныя средства князя. Школы это принадлежали, по видимому, къ разряду высшихъ, и имѣли особенно важное значеніе для края. Ант. Поссевинъ въ своихъ донесеніяхъ указываетъ на нихъ какъ на препятствія къ готовящейся уніи: въ Острогѣ и Слуцкѣ, пишетъ онъ, имѣются свои типографіи и училища,—„въ коихъ сей расколъ (православіе) питается“... Въ 1586 году, по образцу острожской и луцкой школъ, открыло школу и браство львовское у себя въ Львовѣ. Не задолго до смерти, Острожскимъ же была основана школа въ монастырѣ дерманскомъ... Отдавая дерманскій монастырь подъ общежитіе, въ своей записи (1602 года) по этому поводу, кн. К. К. Острожскій требуетъ, чтобы въ монастырь принимались только такіе иноки, которые бы имѣли твердое рѣшеніе исполнять монашескіе уставы „и которые бы зайшли до науки; мають тѣжъ способнѣйшіе до науки учиться письма словенскаго, грецкаго и латинскаго, отъ особъ вѣры святое восточное будуще“...

До насъ сохранился уставъ львовской школы, утвержденный въ 1586 году патр. Іереміею. По уставу, учитель долженъ былъ не только обучать чтенію и письму, но и „грамматикѣ, риторикѣ, музыкѣ, св. евангелію и книгамъ апостольскимъ“; по всѣмъ этимъ предметамъ учитель долженъ выдавать ученикамъ „записки“. Кромѣ того, послѣ обѣда, учитель обучалъ воспитанниковъ „пасхалии, ариметикѣ и церковному

пѣнію“. По праздникамъ и въ воскресные дни дѣтямъ объяснялось значеніе праздниковъ, а также толковались положенія на тѣ дни чтенія евангельскія и апостольскія. Изъ устава не видно, чтобы въ львовской школѣ преподавался латинскій языкъ; называлась она „школою греческаго и славянскаго письма“. Судя по характеру преподаванія учебныхъ предметовъ, думаютъ, что это школа была, если не изъ высшихъ, то средняя... Въ 1588 г. такая же школа открыта была мѣстнымъ братствомъ въ Вильнѣ. Въ этой школѣ преподавался уже и латинскій языкъ,—какъ видно изъ письма виленскихъ братчиковъ къ львовскимъ, въ 1619 году. „Лѣта 1617-го, пишутъ братчики, Божією помощію сооружихомъ каменнымъ назданіемъ домъ школьный, въ пять училищъ (классовъ) раздѣленный, отъ нихъ же во трехъ л а т и н с к а я н а у к а и н о вѣрными (скудости ради своихъ) нѣмцами четется, въ четвертомъ русская, пятое во с л а в е н с к а г о и г р е ч е с к а г о языка названіе: въ нихъ же всѣхъ своего рода и благочестія трудолюбны учителя имѣти промысляюще, посылахомъ, о нихже искусныхъ на дѣло сіе вѣдѣхомъ, молихомъ и убѣждахомъ; доннѣ обаче соизволенія ихъ не улучихомъ. За еже и васъ братію благочестивую, о полезномъ церкви Христови многопромысливую, и родови своему теплѣ прилежащую братію умолены быти симъ посланіемъ нашимъ тщимся и уповаемъ, да его же таковыхъ мужей близъ васъ быти вѣсте, или увѣсте, моленіемъ вашимъ убѣждена къ намъ, во общую рода нашего пользу, препослете“... Для этой школы, кажется, въ 1619 г. Мелетія Смотрицкій, бывший въ то время ея преподавателемъ, и составилъ свою извѣстную *Славянскую грамматику*. Въ кievской братской школѣ, до преобразованія ея въ академію, было четыре отдѣленія: 1) русская школа, 2) инфима, 3) грамматика и 4) синтаксисъ. Въ 1591 г. брестскіе мѣщане устраиваютъ у себя въ Брестѣ церковное братство и при немъ школу,— „свою мѣстную волную русскую, для науки дѣтей ихъ мѣщанскихъ, такъ тежъ и иныхъ посполитныхъ людей,

ктобы кольвекъ з народу хрестыянского въ науку языка рускаго до тое школы ихъ мѣстское лати хотѣлъ“, — почему и названа въ грамотѣ „русскою школою“. Впрочемъ, школа брестская уже въ 1597 г. королевскимъ приказомъ отдана была Игнатію Поцѣю, „чтобы онъ постерегалъ, аже бы тамъ наука добрая и порядокъ слухный во всемъ быти могль“, т. е. для превращенія православной школы въ униатскую... Въ 1592 г. была открыта школа въ Минскѣ, при братствѣ мѣстномъ, „для науки (наученья) дѣтовъ малыихъ“; братству позволялось въ школѣ „бакаляра ховати и тамъ дѣтей письму греческому и русскому учить“. Кромѣ этой, повидимому, весьма незначительной и, кажется, вскорѣ превратившейся школы, въ Минскѣ же, при другомъ братствѣ, существовала другая школа, возникшая вмѣстѣ съ братствомъ въ 1613 году. Отъ этого другого минскаго братства до насъ сохранился любопытный протестъ, поданный братчиками на монаховъ мѣстной униатской церкви, по поводу насилій и оскорбленій, какія терпѣли ученики братской православной школы отъ учениковъ униатской: братство жалуется, что униатскіе монахи научаютъ „выростковъ и хлопятъ своей школы“ ловить братскихъ школьничковъ и дѣлать имъ всевозможныя обиды; униатскіе ученики, „слушаясь чернцовъ-бакаляровъ своихъ“, схватывали православныхъ дѣтей по улицамъ, „били ихъ и кровавили безнаказанно“... Въ 1592 году устроена была школа въ Перемышлѣ. Въ 1594 году въ Бѣльскѣ. Въ 1597 г. возникшее братство въ Могилевѣ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ своего существованія, выхлопотало особую грамоту, которою учреждалась при братствѣ школа „для безмезднаго обученія дѣтей вписныхъ братій и убогихъ сиротъ языку и письму славянскому, русскому, греческому, латинскому и польскому“, и позволялось „держать ученыхъ людей, духовныхъ и свѣтскихъ, для преподаванія въ школѣ и для проповѣди слова Божія“.

Братская могилевская школа, нѣсколько разъ, по навѣтамъ уніатовъ, перемѣнявшая свое мѣсто въ городѣ, существовала до позднѣйшаго времени и служила въ свое время „однимъ изъ самыхъ твердыхъ оплотовъ православія въ краѣ“. Въ 1615 году возникаетъ братство и при немъ школа въ Кіевѣ—будущая Академія... Въ 1617 году открывается школа въ Луцкѣ при мѣстномъ братствѣ; въ 1624 году луцкая братская школа составила для себя „уставъ“, утвержденный королемъ и дошедшій до насъ подъ названіемъ: *Артикулы правъ школы греко-латино-словацкой Луцкой и порядокъ школьный*. Въ 1634 году луцкое братство подверглось жестокому нападенію іезуитовъ и уніатовъ: послѣ праздничной процессіи, нѣсколько членовъ іезуитской коллегіи, собравъ толпу до ста человекъ, вооруженные, напали на братство, опустошили церковь, школу, больницу, нещадно избили игумена, монаховъ, старцевъ, учениковъ—всѣхъ, „абы только было русинъ“... Луцкое братство и школа существовали около ста лѣтъ, пока наконецъ, въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка, не были отданы уніатамъ. Нѣсколько позднѣе отрываются при мѣстныхъ братствахъ новыя школы—въ Пинскѣ (1633), Оршанскѣ (1649) и т. д.

Внутреннее устройство всѣхъ этихъ школъ, нужно думать, было въ общихъ чертахъ одинаково. Помимо упомянутаго устава львовской школы, нѣкоторое понятіе объ устройствѣ братскихъ школъ можетъ дать названный сейчасъ „уставъ“ луцкой школы. По правиламъ этого устава,—„въ школѣ учать только науки и добродѣтели; поэтому запрещается ученикамъ имѣть какія либо инструменты и ими заниматься, а также для пріобрѣтенія и соблюденія истинныхъ добродѣтелей, основывающихся на православіи, они не должны имѣть у себя „никакихъ и новѣрческихъ и еретическихъ книгъ“... Ученики дѣлились на три отдѣленія: одни учились „литерамъ и складамъ“, другіе „чи-

тали на память“, третьи „выкладывали, разсуждали, разумѣли“. Утромъ, послѣ молитвы, каждый долженъ прочитать свой вчерашній урокъ передъ учителемъ и показать ему свою тетрадь, на которой онъ переписалъ дома тотъ урокъ,—„затѣмъ долженъ учиться, подъ руководствомъ учителя, псалтыри, грамматикѣ и другимъ наукамъ“... Учитель обязанъ выдавать ученикамъ „въ запискахъ ученія отъ св. евангелій, посланій апостольскихъ, пророковъ, св. отецъ, философовъ, поэтовъ, историковъ и проч.“ Суббота употреблялась на повтореніе пройденнаго въ теченіе недѣли; кромѣ того въ этотъ же день „учились пасхалии и луннаго теченія и церковному пѣнію“... Въ дни воскресные и праздничные „учитель долженъ рассказывать дѣтямъ о праздникѣ и учить волю Божіей, послѣ же обѣда объяснять евангеліе и апостоль того праздника“... Изъ числа учениковъ выбирали на каждую недѣлю двоихъ или четверыхъ, по очереди, чтобы они подметали и отапливали школу, сидѣли у дверей и замѣчали поздно приходящихъ и рано выходящихъ, также не знающихъ уроковъ, шалуновъ—въ классѣ, на улицахъ и въ церкви“. Часто опускающихъ классы въ школу не принимали... Порядокъ преподаванія былъ слѣдующій: „научивши учениковъ складывать литеры, начинали обучать ихъ церковному пѣнію и вмѣстѣ грамматикѣ; затѣмъ приступали къ риторикѣ и діалектикѣ, которыя должны были излагаться на языкѣ славянскомъ; а списавши по русски риторику и діалектику, можно было переходить къ другимъ частямъ философіи“... „Школы славенское наука починается: напервѣй научившись складовъ литеръ, потомъ грамматики учать, при томъ же церковному чину учать, читаню, спѣваню., а такъ тому научатся, до большихъ приступаючи, къ діалектицѣ и риторикѣ...

и инымъ философскимъ письмамъ шволѣ нале-
жащимъ“... (уставъ луцкой школы). Въ львовской шволѣ
ученія грамматическое и діалектическое преподавались по-
видимому уже до 1592 года. Ученики каждый день должны
были говорить по гречески или по славянски, а не
простою мовою: „Также учать на каждый день, а бы-
дѣти единъ другого пыталъ по грецку, а бы-
ему отповѣдалъ по словенску, а тыжь пытаются
по словенску, а бы имѣ отповѣдалъ по простой
мовѣ. И тыжь не мають зъ собою мовити простою мо-
вою, оно словенскою и грецкою“ (уставъ луцкой
шволы). Изъ языковъ, кромѣ русскаго и славянскаго, въ
братскихъ школахъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ
нихъ, какъ видимъ, преподавали греческій и латинскій. Бо-
лѣе или менѣе обычнымъ названіемъ шволѣ въ королевскихъ
грамотахъ было „греко-латино-словенскія“. Въ 1604 году
виленское братство, какъ мы видѣли, сожалѣло, что у нихъ
„латинская наука иновѣрными (скудости ради своихъ) нѣмцами
чтется“. Когда въ 1591 году митр. Михаилъ Рогоза прибылъ
во Львовъ и посѣтилъ здѣшнюю братскую шволу,—ученики
шволы привѣтствовали его греческими и славянскими стихами.
„О довольно широкомъ примѣненіи греческаго языка въ южно-
русскихъ школахъ свидѣлствуютъ, замѣчаетъ проф. Голу-
бевъ, дошедшіе до насъ памятники на греческомъ языкѣ,
принадлежащіе перу наставниковъ и воспитанниковъ южно-
русскихъ шволѣ (*Греческая грамматика*, изд. 1591 г. во Льво-
вѣ, *Просфонима* и друг. панегирики на греческомъ языкѣ).
Самыя названія учителей—дидакалами, а учениковъ
спудеями нельзя не считать признакомъ значительнаго
преобладанія въ означенныхъ школахъ греческаго элемента“. Преподаваніе латинскаго языка также существовало въ
западно-русскихъ школахъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ
неодноразныя указанія вышеприведенныхъ письменныхъ па-
мятниковъ и актовъ,—но было поставлено, очевидно, гораздо

ниже преподаванія языка греческаго. Возвышеніе уровня преподаванія латинскаго языка, какъ и всей вообще „латинской науки“—въ исторіи западно-русскаго образованія принадлежало Петру Могилаѣ. Сильвестръ Коссовъ въ своей защитѣ вновь устроенныхъ Могилою училищъ—въ частности долженъ былъ защищать и необходимость преподаванія въ нихъ латинскаго языка. „Первая причина, писалъ онъ между прочимъ, почему нашему народу потребна латинская наука—та, чтобы нашей Руси не называли глупою Русью. А то поѣдетъ бѣдняга русинъ на трибуналь, на сеймъ на сеймикъ, въ городской или земскій судъ,—смотришь безъ *lacinu*, *placi wipu*: ни судьи, ни стряпчаго, ни ума, ни посла; глядитъ только то на того, то на другого, вытаращивъ глаза, какъ ворона“... Что вообще въ братскія школы уже рано стала проникать „латинская прелесть“—въ видѣ не только латинскаго языка, но и другихъ латинскихъ наукъ, косвеннымъ свидѣтельствомъ этого являются нападенія на латинскую науку со стороны Іоанна Вишенскаго, который писалъ въ Зачапкѣ: „Боячися, жебы есте дѣти своя хитростію и ересью латинскою не отравили и не поморили, залецаю вамъ православнымъ правовѣрную школу, и порадую даю, чого ся учить имѣютъ, чтобы дѣти ваши спасли, и по васъ благочестіе задержали и христіанство своей вѣры не стратили. Во первыхъ влючъ, или грецкую или словенскую грамматику да учать. По грамматикѣ же, во мѣсто лживое діалектики (зъ бѣлаго въ черное, а изъ чернаго въ бѣло перетворяти учащее), тогда бо учать богомолёбнаго и праведнословнаго Часословца; во мѣсто хитрорѣчныхъ силлогизмъ и велерѣчивое риторики, тогда учать богоугодно молёбный Псалтырь; во мѣсто философіи, надворнѣе и по воздуху мысль разумную скитатися зиждущее, тогда учать плачивый и смиренно-мудривый Охтайкъ, а по нашему церковнаго благочестія догматы, Осмогласнїе: таже конечное и богоугодное предспѣваніе въ разумѣ дѣльное богословіе; тог-

да учать святую евангельскую проповѣдь, съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ, не слухи (рѣчь упрямудривши то-хо) чесати словомъ проповѣднымъ, але силу св. Духа влагати въ слышащихъ сердца“...

Вообще курсъ преподаванія въ братскихъ школахъ былъ, какъ видимъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, довольно обширнымъ. Во многихъ изъ школъ преподавались: ариѳметика, грамматика, поэзія, риторика, діалектика, а иногда— и „другія части“ философіи. Въ 1590 году кievскій митр. Михайлъ въ своей „вѣтвенной грамотѣ“ на львовскихъ мѣщанъ Рудька и Билдагая, отлучая ихъ отъ церкви, писалъ: „Маемъ того вѣдомость, ижъ вы соединившися зъ епискомъ львовскимъ, тамошнему братству львовскому храму Пречистыа Богоматере повазнился на нихъ самыхъ и на школьное ихъ ученіе, будучи противни непомалу книгамъ святымъ распространенію и слова Божого проповѣди священническаго ученья, и много стропотныхъ словъ съ возногласіемъ отъ хульнаго наученія въ единомыслии злѣ ревнующи, и глаголющи на братство тамошнее всяко неправду, причитаючи имъ нѣшто въ несовершенной науцѣ пустошного и растлѣнного и малопотребного отъ нихъ ученія, запрещаючи своимъ злымъ наукомъ до нихъ приходити, грамматическаго, діалектическаго и риторическаго ученія и церковного согласія научиться, многимъ людямъ до ихъ соборне школы“... Въ нѣкоторыхъ „высшихъ“ школахъ курсъ преподаванія повидимому расширялся даже до полнаго объема такъ назыв. семи „свободныхъ наукъ“; королевская грамота 1592 года даетъ львовскому братству „pro tractandis liberis artibus [подъ семью „свободными науками“ разумѣлись: грамматика, логика, риторика, географія, ариѳметика, астрономія, музыка]. Но вообще главнымъ образомъ вниманіе въ братскихъ школахъ обращалось на преподаваніе св. Писанія, изученіе твореній отцовъ церкви, церковнаго устава, чтеніе и пѣніе. Главной цѣлью этихъ школъ было низшее, первоначальное образованіе. Правда, братства

повидимому, употребляли всѣ силы на то, чтобы расширить и поднять уровень преподаванія въ своихъ школахъ, но часто встрѣчали непреодолимое препятствіе къ этому въ крайнемъ недостаткѣ способныхъ православныхъ учителей... Уже въ 1592 г. кн. Острожскій, въ письмѣ къ львовскому братству, жалуется на скудость въ своей школѣ учителей и на великій вслѣдствіе этого „научный голодъ“... „Всѣ ваши попытки поднять просвѣщеніе не удаются“,—писалъ, обращаясь къ православнымъ, М. Смотрицкій, послѣ своего перехода въ унию. Плохи были ваши школы прежде, а теперь стали еще хуже. Гдѣ училища острожское, львовское, брестское и другія? А виленское? Много было потрачено на него кошту [издержекъ], а пользы мало; вотъ уже сколько лѣтъ изъ него, какъ изъ камня,—ни огня, ни воды... Дѣти въ вашихъ школахъ только и получаютъ тотъ прибытокъ, что изъ телятъ становятся волами“... Любопытныя данныя для характеристики братскихъ школъ 20-хъ гг. XVII ст. представляетъ *посланіе* къ львовскимъ братчикамъ александрійскаго патр. Кирилла Лукариса...—Позже, во второй половинѣ XVII в., въ православныя бартскія школы переходить обычай польскихъ и мѣстныхъ іезуитскихъ училищъ—устраивать въ школѣ, при участіи самихъ учениковъ, театральныя представленія духовнаго содержанія, мистеріи и діалоги; такъ, въ 1689 году въ львовской школѣ было дано такое представленіе, „съ великою пышностью, при многочисленномъ стеченіи зрителей“....

Но каково бы ни было устройство этихъ школъ, каковъ бы ни былъ уровень преподаванія въ нихъ, изъ сохранившихся отрывочныхъ указаній мы можемъ замѣтить, что уровень этотъ въ общемъ былъ далеко не ничтожнымъ; братскія школы имѣли огромное значеніе для края. Довольно того, что эти школы были первыми школами для западно-русскаго православнаго населенія, первыми разсѣлками среди него образованія. Другимъ весьма важнымъ достоинствомъ западно-русскихъ братскихъ школъ была ихъ общесословность,—доступъ въ нихъ былъ сво-

бодно открытъ для всѣхъ сословій, духовныхъ и свѣтскихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, даже нищихъ. До насъ сохранились „списки“ учениковъ нѣкоторыхъ школъ, съ указаніемъ званій каждаго изъ нихъ; въ одномъ изъ такихъ списковъ [львовскаго братства, 1588 года], напримѣръ, значится: „Катерина вдова дала [въ ученѣе] сына ея Юлка—нищій... „Богатые предъ убогими—говорилось въ школьныхъ уставахъ—ничѣмъ не могутъ быть выше, какъ только наукою. Ибо всѣ мы братія о Христа, всѣ мы члены одной главы, Христа, и ни одинъ членъ, напр. глазъ рукѣ и рука ногѣ не можетъ сказать: «Ты мнѣ не нужна“.... Возставая противъ сословной заносчивости, Іоаннъ Вишенскій писалъ, обращаясь къ людямъ, съвысока относившимся къ горожанамъ и крестьянамъ: „Пытаю тебя, ругателя имени, чимъ ты лѣпшій отъ холопа? Албо ты не таяжъ матерія, глина и персть, ознай ми? албо ты ни тое тѣло и кровь? албо ты не тая жъ желчь, харютина, слипа и тлѣвіе? или ты отъ камня утесанъ и не маешъ вишокъ и слюзу холопскаго? ознай ми... А егда показати не можешъ, яко ты каменный, костяный или наветъ и золотый, только такій же гной, и тѣло, и кровь, яко и всякъ человекъ, чимъ же ты ея лѣпшимъ показати можешъ надъ хлопомъ? Явно, ничимъ другимъ, только хулою и величаніемъ гордости предъ человекъ, а предъ всевидящимъ Окомъ окаяннѣйшій и всѣхъ тварей безчестнѣйшій еси“...

Вмѣстѣ съ школами въ предѣлахъ юго-западной Руси къ концу XVI в. разростается и книгопечатаніе. Типографіи быстро возникаютъ одна за другой. Печатаніе славянскихъ книгъ началось еще съ конца XV в., и за границей. Въ 1490—1491 годахъ, въ Краковѣ, нѣкто Швайполтъ Фѣоль, „мѣщанинъ краковскій, изъ нѣмецъ, нѣмецкаго рода», напечаталъ первыя славянскія книги: *Осмогласникъ* (Октоихъ), *Часословецъ*, *Псалтирь съ возмѣдованіемъ*, *Триодъ Постную* и *Триодъ Цвѣтную*. Въ 1493—1512 гг. нѣсколько богослужебныхъ славянскихъ книгъ было издано въ Венеціи, Цетиньѣ, Угровлахіи. Въ 1517—1519 гг., въ Прагѣ, нѣкто Францискъ Скорина,

„докторъ медицинскихъ наукъ, зъ Полоцка,“ предпринялъ изданіе всей *Библии* на „русскомъ“ языкѣ,—держась отчасти латинской Библии Вульгаты, отчасти Библий чешской и греческой. Изданіе выходило отдѣльными выпусками, которыхъ вышло 22. Въ 1517 г. имъ же, въ Прагѣ, издана была *Псалтирь*. Въ 1525 г. Скорина перенесъ свою типографію въ Вильну и напечаталъ здѣсь *Апостолъ* и *Малую подорожную книжину*; въ послѣднюю вошли: Псалтирь, Часословецъ, акаѳисты, каноны, Шестодневецъ, Святцы краткіе и пасхалія. Типографія Скорины была первою типографіей въ литовской Руси. Мѣстныя западно-русскія типографіи начинаютъ возникать съ половины XVI в. Такъ, въ 1562 г. мы видимъ типографію въ Несвижѣ [мѣстечко слупск. уѣзда, мѣст. губ.], гдѣ были напечатаны *Катихизисъ* и *Оправданіе грѣшнаго человека предъ Богомъ* Симона Буднаго, въ литовско-русскомъ переводѣ. Въ 1569 году открыта типографія въ Заблудовѣ [мѣстечко въ бѣлостокск. уѣздѣ, гроднен. губ.], въ имѣніи гетм. Г. А. Ходкевича, гдѣ нашли себѣ убѣжище изгнанные изъ Москвы, Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ, первые русскіе книгопечатники; на средства Ходкевича они издали здѣсь въ 1568—1569 гг. *Учительное Евангеліе*. Съ 1574 г. открывается типографія во Львовѣ и скоро переходитъ въ вѣдѣніе братства. Въ 1575 г. заводится новая типографія, въ Вильнѣ. Въ 1580 г. вн. К. К. Острожскій открываетъ на свои средства типографію въ Острогѣ, нѣсколько поздне—въ Дермані. Ок. того-же времени возникаетъ типографія нѣкоего Тапинскаго, и т. д. Въ первыхъ годахъ XVII в. мы видимъ дѣйствующими въ юго-западной Руси уже цѣлый рядъ типографій—въ Эви, Крилосѣ, Стратинѣ, Киевѣ, Могилевѣ, Почаевѣ, Рахмановѣ, Луцкѣ, Кутеинѣ... [Впрочемъ, многіе изъ возникшихъ типографій были кочевыми: типографы ѣздили по знатымъ панамъ, печатали въ ихъ маестностяхъ и, перемежая выходные и посвященные листы, подносили одну и ту же книгу разнымъ патронамъ. Противъ этихъ кочевыхъ типогра-

фовъ особенно вооружался Петръ Могила]. Богатые монастыри, какъ кутейскій, оршанскій, уневскій, черниговскій, елицкій и др., старались заводить у себя собственныя типографіи. Рядомъ съ печатаніемъ, продолжалась и прежняя переписка книгъ, уже напечатанныхъ: такъ издатель „Псалтырь“, напечатанной въ Вильнѣ въ 1575 году, прося снисхожденія къ своему труду, замѣчаетъ: „Хотящии же преписовати или прочитати книгу сію“...

Нѣсколькими годами позднѣе, какъ существенное дополненіе къ возникавшимъ повсюду братскимъ школамъ, а также и для ихъ дальнѣйшей поддержки и развитія,—въ 1631 году, въ Кіевѣ, „труды и тщаніемъ“ кіевск. митр. Петра Могила, основывается „коллегія“, или „академія“, высшее училище для образованія православныхъ. Мы не будемъ останавливаться на исторіи возникновенія Кіевской академіи; мы ограничимся приведеніемъ лишь нѣсколькихъ сохранившихся свидѣтельствъ, дающихъ понятіе о томъ характерѣ и объемѣ преподаванія наукъ, какіе введены были въ новооснованной школѣ уже на самыхъ первыхъ порахъ: этихъ данныхъ, думаемъ, будетъ достаточно, чтобы видѣть, какъ значительно отличалась основанная Могилою коллегія—и кругомъ преподаваемыхъ въ ней наукъ и самымъ характеромъ и методомъ преподаванія—отъ прежнихъ братскихъ школъ. Особенно важной въ этомъ отношеніи является небольшая книжка, изданная въ Кіевопечерской Лаврѣ въ 1632 г. подъ заглавіемъ *Евхаристиріонъ албо вдячностъ* и пр.,—поднесенная въ пасхѣ этого года Петру Могилѣ „спудеями“ основанной имъ школы. Книжка представляетъ собою рядъ привѣтствій митрополиту. Петра Могила привѣтствуетъ Геликонъ,—„садъ умѣтности первый, осмь кореній вызволеныхъ наукъ въ собѣ маючій, презъ пречестнѣйшого его милости господина отца киръ Петра Могила въ Россіи новофундованый“, и Парнасъ—„садъ умѣтности второй“, который „стараньемъ и коштомъ ясне превелебнѣйшого

въ Христѣ его мил. госп. о. е. Петра Могилы архим. кievскаго, воеводича земель Молдавскихъ, подь часъ весны особливое ку народови Россійскому ласки Божей, десять лѣтораслій наукъ вызволенныхъ южь зъ себе выпускаеть“. Изъ „вызволенныхъ наукъ“ первой привѣтствуетъ „грамматика“ [„учить словъ и мовы“], за нею „реторика“ [„учить словъ и вымовы“], далѣе „дiалектика“ [„учить разумного въ рѣчахъ познаваня“], „ариметика“ [„учить личбы“], „музика“ [„учить спѣваня“], „геометрiа“ [„учить землѣ размѣрена“], „астрономiа“ [„учить бѣговъ небесныхъ“]—наконецъ, „корень и верхъ всѣхъ наукъ и умѣтностей, еологiа“ [„учить бозскихъ речей“]. Всѣ эти науки, въ лицѣ „спудеовъ“, каждая отдѣльно, привѣтствуютъ Петра Могилу. Очевидно, всѣ они уже преподавались въ заведенной коллегiѣ... Въ концѣ августа 1633 года, Исаiя Трофимовичъ Козловскiй, ректоръ новой коллегiи [переведенной передь этимъ изъ Киевопечерской Лавры въ Кiевъ и соединенной съ существовавшимъ тамъ братскимъ училищемъ], въ одномъ письмѣ къ митрополичьему намѣстнику сообщаетъ: „Мы першого сентеврiа зачинаемъ по старому: я курсъ философиi, отецъ Косовъ реторикки...; отецъ Пацевскiй по егикку...; и прочiи усвоихъ школахъ“...—Основанная Академiя такимъ образомъ значительно расширяла дотолѣ извѣстный въ братскихъ школахъ кругъ наукъ. Имѣя своими профессорами людей съ западно-европейскимъ образованiемъ, академiя развивала, и въ обществѣ и въ литературѣ, серьезное научное направление, знакомила общество съ западною наукою, западнымъ методомъ изученiя, западными идеями... Нельзя впрочемъ, къ сожалѣнiю, не прибавить, то все это вносилось въ той мертвой, схоластической формѣ, которая господствовала въ то время на западѣ. Упомянутая сейчасъ книжка „Евхаристирiонъ“ съ этой стороны получаетъ особое значение: ея содержанiе, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Голубевъ, „служить краснорѣчивымъ доказа-

тельствомъ того, что тотъ внѣшній блескъ схоластической науки, тѣ риторическія фразы и „хитрорѣчіе“, которыя были присущи западно-европейскимъ, въ особенности іезуитскимъ коллегіямъ,—сразу же пустили глубокіе корни и въ могилянскомъ гимназіумѣ“...

Дѣятельность западно-русскихъ православныхъ братствъ не была единичной, изолированной; напротивъ, она какъ нельзя лучше отвѣчала религіозному возбужденію края во всемъ обществѣ.

Дѣятельность православныхъ братствъ отчасти предшествуется, отчасти сопровождается дѣятельностью совершенно отдѣльных, частныхъ лицъ, которыя или тѣсно примыкають къ братствамъ, находятся съ послѣдними въ постоянныхъ, тѣсныхъ сношеніяхъ, или стоятъ отдѣльно отъ нихъ, предшествуя своими трудами развитію ихъ дѣятельности... Главными изъ такихъ лицъ были: кн. А. М. Курбскій, кн. К. К. Острожскій,—вмѣстѣ съ ихъ предшественникомъ, „докторомъ лѣкарскихъ наукъ“, Францыскомъ Скориною „съ Полоцка“; изъ духовенства: Гедеонъ Балабанъ Елисей Плетенецкій, Петръ Могила.. Не говоримъ о другихъ лицахъ, сочувствовавшихъ и содѣйствовавшихъ борьбѣ—о лицахъ, которыя напр. давали средства на изданіе православныхъ книгъ, на заведеніе школъ и т. п. Говъ Борецкій въ своемъ *Совѣтованіи о благочестіи*, въ 1621 г., убѣждаетъ современное православное духовенство „возбуждать и приготавливать ко святому мученичеству, казѣ самихъ себя, такъ и сердца народа..., писать и печатать въ защиту благочестія книги... Въ церквахъ, каждый воскресный и праздничный день должна быть проповѣдь.; заводить по городамъ школы...“ Гетманъ Сагайдачный († 1622) въ *духовномъ завѣщаніи* отказываетъ львовскому братству 1500 злотыхъ— „на школу братства, на

науку и на цвиченье бакаларовъ учоныхъ, на выхо-
ванье учоного майстра, въ греческомъ языку бѣглого, церкви
Божой и дѣткамъ христіанскимъ народу російскаго потреб-
наго“... Весьма характерной личностью близкаго къ этому вре-
мени является Афанасій Филипповичъ († 1648), въ
которой мы видимъ какъ бы „совокупность всѣхъ наиболее
крупныхъ чертъ, опредѣляющихъ весьма точно настроеніе сто-
ронниковъ православной вѣры въ первой половинѣ XVII сто-
лѣтія“... Частныя, единичныя мѣры не удовлетворяютъ Филиппо-
вича; его идеаль, цѣль всей его жизни—„грунтовное“ успоко-
еніе православія во всѣхъ польскихъ владѣніяхъ, и полное,
окончательное уничтоженіе уни. Филипповичъ былъ по своему
человѣкъ очень образованный. Многочисленныя, уцѣлѣвшія до
нашего времени, его разсужденія, суплики и меморіалы объ
уни, о бѣдственномъ состояніи православной церкви, о не-
устройствахъ въ церкви римской и т. п., свидѣлствуютъ.
о томъ, что онъ хорошо зналъ польскій, латинскій и греческій
языки, обладалъ громадной начитанностью въ литературѣ.
Не говоримъ также о цѣлыхъ монастыряхъ, иноки которыхъ
принимали нерѣдко также посильное участіе въ общемъ ум-
ственномъ движеніи. Во главѣ западно-русскихъ православныхъ
монастырей стояла въ это время Кіево-печерская Лавра,
оставшаяся до самаго конца XV в. въ сильномъ запустеніи,
но къ концу XVI в. сдѣлавшаяся самой богатой обителью въ
юго-западной Руси. Съ этого-же времени Лавра примыкаетъ
и къ общему, возникшему въ странѣ, религіозному движенію.
Ея архимандриты, какъ Никифоръ Туръ [1593—1599],
Елисей Плетенецкій [1599—1624], Захарій Копы-
стенскій [1624—1627], подготовили въ ней свою просвѣ-
тительную дѣятельностью почву для дѣятельности Петра
Могилы [1647—1649]. Елисей Плетенецкій собралъ около
себя цѣлое общество ученыхъ иноковъ: въ концѣ XVI—нач.
XVII вв., мы видимъ въ Кіево-печерской Лаврѣ завѣдую-
щими изданіями монастыря—Захарія Копыстенскаго,

Памву Беринду, Стефана Беринду, Тарасія Левонича Земку, Лаврентія Зизанія Тустановскаго, Іосифа Кириловича, Гавріила Дороеевича, Филоея Кизаревича, Александра Митуру, Тимоея Александровича Вербицкаго и иер. др. Почти всѣ эти лица, по словамъ Копыстенскаго, „были згромажены на святое мѣсце“ [въ Кіево-печерскую Лавру] Елисеємъ Плетенецкимъ; имъ „на этомъ мѣспѣ держаны и якъ духовнымъ такъ въ изобиліи и тѣлеснымъ выхованемъ пѣствованы и загрѣваны“... Иногда эти лица, какъ напр. Гедeonъ Балабанъ, временно находились, въ силу особыхъ, личныхъ причинъ, во враждебныхъ отношеніяхъ къ братствамъ, — но это было исключеніемъ; вообще же дѣятельность названныхъ лицъ вездѣ и всюду направлялась къ той-же одной цѣли, которую имѣли у себя и братства—къ поднятію просвѣщенія въ средѣ православныхъ, къ борьбѣ съ разными антиправославными мнѣніями, въ обиліи распространявшимися въ краѣ, и особенно—къ борьбѣ съ католической прапагандой, все болѣе и болѣе усиливавшейся. Труды этихъ дѣятелей, труды отрывочные, случайные, тѣсно примыкая, по своему характеру и по своимъ цѣлямъ, къ болѣе широкой дѣятельности братствъ, имѣли въ высшей степени благотворное значеніе—въ смыслѣ еще ббльшаго усиленія этой дѣятельности, въ смыслѣ поддержки и развитія общаго, возникшаго въ странѣ, умственно-религіознаго движенія.

Особенно важными въ этомъ отношеніи были, какъ наиболѣе ранніе, труды Франциска Скоринны, кн. А. М. Курбскаго и кн. К. К. Острожскаго.

Біографическія свѣдѣнія о Францискѣ Скоринѣ—вообще очень скудны. Ни годъ рожденія его, ни годъ смерти неизвѣстны. „Не извѣстно въ точности и мѣсто его окончательнаго образованія, а равно и самое его вѣроисповѣданіе... На основаніи нѣкоторыхъ соображеній

проф. Владимировъ высказываетъ предположеніе, что „въ 1517 году, когда онъ издалъ свою первую книгу въ Прагѣ, ему было не менѣе 27 лѣтъ“... Последнее извѣстіе о Скоринѣ съ годомъ относится къ 1535 году. Во всѣхъ случаяхъ,—нельзя сомнѣваться въ томъ, замѣчаетъ изслѣдователь, что по происхожденію онъ былъ русскій и родился въ Полоцкѣ. На свое русское происхожденіе Скорина всякій разъ указываетъ въ своихъ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ: „доктора Франциска Скорины съ Полоцка“...; „въ лѣкарскихъ наукахъ доктора, Франциска Скорина сына, съ Полоцка“...; „ученаго мужа Ф. Скорины изъ славнаго града Полоцка, въ наукахъ и въ лѣкарствѣ учителя“...; „выкладомъ ученаго мужа, въ лѣкарскихъ наукахъ доктора, Франциска Скорина сына, изъ славнаго града Полоцка“ и т. д. Въ концѣ предисловія къ Псалтыри онъ замѣчаетъ, что издаетъ свою книгу—„къ пожиту посполитого доброго, наиболѣе съ тое причинѣ, еже ма милостивый Богъ съ того языка на свѣтъ пустилъ“... Францискъ Скорина принадлежалъ къ богатой купеческой фамиліи въ Полоцкѣ,—въ одномъ изъ самыхъ богатыхъ и старинныхъ городовъ юго-западной Руси; около 1525 года „докторъ“ Францискъ Скорина становится постояннымъ жителемъ Вильны,—имѣетъ здѣсь свою типографію... Къ этому времени, даже за нѣсколько лѣтъ раньше—уже окончился наиболѣе дѣятельный періодъ издательныхъ трудовъ Скорины, протекшій въ Прагѣ, въ Богеміи... Почему типографская дѣятельность Скорины перенесена была въ Вильну, почему прекратилась она въ Прагѣ, а потомъ скоро и въ Вильнѣ—изслѣдователи не даютъ отвѣта...

Замѣчательно, Курбскій относился съ неодобреніемъ къ изданіямъ Скорины, считалъ „переводъ Скорины Полоцкаго“ сдѣланнымъ „съ препорченныхъ книгъ жидовскихъ“. Но мнѣніе это—лишь недоразумѣніе.... По вы-

водамъ позднѣйшаго изслѣдователя, переводъ библейскихъ книгъ Скорины и его толкованія въ предисловіяхъ—„не имѣютъ никакого отношенія къ протестантскимъ переводамъ св. Писанія“; нельзя считать этотъ переводъ также и „выраженіемъ исключительно католическаго направленія“... Библия русская Скорины издана „для православныхъ читателей юго-западнаго Руси съ общей нравственно-просвѣтительной цѣлью,—дать читателямъ полную и понятную Библию“. Отсюда и свобода въ переводѣ Скорины...

Русское происхожденіе и православіе издателя лучше всего доказывается самымъ характеромъ его изданій; составъ и вѣроисповѣдный характеръ этихъ изданій—строго православный.

Нельзя не отмѣтить въ западно-русской литературѣ этого времени стремленія къ передачѣ книгъ св. Писанія на языкѣ мѣстномъ, народномъ. Насколько сильно было это стремленіе,—свидѣтельствуютъ такіе памятники, какъ *Пересопническое Евангеліе*, южно-русскій переводъ *Пѣсни Пѣсней*, начатое печатаніемъ *Евангеліе* Тяпинскаго и др. п.

Это направленіе съ полной опредѣленностью связывается и въ изданіяхъ Скорины: издавая церковно-славянскія книги, онъ выставляетъ на поляхъ противъ старо-славянскихъ, по его мнѣнію, „неразумныхъ (непонятныхъ) простымъ людямъ“—„русскія слова“, а въ своихъ исправленіяхъ и переводахъ вводитъ „русскій языкъ“, придерживаясь лишь отчасти нѣкоторыхъ старославянскихъ выраженій. Главная цѣль изданій Скорины—„наученіе простыхъ людей рускаго языка“... Именно эта цѣль указывается и въ упомянутыхъ сейчасъ западно-русскихъ памятникахъ XVI в., рукописныхъ и печатныхъ: *Пересопническое Евангеліе* 1556—1561 г. пишется „для лѣпшого выразумленя люду христіанскаго посполитого...“,—*Учительное Евангеліе* 1569 г. печатается „выразумѣнія ради простыхъ людей“,—*Евангеліе* Тяпинскаго „для лѣпшого разсудву“ и т. д. и т. д.

Въ концѣ „Подорожной Книжицы“ Фр. Скорины приложены „Светьци кроткіи“, имѣючи въ собѣ раздѣлены времена на нашу землю, колико которые дни въ году или ноши держать часовъ и дробныхъ, и яко година пребудеть которому дню или ноши, все написано есть... За „светцами“ слѣдуетъ „Пасхалія на многа лѣта, замыкаючи справу празниковъ“. Въ святцахъ, при названіяхъ мѣсяцевъ, приводятся и ихъ славянскія наименованія: „Мѣсець септеврій зовемы вресень, октоврій рекомы листопадъ, ноемврій иже есть грудень, декаврій еже есть просинець, генуаръ зовемы стычень, февраль рекомы люты, мартъ рекомы марецъ, апрѣль зовемы квѣтень, май по тому же май, іюнь рекомы чирвецъ, іюль рекомы липецъ, августъ рекомы серпень“....

Свою издательскую дѣятельность Скорина началъ съ Псалтыри, самой распространенной книги въ древней Руси. Изданная имъ въ Прагѣ, въ 1517 году, *Псалтырь* является прототипомъ громаднаго количества слѣдовавшихъ затѣмъ изданій такъ наз. Учебной Псалтыри, издавна употреблявшейся въ древней Руси и одной изъ самыхъ любимыхъ книгъ древне-русскихъ читателей. Изданіе начинается „предисловіемъ“, гдѣ издатель говоритъ объ особой важности и высокихъ достоинствахъ Псалтыри, сравнительно съ другими книгами Ветхаго Завѣта. Каждая изъ священныхъ книгъ, говоритъ авторъ, заключаетъ въ себѣ одно что-нибудь: Книги Закона, напр., научаютъ, какъ достигать вѣчной жизни, Притчи наставляютъ добрымъ обычаемъ...; „Псалтырь же сама едина вси тые речи в собѣ замыкаетъ, и всѣхъ тыхъ учить и все проповѣдуетъ. Суть бо в ней псалмы, яко бы сокровище всехъ драгихъ skarбовъ, всяки и вемощи духовныи и тѣлесныи уздравляютъ, душу и смыслы освѣщаютъ, гнѣвъ и ярость усмиряють, миръ и покой чиняють, смутокъ и печаль отгоняють, чювствіе в молитвахъ дають, людей въ пріязнь зводятъ, ласку и милость укрѣпляютъ, бѣсы изгоня-

ють, ангелы на мощь призываютъ. Псаломъ есть питъ противъ бѣсовскимъ ношнымъ мечтаніемъ и страхомъ, покой деннымъ суетамъ и работамъ, защититель младыхъ и радость, старымъ потѣха и пѣсни, женамъ набожная молитва и по-краса, дѣтемъ младымъ початокъ всякое доброе науки, дорослымъ помноженіе въ науцѣ, мужемъ мощное утверженіе... И что есть, чего в псалмахъ не найдешь? Нѣсть ли тамъ величества божия и хвалы его; тамъ есть справедливость, тамъ есть чистота душевная и тѣлесная, тамъ есть наука всякое правды, тамъ мудрость и разумъ досконалый, тамъ есть милость и друголюбовство безъ лести.. Все тыи речи, якобы у великомъ сокровищи, в сей малой Псалтыри найдешь. И видечи таковыя пожиты въ таеъ малой книзѣ, я Францишекъ Скорининъ сынъ съ Полоцъка, въ лѣварскихъ наукахъ докторъ, повелѣлъ есми Псалтырю тиснути рускыми словами, а словенскимъ языкомъ...—къ пожитку посполитого доброго, наиболѣи съ тое причины, иже мя милостивый Богъ съ того языка на свѣтъ пустилъ...“ Въ концѣ предисловія, говоря о самомъ изданіи, Скорина замѣчаетъ: „Положилъ есми нѣкоторые на страницахъ в сей Псалтыри главы з разныхъ книгъ, а то для того, абы знакомито было, иже все иные светые писма згожаются съ Псалтырею, и одно на другое светчить. А то чтути въ тыхъ книгахъ, иже суть главы на боцѣхъ пописаны, знайдете. Также положилъ есми на боцѣхъ нѣкоторые слова для людей простыхъ, не рушаючи самое Псалтыри ни в чемъ же, яко суть: онагри и геродеево жилище и хлябѣ, и иные слова, которые суть въ Псалтыри неразумны и простымъ людемъ,—найдуть е на боцѣхъ рускимъ языкомъ, что которое слово знаменуетъ. Теже роздѣлилъ есми все псалмы на стихи по тому, яко ся в иныхъ языкѣхъ дѣлать“... Предисловіе это въ главномъ содержаніи заимствовано изъ извѣстнаго „Предисловія въ на-

чало псалмовъ Василія В.“, очень нерѣдко помѣщавшагося въ началѣ славянскихъ списковъ Псалтыри; впрочемъ, отчасти „предисловіе“ Скорины напоминаетъ собою и одно изъ сочиненій Аѳанасія Александрійскаго, — посланіе къ Маркеллину о толкованіи псалмовъ [см. Migne'я, Part. Curs. Compl., ser. gr., t. XXVII, col. 11—60]. Любопытны упоминаемыя здѣсь объясненія, дѣлаемыя на поляхъ, различныхъ словъ и выраженій текста, казавшихся непонятными для простыхъ читателей. Приводимъ нѣсколько примѣровъ:

въ текстѣ:

мескъ
хлябія—
стакти—
въскую непѣщуете —
вретше—
потребатся—
еѳіоплене—
непщевахъ—
налецающе —
во истуваннхъ—
пажити—
тимъпанъ—
прозябоша—
буии—
неясыти—
въ дебрѣхъ—
онагри —
геродеево—
скупни—
утрѣневати—

на поляхъ:

„муль“...
„продухъ“...
„ладанъ“...
„что возгледаете“...
„власеница“...
„змажутся“...
„муринове“ ..
„мнѣхъ“...
„наѣладающе“...
„в резаніяхъ“...
„паствы“...
„бубень“...
„вознівоша“...
„дурний“...
„пельликанови“...
„въ долинахъ“...
„лоси“...
„соколово“...
„лъвенята“...
„предъ свитаніемъ
воставати“...

на трескоть —
нафею —

„на былие“...
„нефтию“ и т. п.

Относительно самого текста Псалтыри Викторовъ замѣчаетъ: „Изъ сравненія Скорининскаго изданія Псалтыри съ рукописными списками ея и печатными изданіями разныхъ эпохъ и мѣстностей—оказывается, что основаніемъ для разсматриваемаго изданія послужила рукопись не древней и не южно-славянской редакціи, а редакціи, во первыхъ, русской, во вторыхъ, современной самому издателю... По сличенію текста Скорининой Псалтыри съ древне-славянскимъ текстомъ ея, мы пришли къ убѣжденію, продолжаетъ Викторовъ,—что Скорина для своего изданія Псалтыри взял именно этотъ текстъ и перепечаталъ его почти съ буквальною точностью, дозволивъ себѣ только самыя незначительныя исправленія“... Текстъ этого изданія всего ближе подходитъ „къ тексту Псалтыри, какъ онъ читается въ Геннадіевской Библии 1499 г., и вообще въ русскихъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ XVI в...“ Впрочемъ, „не рушаячи самое Псалтыри“,—издатель все же сдѣлалъ въ текстѣ нѣкоторыя измѣненія, поправки, состоящія или въ нѣкоторомъ измѣненіи правописанія и въ перемѣнѣ звуковъ, соответственно мѣстному выговору („тобѣ“ вм. тебѣ, „навчи“ вм. научи, и т. п.), или въ грамматическихъ формахъ, изрѣдва въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, наконецъ, во внесеніи нѣсколькихъ чисто русскихъ словъ и оборотовъ, которыми онъ замѣнялъ устарѣвшія славянскія формы. Поправки принадлежали отчасти лично самому издателю, отчасти сдѣланы по Вульгатѣ. То же самое относится и къ поясненіямъ на поляхъ.

Кромѣ *Псалтыри* 1517 г.,—изъ библейскихъ книгъ Скориную были изданы (перечисляемъ въ порядкѣ ихъ выхода): *Кн. Иова* (1517), *Притчи царя Соломона* (1517), *Кн. Иссына Сирахова* (1517), *Кн. Письмъ Писней* (1518), *Екклесиастъ царя Соломона* (1518), *Кн. премудрости Божіей* (1518),

Кн. Ис. Навина (1518), *Четыре книги Царствъ* (1518), *Кн. Бытія* (1518), *Исходъ* (1519), *Левитъ* (1519), *Числъ* (1519), *Второзаконіе* (1519), *Кн. Судей Израилевыхъ* (1519), *Кн. Руфъ* (1519), *Кн. Гудивъ* (1519), *Кн. Есѣиръ* (1519), *Плачъ пр. Іереміи* (1519), *Кн. пр. Даніила* (1519). Мѣстомъ изданія была Прага, въ Богеміи. Книги издавались „накладомъ (на средства) Богдана Онъкова сына, радци (совѣтника) мѣста (города) Виленскаго“. Изданіе украшено многочисленными заставками и гравюрами. Въ началѣ каждой книги—предисловіе Фр. Скорины; въ концѣ—послѣсловіе, въ которомъ указывается имя трудившагося надъ переводомъ и время выхода книги изъ типографіи... „Предисловія“ составлены отчасти подъ ближайшимъ вліяніемъ твореній блаж. Іеронима, — по крайней мѣрѣ „свѣтый Ерасимъ прѣзвитеръ“ не разъ упоминается въ нихъ Скориною. Въ *предисловіи къ кн. Левитъ* Скорина замѣчаетъ: „Пишетъ св. Герасимъ учитель великій ко Амбросію во епистолѣ своей, в ней же воспоминаетъ вси книги Ветхаго и Новаго Завѣта“...; въ *предисловіи на кн. Есѣиръ* указывается на пользованіе его трудами: „Св. Іеронимъ или Ерасимъ прѣзвитеръ, онъ же былъ есть по воплощеніи Слова Божія лѣтъ четьреста, выложилъ на латинскій языкъ съ халдейскаго, еврейскаго и греческаго зуполне, чего во еврейскихъ книгахъ не пишетъ, положилъ въ концу, не рушаючи ихъ особнѣ, и на главы раздѣлилъ. Азъ теже наслѣдуя мужа светого“... Въ *предисловіи на кн. Премудрости Соломона* Скорина ссылается прямо на „предмовку светого Ерасима въ ісію книгу“. Въ *предисловіи къ кн. пр. Даніила*, замѣчая, что „Іудеи не имають зуполна книгъ Даніила“ — Скорина продолжаетъ: „Ѳеодосій же учитель великій греческаго языка выложилъ с халдейскаго письма на греческое, и св. Еронимъ на латинское зуполне. А подле ихъ выкладу, не толико чтеть Данила пророка церковь Христова латинскимъ а греческимъ языкомъ,

но и сирскимъ и египетскимъ. Азъ теже недостойный послѣдовникъ ихъ, нароченый въ рускомъ языкѣ, съ помощію Божіею, яко повиненъ сый размножати хвалу Христову и посполитое доброе, межи иными пророки светыми, выложихъ и Данила... на рускій языкъ зуполне“...

Предисловія Скорины весьма любопытны, особенно самое обширное изъ нихъ, приложенное при кн. Бытія— *Предисловіе доктора Франциска Скорины съ Полоцька во всю Библию рускаго языка*. Авторъ указываетъ великую общеобразовательную важность Библии и дѣлаетъ обзоръ всѣхъ ея книгъ. „Библия греческимъ языкомъ, по руски сказуется книги.. Можете тымъ именемъ называти вси книги Ветхаго и Новаго Заону для достоинства его, понеже Библия зуполная все то въ собѣ замыкаетъ... Добре Григорей Великій учитель вселенскій о сей книзѣ пишетъ, глаголя: Святое писмо всѣ иныя науки превышаетъ, понеже еда бываетъ чтено, подъ простыми словы замыкаетъ тайну. И тако младенцемъ и людемъ простымъ есть наука, учителемъ же и людемъ мудрымъ подивленіе. Яко рѣка дивная мелка, по ней же агнецъ брести можетъ, а глубока слонъ убо пливати мусить. Въ сей книзѣ всее прироженое мудрости зачало и конецъ. Богъ вседержитель познаванъ бываетъ. Въ сей книзѣ вси законы и права, ими же люде на земли справоватися имають, пописаны суть. Въ сей книзѣ вси лѣкарства душевные и тѣлесные зуполне найдете. Ту навченіе филозофіи добронравное, яко любити Бога для самого себе, и ближнего для Бога имамы. Ту справа всякого собранія людского и всякого града, еже вѣрою соединеніемъ ласки и згодою посполитое доброе помножено бываетъ. Ту наученіе седми наукъ вызволенныхъ достаточное. Хочещи ли умѣти грамматику или по руски говорячи грамоту, еже добре чести и мовити учить,—найдеши въ зуполной Библии *Псалтыру*, чти ее. Пак ли ти ся любить разумѣти логику, она же учить з доводомъ роззнати правду

отъ кривды,—чти *книгу светого Іова*, или *посланія св. ап. Павла*. Аще ли же помыслиши умѣти риторикѹ, еже есть краснословность,—чти *книги Соломоновы*, а то суть три науки словесныя. Восхощеш ли пакъ учиться музыкѹ, то есть пѣвпиди,—премножество стиховъ и пѣсней светыхъ по всей книзѣ сей знайдеши. Любо ли ти есть умѣти арифметикѹ, еже во кратцѣ а не омыслне считати учить,—*четвертыя книги Моисеевы* часто чти. Пакъ ли же имаши предъ очима науку геометрію, еже по руски сказуется землемѣреніе,—чти *книги Ис. Навина*. Есть ли астрономіи или звѣздочети,—найдешъ на початку книги сее о сотвореніи солнца и мѣсеца и звѣздъ. Найдешъ во *Исусъ Навинъ*, яко стояло солнце на единомъ мѣстѣ за цѣлый день. Знайдешъ во *книгахъ Царствъ*, иже солнцу воспять поступило неколико ступневъ. Знайдешъ во св. *Евангеліи* о новосотвореной звѣздѣ часу нароженія нашего Спасителя Ис. Христа. Болѣе во истинну чудиться превеликой Божіей моци мусилъ, нежели учиться. А то суть семь наукъ вызволенныхъ. Аще ли же коханіе имаши вѣдати о военныхъ а о богатыхъ дѣлѣхъ—чти *книги Судей*, или *книги Махавеевъ*. Болѣе и справедливе в нихъ знайдешъ, нежели во *Александріи*, или во *Трои*. Пакъ ли же во кратцѣ свѣдати хоцещи иного тысящей лѣтъ лѣтописецъ,—чти *книги Парамптомена*. Тамъ поченьши отъ Адама даже до Седехіи останочного царя Іудина роды положены суть. Потребуеш ли науки и мудрости добрыхъ нравовъ, часто прочитай *Книги Исуса Сирахова* а *Притчи Соломоновы*. Надовсе надѣто мы, христіане, вѣдаючи всѣ науки быти минушіе потребуемъ речи вѣчное душего спасенія,—чтимы жъ уставичне св. *Евангеліе*, а чтучи е наслѣдуимы дѣла нашего избавителя Ис. Христа, а тако съ помощію Его ввидемъ въ животь вѣчный“... Авторъ переходитъ далѣе къ обзорѣнію книгъ Библии, и кратко указываетъ содержаніе каждой изъ нихъ. Въ *кн. Бытія*—„пишетъ о сотвореніи свѣта, о зачалѣ людского поволенія, о раздѣленіи

языковъ и земли, и о родѣ еврейскомъ и внитіи ихъ до Египту“...; въ книгѣ *Исходъ* „написаны о нароженіи Моисеевъ, о десети язвахъ фараоновыхъ..., о выштіи изъ Египта сыновъ Израилевыхъ... Книга *Судей*... мужей пресилныхъ и богатыревъ смѣлость выписуетъ... Книжка *Товиозъ* науку отцемъ яко имають учить сыны своя кажетъ. Паки книжка *Юдиои* вдовица она же, для высвобоженія отчизны, взоръ на собѣ мужемъ даючи, нелютовала есть живота своего... По *Псалтири* кладутся трое книжки Соломоновы *Притчи*, *Еклезіастъ* и *Пѣсни Пѣснемъ*: въ первыхъ науку младенцемъ, во вторыхъ мужемъ, во третихъ старымъ выписуетъ. За тѣми суть книги *Иисуса сына Сирахова*, рекомые *Церковникъ*, всю науку о добрыхъ нравѣхъ въ собѣ замыкающе“... и т. д.

Что касается самаго текста изданныхъ книгъ,—въ этомъ отношеніи послѣднія представляютъ, замѣчалъ Викторовъ, „новый, принадлежащій ему (Скоринѣ) переводъ, сдѣланный съ Вульгатъ, при чемъ, по крайней мѣрѣ въ переводѣ нѣкоторыхъ книгъ, издатель пользовался вмѣстѣ и текстомъ греческимъ, а также, можетъ, и переводомъ древне-славянскимъ, или скорѣе чешскимъ... Поправки, сдѣланныя издателемъ въ текстѣ *Апостола*, сдѣланы имъ бѣльшею частью по Вульгатѣ,—но не по ней одной: встрѣчаются мѣста, которыя Скориню или исправлены или оставлены въ прежнемъ переводѣ по греческому тексту“... Съ внутренней стороны, изданіе *Апостола* совершенно примѣнено къ богослуженію православной, а не католической церкви,—имѣетъ тотъ же самый видъ и составъ, какіе видимъ въ обыкновенныхъ славяно-русскихъ рукописныхъ и печатныхъ „*Апостолахъ*“. Таковъ же характеръ и *Малой подорожной книжицы* (Слѣдов. Псалтыри). Текстъ свящ. книгъ, помѣщенный въ этихъ изданіяхъ, представляетъ собою „переводъ древнеславянской, который издателемъ, въ большей или меньшей степени, только поправленъ“... Къ тѣмъ же приблизительно вы-

водамъ приходитъ и позднѣйшій изслѣдователь, проф. Владимировъ. По его изысканіямъ, переводъ Скорины совершенъ на основаніи двухъ главныхъ источниковъ: Чешской Библии 1506 года и церковно-славянскихъ текстовъ нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта "... Переводъ Скорины съ чешскаго текста, по мнѣнію изслѣдователя, напоминаетъ „подобныя же западно-русскіе переводы повѣстей и легендъ съ чешскихъ и польскихъ текстовъ, съ удержаніемъ изъ послѣднихъ множества родственныхъ словъ и выраженій, облегчавшихъ трудъ переводчика“ .... Церковно-славянскіе тексты служили для Скорины какъ словари, для набора словъ,—но иногда Скорина выписывалъ изъ нихъ цѣлыя главы и стихи, измѣняя ихъ на столько же, на сколько измѣнялъ цѣлыя церковно-славянскія книги, какъ Псалтырь...

Будучи русскимъ и православнымъ, Скорина и изданія свои предназначалъ для русскихъ и православныхъ западнаго края,—о чемъ онъ прямо заявляетъ въ „предисловіяхъ“ къ своимъ изданіямъ, являясь въ этомъ отношеніи „предшественникомъ князей Острожскихъ, братьевъ Мамоничей, кн. Курбскаго и другихъ ревнителей, подвизавшихся въ XVI в. въ Западной Россіи за православіе противъ усилій реформаціи и римской пропаганды“...

Происходя изъ древне русскаго княжескаго рода, кн. А. М. Курбскій (фамилія—отъ села Курба, стоящаго на рѣкѣ Курбицѣ, яросл. уѣзда) родился въ 1528 году. Первые годы его жизни неизвѣстны; имя его въ первый разъ встрѣчается въ разрядныхъ книгахъ подъ 1549 г.; въ этомъ году Курбскій сопровождалъ царя Ивана Васильевича Грознаго въ походъ подъ Казань. Въ слѣдующемъ 1550 году онъ былъ назначенъ воеводою въ Пронскъ, гдѣ долженъ былъ ожидать нападенія крымскихъ татаръ. Въ 1552 году Курбскій участвуетъ во второмъ походѣ подъ Казань, какъ одинъ изъ главныхъ воеводъ войска, и получилъ здѣсь тяжелыя раны.

Въ открывшихся потомъ войнахъ Россіи съ Ливоніей и Крымомъ (въ 1556—1563 гг.) Курбскій съ большимъ успѣхомъ командовалъ войсками и не разъ былъ щедро награждаемъ царемъ; подъ конецъ онъ былъ назначенъ воеводою въ Юрьевъ Ливонскій (Дерптъ),—и на этомъ кончается его дѣятельность въ московскихъ предѣлахъ. Въ 1563—1564 г. Курбскій бѣжалъ отъ Грознаго въ Литву и вступилъ въ подданство польскому королю. Въ одной рукописи Московскаго Архива бѣгство Курбскаго описано такъ: „Въ тѣ же лѣта (1563—1564) во градѣ Юрьевѣ Ливонскомъ быша воеводы кн. Андрей Михайловичъ Курбскій да зять его кн. Ѳед. Прозоровскій. Князь же Андрей, увѣдавъ на себя царскій гнѣвъ и не дождался присылки по себя, убоясь ярости царицы. Помянувъ же прежнія своя службы и ожесточися. Рече же супружницѣ своей сице: чесо ты, жено, хочещи: предъ собою ли мертвымъ мя видѣти, или за очи жива мя слышати? Она же къ нему рече: яво не точію ты мертва видѣти, но ниже слышати о смерти твоей, господина моего, желаю! Князь-же Андрей прослезися, и цѣлова ю и сына своего девятилѣтна суца, и прощеніе сотворивъ съ ними, и чрезъ стѣну града Юрьева, въ немъ же бысть воеводою, прелѣзе; ключи же вратъ градныхъ поверже въ кладезь. Нѣкто же вѣрный рабъ его, именемъ Васька, по реклу же Шибановъ, приготова князю своему кони осѣдланы вѣтъ града, и на нихъ сѣдоша, и къ литовскому рубежу отѣхаша и въ Литву придоша. Оттуда же князь Андрей посла того же своего вѣрнаго раба къ великому государю царю съ досадительнымъ своимъ писаніемъ изъ Литвы“... Бѣгство не было случайнымъ; Курбскій уже давно велъ переговоры и дѣйствовалъ вполне обдуманно. Причины, побудившія его на такой шагъ, онъ указываетъ въ своихъ сочиненіяхъ. Вскорѣ по прибытіи въ Литву, Курбскій получилъ отъ короля грамоту на Ковельскую волость,—одно изъ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ королевскихъ имѣній, и на староство Кревское. Но предварительно Курбскій долженъ былъ участвовать въ

походъ поляковъ на Россію и сражаться противъ родины подъ стѣнами Полоцка; только по возвращеніи изъ похода, въ 1565 году, Курбскій былъ введенъ во владѣніе пожалованными имѣніями. Впрочемъ, имѣнія эти причинили много хлопотъ Курбскому. Очень скоро у него начались непріятныя столкновенія и судебныя тяжбы съ сосѣдними владѣльцами, смотрѣвшими вообще крайне недружелюбно на московскаго пришельца. Почти одновременно возникаютъ у Курбскаго и семейныя непріятности. Жена, оставленная имъ въ Юрьевѣ, скоро умерла, и Курбскій въ 1571 году вступилъ во второй бракъ съ Маріею Юрьевной, урожденною княжной Голшанской, бывшею до этого времени уже за двумя мужами, и отъ перваго замужества имѣвшею дѣтей. Марія Голшанская, оставшись вдовою, владѣла большими помѣстьями; независимо отъ этого, вступая съ нею въ бракъ, Курбскій вѣроятно имѣлъ въ виду также породниться со многими литовскими фамиліями, находившимися въ родствѣ съ ботатой и знатной княгиней. Но онъ жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ. Марія Голшанская, выйдя за Курбскаго и тотчасъ же записавъ на него почти всѣ свои владѣнія, послѣднимъ поступкомъ возстановила противъ него всю свою родню. Почти вслѣдъ за бракомъ начинается открытая и непримиримая вражда къ Курбскому дѣтей Маріи Голшанской отъ перваго замужества (Монтолтовъ) и родственниковъ ея втораго мужа (Козинскаго). Возбуждаемая родней, скоро и сама княгиня раскаялась въ своемъ великодушномъ поступкѣ. Къ тому-же она сильно разочаровалась въ своемъ мужѣ; ни характеромъ своимъ, ни привычками, ни своимъ двусмысленнымъ положеніемъ въ польско-литовскомъ обществѣ Курбскій не могъ нравиться молодой заносчивой княгинѣ. Онъ не могъ сродниться съ враждебною къ нему и вольнодумной шляхтой, тосковалъ по отчизнѣ, оплакивая мать, жену и единственнаго сына, покинутыхъ имъ въ Россіи и погибшихъ въ темницѣ.. Не находя

ни въ чемъ утѣшенія, Курбскій погрузился въ чтеніе св. Писанія и въ науки, сталъ изучать произведенія Аристотеля, началъ на старости лѣтъ учиться латинскому языку и ревностно переводить съ латинскаго на славянскій языкъ творенія отцовъ церкви. Онъ образовалъ около себя кружокъ, хотя весьма не большой,—который поддерживалъ его и помогалъ ему въ его ученыхъ трудахъ. О своихъ „помощникахъ“ Курбскій упоминаетъ самъ въ „Сказаніяхъ“. Однимъ изъ такихъ помощниковъ былъ между прочимъ его родственникъ, молодой вн. Михаилъ Оболенскій, котораго Курбскій, не смотря на то, что онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, убѣдилъ провести нѣсколько лѣтъ вдали отъ семьи, въ Краковѣ и Италиі, для изученія высшихъ наукъ. Такимъ же помощникомъ былъ нѣкто юноша Амвросій,—зѣло въ писаніяхъ искусный и верхъ философіи внѣшнія достигшій“; у него учился „внѣшнимъ“ наукамъ и самъ Курбскій. Но вообще помощниковъ у Курбскаго было не много, хотя онъ старался всячески отыскивать ихъ, „набываячи ихъ къ таковому дѣлу“... Ученый образъ жизни мужа долженъ былъ скоро наскучить Марьѣ Юрьевнѣ. Подстрекаемая родней, она рѣшилась бросить мужа и отнять записанныя на него свои имѣнія; она выкрала у мужа на нихъ документы и начала тяжбу. Тяжба кончилась разводомъ Курбскаго съ женой, въ 1578 году. Весной слѣдующаго года Курбскій женился на дѣвицѣ А. П. Сѣмашковной, происходившей изъ небогатаго шляхетской фамиліи, и послѣдніе годы жизни пользовался, кажется, семейнымъ счастіемъ. Съ 1571 по 1578 г., занятый семейными и другими неприяностями, Курбскій мало принималъ участія въ политическихъ дѣлахъ; теперь, послѣ новаго брака, онъ отправляется вмѣстѣ съ войсками Стефана Баторія въ походъ на Россію. Во время этого похода, торжествуя побѣды Баторія, взятіе Полоцка и Сокола, Курбскій изъ Полоцка написалъ два свои *посланія* въ московскому царю... По возвращеніи изъ похода, у Курбскаго открылись новыя

неприятности: Марія Голшанская подняла дѣло о незаконности брака Курбскаго съ Александрой Сѣмашковной; княгинѣ хотѣлось, чтобы дѣти Курбскаго, рожденныя отъ этого брака (сынъ и дочь), были призваны незаконными и, какъ таковыя, были лишены по смерти отца наслѣдственныхъ правъ. Дѣло это впрочемъ кончилось ничѣмъ... Курбскій умеръ въ Ковелѣ, въ маѣ 1583 года, оставивъ по завѣщанію всѣ свои литовскія имѣнія женѣ своей, Александрѣ Сѣмашковнѣ.

Литературная дѣятельность кн. Курбскаго началась и окончалась въ Литвѣ. Его литературныя занятія главнымъ образомъ сосредоточивались въ переводахъ на тогдашній западно-русскій языкъ твореній отцовъ церкви, которыхъ такъ не доставало современному западно-русскому обществу. Весьма любопытной является также его переписка съ разными лицами мѣстнаго общества: переписка эта можетъ дать не мало матеріала для характеристики происходившихъ въ это время броженій и „шатаній“ въ умственной и религіозной жизни юго-западной Руси. Обращаемся сначала къ его перепискѣ.

Насколько сохранились,—письма Курбскаго адресованы: кн. К. К. Острожскому, княгинѣ Чарторыжской, княгинѣ Збаражской, пану Кадіану Чаплію, пану Бокею Печихвостскому, пану Древинскому, пану Евстафію троцкому, Марку Сарыгозину, Кузьмѣ Мамоничу, Семену Сѣдларю, Вассіану старцу печерскаго монастыря и кромѣ того нѣсколькимъ лицамъ, не названнымъ по имени. Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ лицъ, какъ напр. кн. Острожскій, стояли въ центрѣ тогдашней общественной жизни западной Руси, многія принадлежали къ высшему классу общества, другія мало извѣстны. Совершенно неизвѣстна кн. Чарторыжская; полагаютъ, что это была вдова князя Ивана Чарторыжскаго. Незвѣстны также Кадіанъ Чаплій, Древинскій и Семень Сѣдларь. Что касается Ѳедора Бокея,

то очевидно онъ былъ однимъ изъ членовъ древнѣйшей литовской фамиліи Бокеевъ, хотя лично и неизвѣстенъ. П а н ь Е с т а ф і й Т р о ц к і й—по всей вѣроятности Естафій Воловичъ, въ 1568 г. подканцлеръ и маршалокъ палатный литовскій, а съ 1569 г. каштелянъ троцкій; ум. въ Сандомирѣ, въ 1581 г. будучи каштеляномъ виленскимъ и великимъ канцлеромъ литовскимъ. Евстафій Воловичъ не разъ былъ посланникомъ въ Москвѣ. К у з ь м а М а м о н и ч ь состоялъ виленскимъ бургомистромъ и вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Лукою Мамоничемъ, имѣлъ въ Вильнѣ типографію, въ которой печатались православныя богослужебныя книги; многія изъ нихъ сохранились до насъ. О старцѣ В а с с і а н ѣ, кромѣ того, что онъ былъ инокомъ и жилъ въ Псковскомъ Печерскомъ м-рѣ, мы ничего не знаемъ. Рѣшительно неизвѣстенъ также „Иванъ многоученый“, съ которому обращается въ одномъ изъ своихъ посланій Курбскій. Письма Курбскаго были болѣею частью отвѣтами на письма къ нему; но изъ этихъ послѣднихъ, въ сожалѣнію, ничего не сохранилось.

Вотъ перечень писемъ самого Курбскаго, съ нѣкоторыми замѣчаніями о содержаніи каждаго изъ нихъ.

І. *Листъ Андрея Ярославскаго до Константина Острожскаго, противъ варвара нѣкоего, мнящагося быти мудра, еже похулилъ слова новопреложеннаго Иоанна Златоустаго* [Сказанія кн. Курбскаго, стр. 221—223]. Въ своемъ письмѣ Курбскій удивляется поступку кн. Острожскаго,—который переведенную Курбскимъ съ латинскаго и присланную имъ Острожскому *бесѣду Иоанна Златоустаго о вѣрѣ, любви и надеждѣ* отдалъ перевести на польскій языкъ, „лѣпшаго ради вырази мѣнія“, какому-то челоуку, по словамъ Курбскаго, „отнюдъ невѣдущему, въ тому еще и скверныхъ словесъ исполненному и стыда неимѣющему, глаголы священныхъ писаний нечистѣ и скверно отрыгающему“... Въ доказательство, что подобныхъ порученій не должно дѣлать невѣждамъ, Курб-

скій приводитъ слова Діонисія Ареопагитскаго. Упоминаемый здѣсь переводъ „бесѣды“ до насъ не дошелъ.

II. *Листъ Андрея Ярославскаго до князя Костянтина воеводы кievскаго* [Сказанія, 245—246]. „Листъ твоего величества“, начинаетъ Курбскій свое письмо, „и книжицу Скарги езуита, софизматовъ исполненную. такъ-же и листъ, до твоей милости писанный отъ инославнаго и прелюбаваго Мотовила, пріяхомъ и выразумѣхомъ“,—и за тѣмъ раздражается рядомъ упрековъ противъ своего пріятеля-князя. Оба они были борцами за православіе, стражами церкви, защищали ее всѣми силами, но средства защиты понимали не одинаково. Краснорѣчивый и многоученный іезуитъ Скарга только что выпустилъ громовую свою книгу „О единствѣ церкви“, направленную въ подрывъ православію. При дворѣ кн. Острожскаго жилъ и его расположеніемъ пользовался образованный южно-русскій дворянинъ М о т о в и л о, впавшій въ ересь соцініанъ (ихъ называли здѣсь аріанами); ему-то и поручилъ Острожскій написать опроверженіе на книгу Скарги, и какъ самую эту книгу, такъ и письмо объ ней Мотовила послалъ Курбскому. Послѣдній напелъ, что неприлично „христіанину правовѣрному отъ аріанина христоненавистнаго услаждаться эпистоліями или пріимовать отъ него писанія на помощь церкви Христа Бога“, и упрекаетъ Острожскаго въ попустительствѣ: „Той-то Мотовило инославный, замѣчаетъ Курбскій, не токмо аріанскаго духа въ себѣ имѣеть, но воистину сугубѣ злѣйшаго неистовѣйшаго діавола, ласфимы (богохульства) на общаго владыку Христа нашего отрыгающаго, далеко горчайшій и ядовидшій, нежели Аріій безбожный... Годить-ли ся ти отъ таковаго, о вельможный и свѣтлѣйшій княже христіанскій, догматовъ и слышавати и отвѣтовъ просити на іезуитскія фабулы?... Отъ гнѣности вся сія намъ приключаетъ, нерадѣнія ради почитанія священныхъ писаній, яко ти много о семъ и устѣ стужахъ и довучахъ,

да прочитываеши ихъ часто, аще и по малу; и не пресгану ти воистину доучати и до моей смерти—понеже зѣло люблю тя—дондеже узрю тя лѣпшее тшавіе о семъ приложити и охоту въ сердцѣ твоємъ постигнути“...

III. *Цыдула князя Андрея Курбскаго до князя воеводы кievскаго*, кн. К. К. Острожскаго [Сказанія, 246—350]. Посланіе довольно обширное, писано по поводу того-же отвѣта на книгу Скарги, составленіе котораго Острожскій поручалъ Мотовилу. Предостереженіе Курбскаго не помогло: отвѣтъ не только былъ напечатанъ, но и присланъ. Курбскій пришелъ въ негодованіе... „Не вѣмъ, откуда сія привлочишася вашему величеству“, пишетъ онъ Острожскому: „прислалъ ми ваша милость книгу,—отъ сына діавола написанну, отъ явственнаго непріятели Христа нашего, истиннѣйше рекше, отъ антихристовова помощника и вѣрнаго слуги его сочиненну,—мнѣ ваша милость христіанину правовѣрному, брату своему присягному, негли мѣсто поминка (подарка) шлетъ? О, бѣда, воистину плача достойна!.. Въ таковую дерзость и ступтицію (глупоту) начальницы христіанскіе внидоша, ижъ не токмо тѣхъ ядовитыхъ драконовъ въ домѣхъ своихъ питати и ховати не стыдятся, но и за оборонителей и помощниковъ ихъ себѣ мнѣмають! И что еще дивнѣйшаго: отъ духовныхъ бѣсовъ духовную церковь Божию обороняти имъ розказують и книги супротивъ полувѣрныхъ латиновъ писати имъ повелѣвають! О заслѣпленія и безумія нашего!.. Любовникъ твой Мотовило не токмо во всей прескверной книгѣ своей фальшивѣ пророческія словеса выкладаетъ, паче-же пресквернѣ и грубе, но и въ конклюдіи тое-то книги своей—Христа проповѣдуетъ паки пріити и на тысячу лѣтъ еще тлѣнное житіе уставити и ясти и пити и подъ винницами наслаждатися... Отъ него-же (арианства) уже мало не вся Волянь заразилася и неисцѣльнѣ болить, скверными догматы подущаема“. Курбскій негодуеть на Острожскаго за покровительство его іезуитамъ и убѣждаемъ

его не дружитья съ врагами православія: „Возвесели обцаго царя нашего, Христа Бога твоего, престаи уже дружитися съ тѣми супостаты, непріятельми Его, прелукавыми и презлыми; никто-же можетъ другъ царевъ быти, кто съ непріятельми его дружбу ведетъ или кто ихъ у себя ховаеть, яко за нѣдрами зміевъ. Трикраты молю ти ся: престаи, уподобляяся праотець твоихъ ревности благочестія, отжени ихъ ко подобнымъ имъ, отжени, глаголю, прелукавыхъ и прелютыхъ ругателей“... Къ сожалѣнію, отвѣтъ Мотовила на книгу Скарги, равно и письмо его къ Острожскому по поводу этой книги, до насъ не дошли и мы знаемъ о нихъ только изъ разсматриваемыхъ посланій Курбскаго. Какъ это, такъ и предыдущее посланіе Курбскаго весьма важны для характеристики религиозныхъ взглядовъ кн. К. К. Острожскаго.

IV. *Листъ Андрея Курбскаго до Кузьмы Мамонича* [Сказанія, стр. 226—229]. Мамоничъ, какъ замѣчено выше, жилъ въ Вильнѣ и былъ однимъ изъ защитниковъ православія. Въ Вильнѣ кипѣла уже открыто борьба между православными и католиками; всензы громили православіе въ костелахъ, въ частныхъ домахъ, на улицахъ, площадяхъ. Курбскій въ своемъ письмѣ проситъ Мамонича посовѣтовать православнымъ, чтобы они, какъ „несовершенные въ писаніяхъ“, не вдавались „безъ ученыхъ наша страна“ въ богословскіе споры съ іезуитами и не ходили-бы къ нимъ на ихъ проповѣди, — „тлятъ бо, говоритъ онъ, обычай добрые бесѣды хитролестныя“... И затѣмъ, указывая на приготовляемые имъ переводы, прибавляетъ: „Если Богъ восхощетъ, и мы къ вамъ поспѣшимъ съ тремя нарочитыми свѣдками (свидѣтелями): съ Діонисіемъ Ареопагитскимъ и со Іоанномъ Златоустнымъ и со Іоанномъ Дамаскинымъ и со иными древними святыми учителями“, т. е. съ ихъ сочиненіями въ русскомъ переводѣ. Время посланія не указывается.

V. *До Кузьмы Мамонича листъ второй* [Сказанія, стр. 229—232]. Курбскій съ радостію извѣщаетъ Мамонича о по-

лученіи съ Аэона, въ защиту православія, сочиненій Григорія и Нила Солунскихъ (греческихъ писателей XIV вѣка). „Не ужасайтесь софизматовъ ихъ, пишетъ онъ Мамоничу въ отвѣтъ на его письмо о новыхъ „злехитроствахъ“ іезуитскихъ: но стойте только въ православной вѣрѣ крѣпцѣ, пребывайте бодро... Благодати ради Божія подана намъ книга въ помощь отъ Святыя Горы, яко самою рукою Божіею принесена,—простоты ради и глубокаго неискства церковниковъ русскихъ церквей, а не глаголю лѣности для и обжорства епископовъ нашихъ“...

VI. *Листъ князя Андрея Курбскаго до княгини Ивановой Черторижской* [Сказанія, стр. 240—242]. Курбскій поздравляетъ княгиню съ успѣхами ея сына въ изученіи „священныхъ писаній“ и хвалить ея намѣреніе отдать сына, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, въ Виленскую іезуитскую школу; но при этомъ предостерегаетъ княгиню противъ іезуитовъ: „Не хочу тя утаити, яко слуга и пріятель твой, во всемъ тебѣ добροхотный, ижъ многіе родители, яко княжатскихъ родовъ, такъ и шляхетскихъ и честныхъ гражданъ, были дали имъ дѣтки своя учити наукомъ вызволеннымъ (свободнымъ), яко слышимъ отъ нѣкоихъ; но они, не науча, первѣе мало не всѣхъ, въ неразумномъ еще будучи вѣву, намова ихъ хитролестнѣ, отлучили отъ правовѣрія и покрестили въ свое полувѣріе... И того ради многіе отцы отъ нихъ дѣтки свои паки отобрали: бо они ненавистники и противники зѣло великіе нашему правовѣрію“... Впрочемъ, онъ ободряетъ княгиню примѣрами великихъ учителей и отцовъ церкви, изъ которыхъ многіе ѣздили учиться и „по поганскимъ философамъ“, но православія своего не повредили... При посланіи Курбскій посылаетъ княгинѣ какое-то свое сочиненіе противъ іезуитовъ: „А тотъ листъ, писанный отъ насъ въ единому брату, имъ-же есмо отчасти отвѣщали противъ тѣхъ іезуитовъ дерзновенія, обороняючи наше правовѣріе, посылаю преписавъ

до вашей милости, вмѣсто малаго подарка“... Упоминаемое здѣсь полемическое сочиненіе Курбскаго, повидимому, до насъ не дошло.

VII. *Листъ князя Андрея Курбскаго до Марка, ученика Артемія* [Сказанія, стр. 223—226]. Кто этотъ Маркъ— съ точностью сказать трудно. Устряловъ называетъ его Сарыгозинымъ и думаетъ, что это одинъ изъ бѣжавшихъ одновременно съ Курбскимъ изъ Москвы въ Литву. Настоящее письмо къ нему Курбскаго даетъ понятъ, что отношенія ихъ были близкія,—Курбскій называетъ его „юношею свѣтлыхъ обычаевъ навѣвшимъ, братомъ и пріателемъ своимъ милымъ“, и что Маркъ, кто-бы онъ ни былъ, имѣлъ непосредственное отношеніе къ трудамъ Курбскаго по переводу на славянскій языкъ отеческихъ твореній. Курбскій сообщаетъ ему о своемъ намѣреніи посвятить себя этимъ переводамъ, говоритъ, что самъ съ этой цѣлью, уже въ сѣдинахъ, много трудился надъ латинскимъ языкомъ, что приобрѣлъ себѣ сотрудника въ этомъ дѣлѣ въ Михаилѣ Оболенскомъ, который подготавливался къ тому долго за границей, въ Краковѣ и Италіи, и который возвратился теперь; называетъ творенія Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Кирилла Александрійскаго, Іоанна Дамаскина и другихъ,—которыя намѣчены имъ къ переводу, прилагаетъ самый реестръ приобретенныхъ съ этой цѣлью книгъ и затѣмъ обращается къ Марку съ такою просьбой: „Яви любовь ко единоплеменной Россіи, ко всему словенскому языку! Не облѣнися до насъ пріѣхати на волько мѣсяцей, даючи помощь нашему грубству и неискуству: бо не обвыкли мы, яко азъ, тако и князь Михайло, словенску языку въ конецъ, и того ради боимся пуститися едины, безъ помощи, на такое великое и достохвальное дѣло... Искахъ, продолжаетъ Курбскій, помощи себѣ, семо и овамо обращаяся, и никакъ-же обрѣтохомъ. Аще ли Богъ тебя принесетъ до насъ, то бы азъ сѣлъ со единымъ бакаларомъ за книгу Пав-

ловыхъ эпистолей, бесѣдованныхъ отъ Хризостома, а ваша бы милость сѣлъ за другую книгу, со княземъ Михайломъ, или Григорія Богослова, или Василия Великаго. Посылаю къ вашей милости, въ подарокъ духовный, *орацию* едину Григорія Богослова, а другое *слово* Великаго Василия, переводу нашего: прошу, иже бы есть принялъ тотъ малый нашъ упоминокъ съ любовію“... Переводъ обѣихъ бесѣдъ до насъ не дошелъ; не сохранилось и „*предисловіице*“ единой книги своего переводу“, которое посылалъ Курбскій Марку и о которомъ упоминаетъ въ письмѣ. Неизвѣстно, внялъ-ли Маркъ просьбѣ Курбскаго. Рассказывая въ своемъ „предисловіи“ на „Новый Маргаритъ“ исторію своихъ трудовъ по переводу отеческихъ твореній, Курбскій ближайшимъ своимъ помощникомъ по этому дѣлу называетъ уже какого-то „юношу Амброжія“: „Купилъ книги и умолилъ юношу во переводу—у него-же внѣшнимъ наукамъ учихся—именемъ Амброжія, отъ родителей христіанскихъ рожденна, зѣло въ писаніяхъ искусства и верхъ философіи внѣшнія достигша. И первіе протолковахъ съ нимъ въ латинскаго въ словенскій всѣ главы съ книгъ Златоустовыхъ, что онъ исправилъ, на семь свѣтѣ будучи“...

VIII. *Епистолиа ко Кадіану Чаплию Андрея Ярославскаго* [Сказанія, стр. 232—236]. „Епистолиа“ отвѣчаетъ на „широковѣщательный листъ“ Чаплия къ Курбскому по религиознымъ вопросамъ и писана „въ Ковлю по рожденіи Іисуса Христа, Сына Божіаго, 1575 г., мѣсяца марта двадесять перваго дня“. Чаплий былъ зараженъ соцініанствомъ и, вѣроятно, въ этомъ духѣ поучалъ Курбскаго. Курбскій проситъ не трудиться наставлять его въ дѣлахъ вѣры,—такъ какъ, замѣчаетъ онъ о себѣ, „есмя за благодатію Божіею отъ младости вашей во святыхъ писаніяхъ, по силѣ нашей, научени и утвержени въ вѣрѣ христіанской благочестивыхъ догматовъ, яко проповѣдали пророцы, яко уставили отъ Христа приѣмшии

апостоли,—не такъ, яко ваша милость..., иже еси отъ мутныхъ источниковъ напоенъ и отъ истиннаго самочинника"... Подъ послѣднимъ Курбскій разумѣетъ какого-то „пана Игнатія“, послѣдователя „пана Θεодосія“; послѣдній, вѣроятно—Θеодосій Косой, извѣстный еретикъ, который около этого времени бѣжалъ изъ Москвы въ Литву, и вліянію лжеученій котораго черезъ „Игнатія“, вѣроятно, подпалъ Чаплій.

IX. *Листъ Андрея Ярославскаго до пана Θεодора Бокея* [Сказанія, стр. 237—239]. „Листъ“ писанъ въ отвѣтъ на посланіе Бокея и выражаетъ радость Курбскаго, что Бокей, „оставя еретическихъ бредней новосмышленія, паче же ни отъ того свидѣтельствованную нынѣшнюю многоглавую ересь“ (социніанство), обратился опять къ родной православной вѣрѣ. Курбскій не совѣтуетъ ему „ни водворятися, ни во мпогія розмовы вдаватися съ мужьми нечестивыми и еретичествомъ дышущими“ и вообще всячески беречься „отъ таковыхъ псовъ“, „расколовъ безвѣрниковъ“...

X. *Листъ второй Андрея Ярославича до Θεодора Бокея* [Сказанія, стр. 239—240]. Писанъ также въ отвѣтъ на письмо Бокея и содержитъ общія нравственныя наставленія и предупрежденія.

XI. *Цидула князя Андрея Курбскаго до пана Дрезинскаго* [Сказанія, стр. 143—244]. Письмо касается сильно волновавшаго тогда западно-русское населеніе вопроса о введеніи новаго календаря. 13 февраля 1582 г., папа Григорій XIII обнародовалъ буллу о введеніи новаго календаря, извѣстнаго теперь подъ именемъ григоріанскаго. Стефанъ Баторій тотчасъ же издалъ універсалъ о введеніи его во всемъ польско-литовскомъ государствѣ. Іезуиты съ жаромъ принялись за осуществленіе універсала и произвели сильныя волненія въ средѣ православныхъ. Послѣдніе не принимали этого календаря, такъ какъ онъ совершенно измѣнялъ время церковныхъ праздниковъ; кромѣ того православные боялись, что новый

календарь—только предлогъ оторвать ихъ отъ единенія съ восточной церковью. Волненія въ православномъ населеніи по поводу изданнаго королевскаго универсала были на столько сильны, что польское правительство сочло лучшимъ сдѣлать уступку и новымъ универсаломъ объявило введенный календарь не обязательнымъ для православныхъ. Попытка введенія въ средѣ православныхъ новаго календаря вызвала цѣлую литературную полемику, не прекращавшуюся долгое время и послѣ. Древинскій поздравлялъ Курбскаго съ новымъ годомъ. Курбскій взволновался: отъ чего не съ праздникомъ „Обрѣзанія Господня“, не со днемъ Василія Великаго?.. Только врагъ церкви Христовой могъ принести подобное поздравленіе,—даетъ онъ понять Древинскому и проситъ его не дѣлать этого впредь.

XII. *Цыдула писана до пана Остафія Троцкого*, т. е. къ Евстафію Воловичу, каштеляну троцкому [Сказанія, стр. 250—251]. Въ посланіи Курбскій выражаетъ надежду, что Остафій наконецъ вернется къ покинутому имъ православію, къ вѣрѣ своихъ „праотцевъ“ и „заткнетъ честныя своя уши отъ инославныхъ ученія“,—чаще прочитывая посылаемыя къ нему отъ Курбскаго творенія Златоуста... Посланіе писано, вѣроятно, около 1575—1576 гг., во время двухлѣтняго междуцарствія: въ концѣ письма Курбскій упоминаетъ о современномъ „безглавномъ во время интеррегнумъ, сирѣчь между-кролей, отечествѣ“..

XIII. *Посланейцо краткое къ Семену Сѣдларю, мѣщанину львовскому, мужу честному, о духовныхъ вещахъ вопрошающему* [Сказанія, 251—252]. Писано „въ Мильтовичъ, року 1580, мѣсяца генваря“, въ отвѣтъ на „эпистолю“ Сѣдлара, желавшаго знать, какъ думалъ Іоаннъ Златоустъ о чистилищѣ. Исполняя его просьбу, Курбскій посылаетъ при посланіи переведенную имъ съ латинскаго одну изъ *беспѣдъ* Іоанна Златоуста на посланія ап. Павла: „Желаніе твое ис-

полнихомъ безъ закосненія“, пишетъ Курбскій: „не фолгуючи или не падаючи старость и недуга, мнѣ надлежащаго, и прочихъ приключившихмися напастей, вскорѣ преложихомъ отъ римскаго языка во словенскій не токмо о семь реченный виршъ или стихъ, но вск цѣлую бесѣду оную и со нравочученіемъ, и послахомъ къ твоей честности, брату моему любимому и другу единовѣрному“... „А схизматикомъ онымъ (иезуитамъ) не показуй того, прибавляетъ Курбскій: бо зѣло сварливы и упрямы“... Вѣроятно, Курбскимъ переведена была и послана Сѣдларю девятая бесѣда Златоуста на посланія Павла; этотъ переводъ Курбскаго не сохранился.

Кромѣ перечисленныхъ сейчасъ писемъ Курбскаго, уцѣлѣло еще нѣсколько ~~болѣе~~ случайныхъ и мелкихъ его посланий или писемъ; ограничиваемся лишь краткимъ указаніемъ на нихъ. Въ *Посланіи къ Вассіану, старцу псковскому* [„Сказанія“, стр. 253—255], Курбскій говоритъ о своихъ напастяхъ и между прочимъ сильно нападаетъ на современныхъ иноковъ; въ двухъ другихъ письмахъ къ тому же старцу Вассіану [*Опис. рук. Царскаго*, стр. 577; *Прав. Соб.*, 1863 г., кн. V—VIII] ратуетъ противъ вѣры въ апокрифы; въ особой припискѣ, заканчивающей эти письма и приписываемой также Курбскому [*Строевъ*, *Опис. рус. Царскаго*, стр. 577], рѣчь идетъ о *Скорининыхъ книгахъ новопечатныхъ полоцкихъ*,—а слѣдующее далѣе въ томъ же сборникѣ посланіе подъ заглавіемъ: *Андрей Ивану многочученному отвѣтъ о правой вѣри предлагаетъ* направлено противъ католичества и протестантства [напеч. въ *Прав. Соб.*, 1863 г., кн. II, 343 sgg]; наконецъ совершенно частный характеръ имѣютъ два листа кн. *Андря Курбскаго Ярославскаго до княжны Анны Деспотовны Збаражской, старостины кременецкой*, писанные въ 1574 году [Сказанія, стр. 255—258] и относящіяся къ дѣлу объ одномъ бѣгломъ крестьянинѣ, въ укрывательствѣ котораго обвинялся Курбскій.

Изъ переводовъ, сдѣланныхъ Курбскимъ, извѣстны:

1) *Новой Маргаритъ*, заключающей въ себѣ избранныя сочиненія Іоанна Златоустаго. Переводъ въ рукописи, современной переводчику, хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ [подъ № 187]. Языкъ перевода — бѣло-русскій или западно-русскій XVI вѣка. Въ „Предисловіи многогрѣшнаго Андрея Ярославскаго на книгу сію“ рассказывается между прочимъ „жалостна и плачу достойная исторія кратка“ о его жизни въ Литвѣ и занятіяхъ по переводу отеческихъ твореній. Пришлось ему жить здѣсь „между челоуѣки тяжкими и не гостелюбными и къ тому въ ересѣхъ различныхъ развращенными“, — слыша въ то же время „во отечествѣ огнь мучительства прелютѣйшій горящъ, и гоненіемъ поपालемъ родъ христіанскій безъ пощаженія, и лютость вищящу презѣльную на народъ христіанскій, горщую, нежели при древнихъ мучителѣхъ“... Грозный царь „матерь его и отрочка единого сына, въ заточенію затворенныхъ, троскою (скорбью) поморилъ; братію его, единоколѣнныхъ князятъ Ярославскихъ, различными смертми поморилъ, служащихъ ему вѣрнѣ, имѣнія его и ихъ разграбилъ, отъ любимаго отечества его изгвалъ, отъ друзей предлюбезныхъ разлучилъ“... Изгнанникъ все это зналъ и слышалъ и — „объять жалостію, тяжкое уныніе давиго его, нестерпимыя бѣды, какъ моль, съѣдаютъ сердце его“... И сталъ оны искать утѣшенія „въ книжныхъ дѣлѣхъ“: „разумы высочайшихъ древнихъ мужей прохождахъ, прочитахъ, разсмотряхъ физическіе (*физика* есть книга Аристотельская, коя въ себѣ замыкаетъ прироженную або естественную философію и есть зѣло премудра) и обучахся и навыхохъ еттическихъ (также и *еттика*, десять книгъ Аристотельскихъ, кои научаютъ найлѣпшей философіи, сирѣчь обычае любомудрія, и челоуѣческому роду найпаче зѣло потребнѣйша), часто же обращахся и прочитахъ сродныя мои священныя писанія, ими же праотцы мои были по душѣ воспитаны“... „И приѣхавъ мнѣ уже ту (въ Литву) отъ отечества

моего, продолжаетъ Курбскій о своемъ положеніи въ Литвѣ— съ сожалѣніемъ (въ виду отсутствія русскихъ переводовъ отеческихъ твореній) потщихся латинскому языку приучатися, того ради, ижъ бы могль преложити на свой языкъ что еще не преложено,—ижъ нашихъ учителей чуждые наслаждаются, а мы голодомъ духовнымъ таемъ, на свое зраще. И того ради не мало лѣтъ изнурихъ, въ грамматическихъ и въ діалектическихъ и въ прочихъ наукахъ приучахся“... Но однихъ его силъ не хватало на задуманное дѣло, а помощниковъ не находилось. „Искахъ, заключаетъ Курбскій жалостную исторію своихъ трудовъ, мужей словенскимъ языкомъ книжнымъ добре умѣющихъ, и не возмогохъ обрѣсти. Аще и елицихъ обрѣтохъ, мниховъ и мірскихъ,—не возмогоша помощи ми: мниси отрекошася, уничижающеса непохвальнѣ, не глаголю лицемѣрне, а лѣностне, отъ того достохвального дѣла; мірскіе не восхотѣша, объаты будучи суетными міра сего и подавляюще сѣмя благовѣрія терніемъ и осотомъ. Азъ же бояхся, ижъ отъ младости не до конца навыхохъ книжнаго словенскаго языка“... По предположенію Ундольскаго, переводъ Іоанна Златоуста сдѣланъ Курбскимъ съ латинскаго изд. Еразмова [1530 г., V т.]. Рукопись перевода вообще чрезвычайно важна и заслуживала-бы спеціальнаго изученія.—Кромѣ помѣщенныхъ въ „Новомъ Маргаритѣ“, Курбскому принадлежитъ переводъ нѣсколькихъ *бесѣдъ* въ собраніи словъ Златоуста, по рукописи Московскаго Румянцевскаго Музея, XVI вѣка, № 126. О своихъ переводахъ отдѣльныхъ бесѣдъ Златоуста Курбскій не разъ упоминаетъ и самъ въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ (къ К. К. Острожскому, къ Кузьмѣ Мамоничу, къ Семену Сѣдларю).

II. „Небеса“ Іоанна Дамаскина и нѣкоторыя другія его творенія, извѣстныя подъ общимъ названіемъ „Фрагментовъ“,— напр. *Діалектика* или *Логика*, *Пренія съ Сарациномъ* и пр. [переводы хранятся въ Московскомъ Румянцевскомъ Му-

зеѣ,—въ рукописи XVII в., № 193; въ рукописи собранія Ундольскаго XVI в., № 187, и собранія Пискарева, XVII в., № 189, а нѣкоторыя изъ нихъ—также въ Москв. Синод. Б-кѣ, въ рукописи XVI—XVII вв., № 191].

Переводы Курбскаго почему-то не были сполна напечатаны и сохранились гл. обр. въ рукописныхъ спискахъ. Курбскимъ переведены были очень многія, наиболѣе важныя, творенія Іоанна Дамаскина, и ббольшая часть ихъ была переведена имъ вновь. По дошедшимъ спискамъ, въ переводѣ Курбскаго извѣстны: кромѣ *Богословія* Дамаскина, его *Диалектика*, и слѣдующія мелкія сочиненія, называемыя Курбскимъ „фрагментами“ и почерпнутыя имъ иногда дѣйствительно отсюда: 1) *О судномъ дню*, 2) *Посланіе ко Іоанну, епископу Лаодикейскому*“, 3) *О Христовыхъ дву воляхъ и дѣлахъ и о другихъ естественныхъ свойствахъ*, 4) *О ересьхъ*, 5) *Посланіе о трисвятой тѣснѣ*, 6) *Книга, въ ней же описуется гаданіе христіанина съ сарацининомъ*, и 7) *Статей нѣкоторыхъ остатокъ до Клеры сестры* (перечисляемъ въ порядкѣ помѣщенія переводовъ въ существующихъ спискахъ). Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ трудахъ Курбскаго сообщаются имъ самимъ, въ прилагаемыхъ имъ къ переводамъ „предисловіяхъ“ и „сказахъ“.

Переводъ Богословія сопровождается особенно обширнымъ предисловіемъ: *Предисловіе Андрея грѣхми исполнена*—гдѣ переводчикъ подробно рассказываетъ исторію своего труда. „Единово“, пишетъ онъ, „случило ми ся прочитати книгу многострадальнаго Ма к с и м а, который много бѣдъ и лжеклеветаній въ многіе лѣта претерпѣлъ отъ лжебратіи, и обрѣтохъ въ ней едино посланейцо къ нѣякому Егорію, имъ же острагаетъ его отъ развращенныхъ писменъ, утверждающе во правовѣрныхъ догматѣхъ, а похваляетъ и совѣтуетъ ему читати К н и г у Д а м а с к и н о в у, сице глаголюще: Внимаи православнымъ учителемъ, что, господине, реклъ, нѣсть

лучши Книги Дамаскиновы; аще бы прямо преведена была и исправлена, въистинну небесной красотѣ подобна и пищѣ райстѣй, и сладчайше паче меда и сота. Азъ же сему зѣло удивихся и скорбію объять быхъ, изъ большая часть книгъ учителей нашихъ не преведена есть въ словенскій языкъ, и нѣкоторые преведены не прямо, отъ переводниковъ неискусныхъ, а нѣцыи отъ преписующихъ въ конецъ испорчены, растлѣнны, и размышляхъ собѣ, откуда сичевая тщета намъ. Оттуда воистинну, изъ древніе учителя были наши во обоихъ научены и искусны, сиречь, во внѣшнихъ ученіяхъ философскихъ и во священныхъ писаніяхъ, и къ тому тцаливы и бодры; а мы неискусны и учитися лѣнивы, и вопрошати о невѣдомыхъ горди и презориви, и аще мало нѣчто навывнемъ, мнимся уже все умѣти, и сего ради аще что въ писаніяхъ обрящемъ недовѣдомо, портимъ и растлѣваемъ, яко ся намъ видить, а вѣдущихъ не хотимъ вопросити, а ни поучитися хотимъ, но простерты лежимъ лѣностію и гнусностію погружены. И сего ради со прилежаніемъ прочтохъ книгу блаженнаго Дамаскина, книгу, глаголю, зѣло премудрую, и много намъ потребную,—бо онъ былъ учитель послѣдній, и избираючи отъ всѣхъ учителей вратцѣ описалъ, яко бы зеркало церкви и щить, альбо бронь вѣрѣкую ото всѣхъ еретикъ, и обрѣтохъ ее не токмо преведену недобре, альбо отъ преписующихъ отнудъ растлѣнну, но и во выразумѣнію неудобну, и никому же познаваему, къ тому и не сполна преведену: многихъ бо словесъ въ нашей не обрѣтается. И набыхъ книгу, грецки по единой странѣ писанную, а на другой странѣ по римски, и къ тому дѣлу призвахъ и умолихъ въ помощь собѣ Михаила Андреева сына Оболеньскаго,—яже есть з роду князятъ чер-

ниговскихъ,—понеже въ старости уже философскихъ искусствъ приучахся, а онъ во младыхъ лѣтѣхъ прошелъ и ихъ научился. И начахъ исправляти ю, а чего не было въ нашей словенской,—сызнава преводити, и такъ трудоносе, иже намъ лехчайше обрѣталося небывшее преводити, нежели испорченное и растлѣнное исправляти... Не обрѣташася въ первой книзѣ 6 главъ, ея же паче иныхъ писалъ богословне. Во второй десяти, которая писана метафизики и физики. Егда же доидохъ ко третьей,—обрѣтохъ тое книги то чію два слова начальныя, а двадесяти и семи словесъ не было, ея же писалъ такоже философски противъ различныхъ еретиковъ, паче же единовольниковъ, оброняючи церковныя догматы, зѣло премудрыми непрерываемыми истинными аргументы, або свидѣтельства. Такоже и въ четвертой пятнадцати главъ не было "... Переводъ Богословія Дамаскина относился, нужно думать, къ періоду времени 1575—1579 гг. Въ посланіи къ Чаплию, 1575 года, Курбскій замѣчаетъ „книга его (Іоанна Дамаскина) не переведена въ словенскій“...; въ посланіи же своемъ къ Грозному, въ 1579 году, говоря о „книзѣ премудраго Іоанна Дамаскина“, Курбскій уже прибавляетъ: „мню, иже въ твоей землѣ не преложена сполна съ грецка языка; а у насъ здѣ, благодатію Христовою, вся есть цѣла преведена и съ великимъ тчаниемъ исправлена“...

Въ концѣ „предисловія“, приложеннаго къ переводу Богословія, Курбскій, изложивъ ходъ трудовъ своихъ по переводу этой книги, замѣчаетъ: „Послѣди же сея книги обрѣтохъ Діалектику, зѣло нарочитѣ написану и отъ философіи указанну, посланпу къ Козмѣ епископу Маіумскому, и ине прекрасныя и потребныя вещи, ихъ же у насъ нѣсть преведено. Азъ же къ тому не могахъ приити за бѣдами и напастыи странства моего, иже бы могъ преложити до конца всю книгу священную и много-

полезную“... Изъ этихъ словъ, во первыхъ, видно, что Курбскому неизвѣстно было существованіе древняго славянскаго перевода Діалектики,—иначе онъ упомянулъ бы о немъ; во вторыхъ, изъ приведенныхъ словъ оказывается, что Курбскій нѣкоторое время колебался приняться за переводъ Діалектики, въ виду „бѣды и напастей странства своего“. Но все же „бѣды и напасти“ не помѣшали окончательно выполнению и этого труда. Сущестующій въ нѣкоторыхъ нашихъ рукописныхъ собраніяхъ западно-русскій переводъ Діалектики Дамаскина долженъ быть приписанъ трудамъ именно Курбскаго,—а не былъ сдѣланъ „послѣ, кѣмъ-нибудь другимъ“, какъ предполагалъ Востокъовъ. Прямое указаніе на это находимъ въ спискѣ перевода Діалектики, находящемся въ библиотекѣ Хлудова. Къ списку приложенъ довольно обширный *Сказъ Анорея Курбскаго о Лоикѣ*,—гдѣ читаемъ: „Се уже, братія возлюбленные и единопзычные, за благодѣію Христа нашего и Діалектика або Лоика, наука оная свѣтлѣйшая словесная, преведена есть,—о ней же воспоминахъ во предословіи моемъ, и же не могъ есмь вкупѣ со Книгою Дамаскинскаго превести ея, напастей ради моихъ. Учите же и навывайте ее нелѣбносе, и аще ее добре навывнете, удобне вамъ будетъ читати и разумѣти писанія философскія, яко нашихъ великихъ учителей христіанскихъ, такъ и внѣшнихъ философвъ“...

Въ той же рукописи Хлудова, по окончаніи перевода Богословія [„Книги о вѣрѣ“], находится оглавленіе всѣхъ помѣщенныхъ дальше переводовъ сочиненій Іоанна Дамаскина, подъ общимъ заглавіемъ: *Главы фрагментовъ, яже суть за книгами о вѣрѣ Іоанна Дамаскинскаго*, и затѣмъ идетъ перечень помѣщенныхъ далѣе въ рукописи сочиненій Дамаскина: 1) О иже въ вѣрѣ усопшихъ, 2) О судномъ дню, 3) Посланіе къ Іоанну, еп. Лаодикійскому и т. д. Изъ нихъ о первомъ и десятомъ въ оглавленіи замѣ-

чается: „Сіе слово прежде насъ переведено“, „Сіе слово прежде преведено“,—и названныя сочиненія приводятся дѣйствительно по старому славянскому переводу; остальные переведены вновь съ латинскаго. Въ концѣ оглавленія объ оставшихся непереверденными сочиненіяхъ Дамаскина замѣчается: „Потомъ пѣсни всѣ, сиречь и рмосы, кануны, стихиры и другіе того же рода духоввизательне отъ него сложенны, и хже намъ преводити албо исправляти не видѣлося достодолжнымъ,—бо давно прежде насъ преведенны. Аще гдѣ будетъ и неблагочинне преведенно или отъ преписующихъ испорчено, и азъ мудрѣйшимъ уступую исправляти“.

Такимъ образомъ переводъ перечисленныхъ здѣсь въ оглавленіи мелкихъ сочиненій Іоанна Дамаскина принадлежалъ, очевидно, тому же лицу, которымъ переведены были и Богословіе и Логика Дамаскина, т. е. князю А. М. Курбскому.

Нельзя не отмѣтить одной особенности переводовъ Курбскаго,—его многочисленныхъ примѣчаній или „сказовъ“, многочисленныхъ дѣлаемыхъ въ тексту переводчикомъ поясненій отдѣльныхъ словъ и выраженій, которыя онъ считаетъ необходимымъ „лѣпшаго ради вырозумѣнія“ постоянно присоединять къ переводу. Многіе изъ этихъ „сказовъ“ весьма любопытны; они показываютъ не только широкое и многостороннее образованіе самого Курбскаго, но—что особенно важно—и его необыкновенную предупредительность къ своимъ будущимъ читателямъ, теплую, сердечную заботливость о возможно бѣльшемъ „вырозумѣніи“ ими предлагаемаго чтенія. Что касается до дѣлаемыхъ Курбскимъ толкованій отдѣльныхъ словъ и выраженій,—эти поясненія, въ свою очередь, являются драгоценнымъ матеріаломъ для исторіи языка.

Приводимъ примѣры тѣхъ и другихъ, помѣщая „сказы“ параллельно съ соотвѣтствующими частями текста, въ которымъ они на поляхъ присоединяются переводчикомъ [рук. № 193]

Къ словамъ текста:

...аще и семь круговъ за
семь небесъ разумѣти восхо-
щешь, никакожь истинна въ
правдѣ умалится...

...а которая убо не есть по-
слушна, и которая не препі-
рается словы, животная
есть, которая тобаемая
нарицается...

На поляхъ:

„Глаголетъ, аще семь кру-
говъ, сиречь семь путей, по-
нихъ же планеты благочин-
не по Божію устроенію ше-
ствуютъ, вторые круги, albo
пути, учителя церковные, вси
во единомъ небеси, рек-
ше въ тверди, быти разумѣ-
ютъ,—никаво правда умалит-
ся, и сие по божественному
Павлу, три небеса имѣти
будемъ, сиречь первое небо
небесное, потомъ твердь,
послѣди же воздухъ, бо и
то писаніе небомъ наречеть,
якъ здѣ Дамаскинъ свидѣтель-
ствуетъ“ (л. 32 об.).

„Сиречь, егда руку ко серд-
цу приложишь, тобаеетъ,
сиречь біется, albo жилы біют-
ся, и аще бы имъ заповѣды-
валь, не знаютъ, а ни слы-
шать, бо сіа часть живот-
ная, реке садовая, далеко
отъ словесныя части ду-
ши; а средняя часть души,
сиречь еже душевная на-
рицается, сіа покарается ум-
ной и словесной части
души, понеже ближайша къ
ней“ (л. 46).

...словеснаго убо ово зрительно, а другое дѣлательно есть; зрительное убо по уму, понеже суть сущіе; дѣлательное ж по совѣту, язъ ему управлять дѣломъ правое слово...

...а если сіе по нужѣ пристаеъ ко словесному самовластное албо нѣсть словесно...

Къ слову „зрительно“: „Сназь. Умъ чловѣческой мудрые на двое раздѣляютъ, едину часть зрительнымъ нарицають, который въ чувствомъ ничесожь имѣеть, но о Бозѣ помышляеть, и о безплотныхъ силахъ мечтаеть, такожь и о созданныхъ вещахъ и о животѣ будемъ мыслить“.

Къ слову „дѣлательно“: „А другую часть ума дѣлательнымъ нарицають, которы чувствомъ ближайшии и помыслы сердечныи, яко чрезъ послы внутреннихъ чувствъ приносимыи, рассуждаеть и управляетъ, и въ дѣло производити повелѣеть“.

Къ слову „сущіе“: „Рекше сущей сущихъ зреть, сиречь нетлѣнно и умъ нетлѣнныхъ“ (л. 60).

„Ави бы рекль, аще бы было по нужи, яко нѣци глупають, ижъ родился овсица чловѣкъ таковь, и под таковою звѣвдою, албо въ такой часъ, невозможно уже ему премѣнитись,—таковымъ Дамаскинъ насмѣвается, обличающе ихъ безуміе, яко читающе вырозумѣешь разумъ православія“ (л. 60 об.).

...аще солнце, намъ свой-
ственные дѣла подающе, пре-
бываетъ нашими невѣдомо,
коими паче создатель солнца,
Господь...

...коимъ дѣломъ соединенни
суть не числятся, ибо не исповѣ-
дуемъ быти по ипостаси
дву естествъ Христовыхъ...

„Аще солнцу таковую вло-
жилъ силу теплотную и жи-
вительную, иже сіяетъ на вся-
кіе мѣста, на смрадныя и на
нечистыя, тѣхъ изсушающе,
а сѣменнымъ и садовнымъ и
прочимъ таковымъ силу живи-
тельную, рекше плодорастител-
ную умножающе, а само ни
въ чесомъ же умалется,—ко-
ми паче Господь солн-
ца, аще и все человѣческое
естество на ся облекъ, наши
изсушающе нечистыя страсти
и просвѣщающе и плодоносны
творяще души и телеса, а
себе ни въ чесомъ же ума-
лилъ и божествомъ ничесоже
человѣческихъ пострадалъ, ани
претерпѣлъ“ (л. 78).

„Сіе слово написалъ Дамас-
кинъ глупства ради и без-
студія еретическаго, клевету
бо еретицы на церковь, глаго-
люще, иже бы глаголали
двухъ по числу, понеже
правовѣрные исповѣдуютъ
Христа въ цѣломъ божествѣ,
рекше въ совершенномъ и
въ цѣломъ человѣчествѣ, и
сего ради сіе рекъ, оправ-
даючи церковь. Ибо не испо-
вѣдуемъ быти по ипостаси дву

естествъ Христовыхъ (и прочіе читающе узришь), но яко отъ невидимаго и видимаго, сиречь отъ души и тѣла, сложенъ человѣкъ и не нарицается инако, точію человѣкъ единъ, аще и отъ дву естествъ, такоже и Христось, аще Богъ совершенный и человѣкъ совершенный, не нарицаются отъ церкви два Христи, но единъ Христось по ипостаси“ (л. 78 об.).

...мысленной же и разумной, добровольное и самовластное, аще убо по естеству есть колеблющему растителное, и чувственному по мѣсту движеніе, а того ради по естеству есть мысленному и разумному, добровольное и самовластное движеніе...

„Три бывають части зримы, ими же животь нашъ содержится. Колеблющася, всѣхъ низайшая, къ вещи тѣлесней присажденна. Чувственная жь въ животныхъ безсловесныхъ вышнее мѣсто имѣеть, ихъ же вожденіе естества ведеть ко долу, въ человѣцехъ же среднее. Мысленная же во человѣцехъ наивышша и предостойнѣйша. Ко всякому же убо животу належить свое свойственное движеніе. Къ колеблющему движеніе растителное. Къ чувственному по мѣсту движеніе, рѣше имъ же бываетъ съ мѣста на мѣсто движимъ. Къ мысленному же

...и паки, аще звѣрь, разумный смертный человекъ, и всяко уставленіе покоренныхъ естествъ нарицающе, и нѣсть равно по естеству мысленное смертному, не былъ бы во истинну одинаго естества человекъ, по уставу свойственнаго уставленія...

...сице и во Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ не части частей разсмотримъ, точію зъ ближайшаго сложено, божества и человечества...

животу и разумному движению волное и самовластное по естеству, а того ради человекъ по естеству самовластный и волю имѣть по естеству ему приданую“ (л. 87 об.).

„Вопрошенъ отъ нѣкоторыхъ Платонъ философъ, яко бы существо человеческое вытолковалъ? Отвѣщаль, иже есть человекъ звѣрь разумный смертный; сего ради здѣ припоминаетъ сіе Дамаскинъ, ижъ сопротивъ зломудренныхъ философовъ, которые оклеветуютъ естество уставъ, философскимъ обычаемъ вѣщааетъ, обличающе ихъ“ (л. 99 об.).

„Не часть частей разсмотримъ, но ближайшіе? Ави бы рекль, не по стихійнымъ частямъ души и тѣла соединенна зримъ (яко нѣцыи блядутъ) три естества сего ради быти во Христѣ и три дѣланія, рекше тѣла ради и души и божества его; но сіе есть хула. Но по ближайшимъ, сиречь отъ божества совершеннаго и человечества совершеннаго, соединенна есть ипостась Христова. А если соединенна отъ совершенныхъ естествъ, убо послѣ-

...паки сумнительныхъ, яко предрекохомъ, воля нѣкогда силу ею жъ хоцемъ изявляеть...

...а насъ егда бы бремя браву сложили, яко иноковъ приимовати и блаженныхъ вводить...

...родителемъ совѣтуютъ, иже бы закосняли сыновомъ воспитанія, и въ нимъ все свое относили...

дуетъ и отъ дѣлъ и воля различныхъ, понеже дѣла и воли не ипостасны, но въ естествахъ замыкаются неслиянне“ (л. 101).

„Что есть сумнительна? Сумнительна наричется то, еже единымъ именемъ овогда тое, овогда иное нарицается, яко и въ сущемъ гдѣ глаголетъ“ (л. 199).

„И здѣ зрите, православные, и стережитесь того еретическаго узаконенія, яже держаютъ пущати жены свои безъ вины законныя и ходити во иноческое житіе,—таковое есть повелѣніе тѣхъ презлѣйшихъ еретиковъ, а ни апостолскія, а ни святыхъ отецъ, яко о томъ пространнѣй вамъ прежде насъ написалъ Максимъ преподобный, святогорскій инокъ, новопострадавшей о Христѣ о томъ же братіи безъ правды“ (л. 234 об.).

„Тому подобная ересь и у нашихъ иноковъ лицемѣрныхъ и любостязательныхъ явилася (а не истинныхъ),—учать бо отцовъ и уживовъ нерадѣти о ближнихъ въ родѣ

(яже апостолъ рече, аще кто не промышляетъ о своихъ, паче же о ближнихъ въ родѣ, вѣры отвергся, и есть горши невѣрнаго), но совѣтуютъ и глаголють не давати, рече, имѣнія аще и убогимъ сродникомъ, и давай въ монастырю, а за то тобѣ умолять святыя у Бога царствіе небесное. И такъ земли христіянскіе уже знищили, иже военскій чинъ великъ хужши учинили“ (л. 234 об.).

...рабовъ, бѣгающихъ отъ своихъ господей, доброволне приѣмлютъ...

„Зрите, иноцы осифлянскіе и герасимянскіе и прочіе, и ужаснитесь, зане то, еже исполняете,—рабовъ бѣгающихъ со всякимъ краденіемъ отъ господей ихъ приѣмете, сопротивъ правилъ седмостолпныхъ сіе творите, а тос зломудренное ереси наслѣдуете“ (л. 234).

...яже въ божественныхъ писаніяхъ ищутъ нѣякого искусства..

„Сія ересь въ московской земли носится между нѣкоторыми безумными,—блядословять бо, не потребна, рече, книгамъ много учитися, понеже въ книгахъ заходятся человѣцы, сирѣчь безумѣють, або въ ересь упадаютъ“ (л. 238).

...яко глаголемъ три чловѣки,
и три суть яже свидѣтель-
ствуютъ, вода и кровь и духъ,
а три сѣ чрезъ іоту, сло-
весне за многократное...

...подобаетъ вѣдати показаніе
быти л о и к и разсмотрѣнія...

...и аще обрѣтенна была бы
едина отъ непреборимыхъ лож-
ная, або замѣненіе, подѣ-
у л о в л я ю щ и м ъ свидѣтель-
ствомъ есть, а не силогизмъ...

...яко парменидосовъ
глаголь, понеже едину глаго-
лалъ истотность...

„Трисѣ, сія грецкая посло-
вица есть, бо у нихъ множай-
ше не складомъ ставятся, но
единымъ словомъ подѣ титломъ,
або иными знаки обыкновен-
ными, пачеже елладскимъ вы-
сочайшимъ языкомъ пишуще,
сиречь еллински“ (л. 246 об.).

„Лоиза нарицается або бе-
сѣдованіе, або истинныхъ
отъ ложныхъ рассужде-
ніе“ (л. 330 об.).

„Паралогизмъ, а по латине
капцюзоза аргументація або
конклюдзіо фалляксъ, або децеп-
ціо перѣ фалсасъ опиніонесъ,
а по словенску подулыв-
ляющее свидѣтельство“ (л.
331).

„Парменидесъ фило-
софъ, Ксенефонтонъ уче-
никъ и другъ, отъ котораго
имени Платонъ бесѣду, яжъ
о идіяхъ писалъ, Пармени-
домъ прозвалъ,—тотъ мнилъ
все быти вѣчно и недвижимо,
что бы было истотность по
истинной вещи, ибо толико
быти просто, и не боящееся,
и нероженно, а роженіе оныхъ
быти ложнымъ мнѣніемъ ви-
дятся быти, егда же не суть.
А чувства отлученны ото ис-

тинны нещеваль, понеже утвержалъ, аще что есть паче истотности, сіе не быти истотность, а ни истотность не быти въ вещахъ. А сице собѣ истотность въ живущихъ составлялъ, а землю разлѣйшимъ аеромъ спаденіемъ сотворенну блядословиль“ (л. 332 об.).

...а таковыи есть центауровъ и сириновъ и троеляфовъ басни смыслены...

Къ слову „центауровъ“: „Людѣ, о нихъ же поетове пишутъ, аки бы на полы челоуѣкъ былъ, а на полы конѣ, подобно того ради, ижъ на конѣхъ битвы первіе начались“...

Къ слову „сириновъ“: „Дивъ морскій, образомъ дѣвица будуща по поясъ, а прочая рыба; поетове за тевають, три быти дщери Ахеліовы, яжъ прекраснымъ воспѣваніемъ челоуѣкъ предщаютъ, сиречь усыпляють и потоцляютъ, имъ же имена были: Пареенове, Лигія и Леукозіа“...

Къ слову „троеляфовъ“: „Звѣрь есть, въ Фазѣ рѣцѣ плодящеса, браду козлову мающе, а во прочимъ еленю подобень, откуды смѣшанно съ еленя и козла“ (л. 333 об.).

...Несторій же и иные мнилъ соединенія, по достоянію глаголю и по почести, и по тавости произволенія...

„Несторій былъ сынъ Хлоридовъ и Нелеи, язь юношею бралъсе жива отца имѣюще сопротивъ епентомъ педопоненскимъ людемъ; язь потомцы ліи нарицались, и потомъ егда у Перитеуса, на браку былъ, противъ Центаурои, язь и подалію одержати хотяше мужественне брался. Послѣди на войнѣ троянской, егда уже старъ былъ, бо три вѣки человекскіе жилъ, съ пятюдесять кораблей съ нѣкоторыми грецкими начальники подъ Трою приплылъ, въ девеносте лѣтехъ отъ рожденія. А триста лѣтъ жилъ, внегода здравымъ совѣтомъ грекомъ зѣло помогаль, понежь многіе ради мудрости, яже долготы ради вѣбу въ немъ собрана была, таковымъ словествомъ цвѣль, иже отъ его усть паче медь сладчайше исходило реченіе“ (л. 334). И т. д.

Изъ поясненій отдѣльныхъ словъ и выраженій отмѣтимъ:

Въ текстѣ:

по качеству
хитрецъ
случаю

На поляхъ:

„по явости“ (л. 4).
„промысленикъ“ (л. 4 об.).
„фортунѣ“ (л. 5).

проразумительный	„промышленник“ (л. 5 об.).
изятіемъ	„лишеніемъ“ (л. 5 об.).
ипостась	„составъ“ (л. 7).
мнимавіа	„мнѣнія или нещеванія“ (л. 8).
не пары	„не дыханію“ (л. 8 об.).
силы	„моцы“ (л. 8 об.).
безъ часу	„безъ времени“ (л. 9 об.).
совсегдачно	„соприсносущно“.
якость	„качество“ (л. 11 об.).
думою	„совѣтомъ“ (л. 15).
сній	„иже есть“ (л. 17).
прикладне	„уподобленне“ (л. 18).
обятія	„страсти“ (л. 19 об.).
зъ ничесоже	„отъ небытіа“ (л. 20).
вышше существенное	„пресущественное“ (л. 20).
зъ нарочитѣйшихъ	„въ зацнѣйшихъ“.
аеръ	„воздухъ“ (л. 22).
маестату	„величества“ (л. 23 об.).
обякновеніа	„извадки“.
надъ то	„ѣъ тому“ (л. 25 об.).
и скороществіе	„и прудвости“ (л. 27 об.).
не извратно	„не премѣнно“ (л. 28).
извратно	„премѣнно“.
силны	„крѣпцы“.
властели	„князи“ (л. 29).
изобретенна	„вымышлена“ (л. 30 об.).
стихіа	„елсментъ“ (л. 31 об.).
скинію	„шатеръ“ (л. 32).
ставался	„быль“ (л. 33 об.).
влажнѣйши	„мокротнѣйша“.
аргументованіа	„доводу, або свидѣтельства“.
драконы	„зміеве великіе“ (л. 39).
пиѣйки	„обезяны“.
кринъ	„роза лиліа“.

на врачеваніе	„на цѣлбу“.
осоты	„волчець, albo репина“.
жизнь	„животь“ (л. 42).
прирванны	„уподобленны“ (л. 43).
самымъ вырозумѣніемъ	„единымъ умомъ“.
хвалителя	„поклонника“ (л. 42).
искуства	„художества“.
колера	„желтая курчина“ (л. 45).
преподобія	„доброты“.
альчба	„гладь“.
сласти	„роскоши“ (л. 46).
особы	„лица“.
смилованіе	„милосердіе“.
блаженствъ	„добротъ, albo благъ“ (л. 47).
токающая	„біющая“ (л. 48).
смаковъ	„вѣшней“ (л. 49).
отстено	„ѣлко“.
напряженіе	„натягненіе“.
вырозумѣніа	„позваніа“.
навыченемъ	„научимся“.
направленіе	„наставленіе“.
гласъ	„глаголь“.
вожделеніа	„похоть“ (л. 51).
естества	„прироженіа“.
ово	„нѣкогда“.
сеновне	„суптелне, albo тонце и прек- расне“.
впоенна	„воображенна“ (л. 52).
совѣтованіемъ	„порадою, albo думою“.
думаетъ	„совѣтуетъ“.
декрстомъ	„усужденіемъ, albo уложе- ніемъ“.
привержена	„подручна“.

образовательные	„ремесленные“ (л. 55).
нашей поставѣ	„нашему лицу, albo особѣ“.
риторовъ	„красноглагольниковъ“ (л. 58).
измѣнностяхъ	„извратностяхъ“ (л. 60).
вида два	„особы двѣ“ (л. 62).
попускаеть	„послабляетъ“.
по естеству	„по прироженію“.
патрижненіе	„мзду“ (л. 65).
породы	„раю“ (л. 66)
срокѣи	„люты“ (л. 67).
придательки	„прибавленни“
непщеваніе	„мнѣніе“ (л. 75).
безвременне	„безлѣтне“ (л. 76).
временъ	„часомъ“.
прещеніе	„трусъ“ (л. 81).
случаевъ	„припадковъ“.
лжепотвари	„лжеклеветаніа“ (л. 84).
добровольнѣ	„самовластенъ“ (л. 88).
гномень	„совѣтъ“ (л. 90).
избраніе	„изволеніе“.
уживаетъ	„пріемлетъ“ (л. 92).
хвѣющаеся	„колеблющаяся“.
ѳеологіи	„богословіа“ (л. 94).
простого	„нагаго“ (л. 95).
смущаетъ	„смѣшаетъ, albo сливаетъ“.
заисте	„поистинне“ (л. 104).
тропусъ перифразисъ	„тропусъ наричется фигура, albo образецъ“ (л. 106 об.).
возгорѣніе	„запаленіе“ (л. 110).
застушила	„встрѣтила“, albo сопротивъ стала“.
линію	„чертою“ (л. 121).
залогъ	„задатокъ“ (л. 123).

бѣдно	„трудоу исполнено“ (л. 124).
катапетазму	„препону, або завѣсу“ (л. 128).
тужаще	„скорбяще“ (л. 130).
черезъ звѣклые	„обычными“.
черезъ оное	„тѣмъ“.
ижь бы смы не были	„да не будемъ“.
объявили смы	„объявихомъ“.
надъ	„выше“ (л. 135).
почестоносцы	„мученики“ (л. 138).
зуграфа	„маляра“ (л. 139).
по писмени еврейскіе	„по алфавитамъ жидовскаго гласа“.
стихами	„виршами“.
приповести	„притчи“.
добротъ	„цнотъ“.
обычаи	„чинны“ (л. 146).
сеновнымъ мысленіемъ	„тончайшею мыслию“.
въ естественной якости	„въ естественномъ качествѣ“.
подушеніа	„подстрепаніа“ (л. 150).
во умыслъ	„во умъ“ (л. 150).
молится по насъ	„ходатайствуетъ о насъ“.
и подъ ермомъ почіеть	„и подо игомъ обучится“ (л. 151).
благодати натриженіе	„доброти мздовоздаяніе“.
насилствують	„разоряють“.
синагоу	„сонмище“ (л. 157).
распустное	„слабое“ (л. 158).
злави	„зѣліа“ (л. 158).
во браздахъ	„на загонѣхъ“ (л. 161).
честныя царіе учредити	„порфириносящихъ царей угостити“.
силігнъ	„волачь“ (л. 173).
злые ихъ образы	„грозные ихъ взоры“ (л. 174).

усужденіе	„декретъ“ (л. 175).
любовникомъ	„возлюбленнымъ“ (л. 176).
уподобленіе	„мѣрило“ (л. 177).
клеветство	„содруженіе“.
затѣмъ изобразовало	„надъ то збывало“.
особою	„поставою, або лицомъ“ (л. 179).
видъ отъ вида	„постава отъ поставы“.
равно	„единако“ (л. 180).
лоза	„прищепъ“ (л. 181).
олива	„маслица“ (л. 182).
слонъ	„алефантъ“.
брачиться и не брачиться	„пояти жену и не пояти“.
притчи	„вины“ (л. 186).
животное парящее	„птица паряцаа“.
яж не уживаетъ	„который непріятенъ“.
прикосновеніе	„догненіе“ (л. 194).
ко пріятію	„во уживанію (л. 196).
пріятіе	„уживаніе“ (л. 197).
уживати	„наслажатись“.
сложенный	„споенный“ (л. 200).
провидѣніе	„прозрителница“ (л. 203).
законъ	„уставъ“ (л. 206).
знаменитое	„нарочитое“ (л. 208).
тѣрпимъ	„стражемъ“.
волненія	„пристрастіа“ (л. 211).
возмущеніямъ	„страстемъ“ (л. 212).
отъ здателей	„отъ гончаровъ“ (л. 220).
отъ животныхъ	„отъ мясояденія“ (л. 221).
книжницы	„писари“ (л. 222).
астрологовъ	„звѣздозрителей“ (л. 223).
чернокнижными	„чаровными словы“ (л. 225).
цардоніане	„красилники“ (л. 226).

ѳесародекатицы	„четыренадесятницы“ (л. 228).
каваріи	„чистые“ (л. 229).
геомитрійскими	„землемѣрителными“ (л. 231).
императорѣхъ	„повелителѣхъ“ (л. 237).
навѣтницы	„потварцы“ (л. 238).
смыслилъ	„замыслилъ“ (л. 240).
народовъ	„языковъ“.
куряшесь	„дымашесь“ (л. 241).
еллинскимъ	„поганскимъ“.
еиконобласти	„иконосокрушители“.
выну	„всегда“ (л. 243).
о неназnamenovanномъ	„о непостижимомъ“.
трипостаснаго	„трисоставнаго“.
катавасію	„согласіе, або схоженіе“.
спадку	„склоненію, або согласію“.
аеровъ	„воздуховъ“ (л. 255).
монархія	„единоначаліа“.
телете	„приношеніе, або жертву таин- ственную и безкровную“ (л. 259).
раменемъ	„десницею“ (л. 260).
сумнятельные	„проблимата“.
римата	„рѣчи, або глаголанія“.
писаніе твое	„воранъ твой“.
законопоставители	„законоположители“ (л. 263).
воприну	„шоль“ (л. 277).
дукатное	„сребрениць“.
шведящихъ	„тщетныхъ“... И т. д.

III. *Отдѣльные „слова“ Василия Великаго, Григорія Богослова и Діонисія Ареопагитскаго.* Переводы эти не дошли до насъ; но объ нихъ Курбскій упоминаетъ въ письмахъ въ Марку Сарыговину и Кузьмѣ Мамоничу.

IV. *Повѣсти о Варлаамѣ и Иоасафѣ*. Переводъ ихъ приписывается также Курбскому; рукопись въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, въ собраніи Ундольскаго [№ 182; въ концѣ].

V. *Диалогъ патр. Геннадія*. Къ переводу „Диалога“ присоединено любопытное предисловіе переводчика. Переводъ изданъ былъ въ Сборникѣ, вышедшемъ въ Вильнѣ въ 1585 году; находится въ рукописи Московской Синодальной Библиотеки, XVI—XVII вв. [№ 191], а также въ рукописи XVII в. Соловецкой б-ки Казанской Духовной Академіи [№ 510].

VI. *Слово о св. Духѣ*, неизвѣстнаго проповѣдника, несправедливо приписанное Иоанну Златоусту. Переводъ находится въ рукописи Московской Синодальной Библиотеки XVI—XVII в. [подъ № 191, на лл. 564—574]; приписывается Курбскому на основаніи особенностей языка.

VII. *Отрывки изъ исторіи Евсевія*,—встрѣчаются въ упом. рукописяхъ сочиненій и переводовъ Курбскаго.

Большой интересъ для мѣстнаго западно-русскаго православнаго общества могла представлять *Исторія флорентійскаго собора*, написанная Курбскимъ въ Литвѣ. Главнымъ источникомъ для Курбскаго служила здѣсь „Исторія о листерійскомъ, т. е. разбойническомъ феррарскомъ соборѣ, вратцѣ, но справедливо написанная“,—авторомъ которой одни изслѣдователи называютъ острожскаго елирика Василя, другіе С м о т р и ц к а г о. Къ своей „Исторіи“ Курбскій приложилъ *Отвѣтъ восточныхъ или щитъ церкви православной*. Отвѣтъ этотъ, по мнѣнію проф. Петровскаго, ни иное что, какъ извлеченіе изъ того же „сказанія о Листерійскомъ соборѣ“, сдѣланное, можетъ быть, въ формѣ посланія, но дошедшее до насъ въ испорченномъ спискѣ.

Въ Литвѣ была написана Курбскимъ и извѣстная *Исторія Князя Великаго Московскаго о дѣльхъ, яже слышахомъ у*

достоверныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашими. Сочиненіе содержитъ въ себѣ исторію жизни Іоанна Грознаго, отъ дѣтства его до 1578 года. „Исторія“ писана, вѣроятно, около 1577—1578 г.

Какъ извѣстно, отсюда же, изъ Литвы, были писаны Курбскимъ и знаменитыя *письма* его къ Грозному.

Перечисленные нами литературные труды Курбскаго, отражая на себѣ умственное и религіозное движеніе общества, среди котораго Курбскому пришлось доживать свой вѣкъ, несомнѣнно въ значительной степени поддерживали и усиливали общее возникшее въ странѣ движеніе. Курбскій, какъ мы видимъ, принимаетъ въ борьбѣ живѣйшее участіе, оказываетъ ей горячую поддержку... Не менѣе видная роль принадлежала здѣсь и другому современнику, князю К. К. Острожскому. Это былъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ магнатовъ Великаго Княжества Литовскаго, и свое вліяніе сохранялъ въ продолженіе полустолѣтія, въ эпоху особенно богатую событіями общественной, политической и религіозной жизни.

Родъ князей Острожскихъ, черезъ князей Галицкихъ, идетъ отъ св. Владиміра. Благочестіе было въ немъ наследственно; одинъ изъ представителей, кн. Феодоръ, знаменитый въ исторіи борьбою за независимость Руси противъ Польши, считается святымъ,—подъ конецъ своей жизни онъ постригся въ иноки, и мощи его почиваютъ въ ряду киево-печерскихъ угодниковъ. Правнукомъ св. Феодора былъ Константинъ Ивановичъ Острожскій,—отецъ Константина Константиновича, борца за православіе. Ни у кого изъ литовско-русскихъ князей не было въ XVI в. столь обширныхъ владѣній, какъ у князей Острожскихъ. Ихъ владѣнія состояли изъ 35 городовъ и мѣстечекъ и 670 селеній,—кромѣ приписанныхъ къ монастырямъ и церквамъ; ежегодные доходы ихъ, не считая поземельныхъ оброковъ и податей съ ворчемъ и лавокъ,

простирались до 1,200,000 злотыхъ. Ихъ дворъ содержался съ царской пышностью: различныхъ служащихъ при дворѣ было до 2000. Явилась даже пословица: „богатъ, какъ Острожскій“...

Громадныя богатства давали кн. К. К. Острожскому полную свободу для самой широкой общественной дѣятельности. Въ противоположность отцу, князь Константинъ Константиновичъ, по замѣчанію одного изъ историковъ, „не отличался ни воинскими подвигами, ни государственными дѣяніями“, тѣмъ не менѣе значеніе его въ исторіи южной Руси было велико и могущественно... Впрочемъ, выросши въ понятіяхъ феодальнаго государственно-общественнаго строя и имѣя въ своемъ отцѣ К-нѣ Ив-чѣ примѣръ преданности польскому королю и интересамъ государства, съ которымъ южная Русь была въ династическомъ союзѣ, онъ не могъ своимъ умомъ стать выше понятій и порядковъ того времени, не имѣлъ настолько и энергіи, чтобы, опираясь на свое высокое положеніе и богатства, положить рѣшительный отпоръ затѣянному на его глазахъ политическому сплоченію литовской Руси съ Польшею и распространенію на нее польско-общественнаго строя. Если К. К. Острожскій одинъ изъ первыхъ протестовалъ на люблинскомъ сеймѣ противъ соединенія Литвы, тѣмъ болѣе Украины, Волыни и Подоліи, съ Польшею, то въ слѣдъ за тѣмъ, видя рѣшительную волю на это короля,—онъ же въ числѣ первыхъ и подписалъ актъ этого соединенія... Съ королемъ и дворомъ его связывали фамиліныя традиціи, съ польскими магнатами родственныя и общественныя отношенія; къ тому же политическа сліянія двухъ государствъ, польскаго и литовско-русскаго, пустила къ этому времени уже такіе глубокіе корни, что сторонниковъ ея можно было найти не только между чинами независимой польской партіи, но и между представителями литовско-русской народности... Фактическое объединеніе было

теперь уже въ такомъ положеніи, что оставалась не тронутою одна только сторона,—различіе въ вѣрѣ, которое за то и чувствовалось больше, чѣмъ когда либо...

При всемъ сочувствіи къ польскому общественно-политическому строю, вн. К. К. Острожскій все же оставался преданнымъ православію, былъ, по выраженію современниковъ, „отцомъ и благодѣтелемъ Руси, рачителемъ благочестія, окомъ и свѣтиломъ церковнымъ“; православные видѣли въ немъ „вѣрнаго стража дому Божию, самимъ Богомъ избраннаго“... Дѣйствительно, Острожскій не жалѣлъ своихъ громаднхъ средствъ на защиту и поддержку родной вѣры, на распространеніе образованія въ западно-русскомъ православномъ обществѣ. Князь ведетъ непосредственныя сношенія съ восточными патріархами, выписываетъ съ Аѳона книги, которыя были бы полезными православнымъ въ ихъ борьбѣ съ католиками, вызываетъ изъ Греціи ученыхъ для преподаванія въ устроенной имъ въ Острогѣ высшей школы, поручаетъ переводить отеческія сочиненія или писать новыя въ защиту православія, заводитъ школы для обученія дѣтей,—типографія для печатанія и распространенія церковно-богослужебныхъ и духовно нравственныхъ книгъ и т. д. и т. д... По порученію вн. К. К. Острожскаго, Говъ Борецкій, „мужъ благочестивый и премудрый, въ божественномъ писаніи искусный, греческій и латинскій языки добрѣ умѣвый“, воспитанникъ львовской школы, впоследствии митрополитъ кievскій,—переводитъ съ греческаго языка *посланія* алекс. патр. Мелетія къ Ипатію Поцѣю и *диалогъ* того-же патріарха о православной вѣрѣ. По мысли и порученію князя составляется капитальной важности полемическое сочиненіе — *Апокрисисъ*. Особенно важны были заводимыя вн. Острожскимъ школы и типографія. Въ 1572 году открывається на его средства школа въ Туровѣ, въ 1577 г. во Владимірѣ-Волинскомъ, въ 1580 г. въ Острогѣ. Вскорѣ затѣмъ открыты были имъ же школы въ

Слудцѣ и въ Кіевѣ. Особенно важной изъ этихъ школъ была школа Острожская.

Задумавъ основать высшую школу въ Острогѣ, вн. К. К. Острожскій обратился прежде всего къ констан. патриарху, и извѣщая о принятомъ намѣреніи, просилъ патриарха прислать ему изъ Греціи способныхъ учителей, обѣщая съ своей стороны вполне обезпечить ихъ во всемъ. Школа была открыта, и въ ней учили не только элементарнымъ предметамъ: чтенію, пѣнію, письму, языкамъ русскому, греческому, латинскому и польскому, но и такъ называемымъ „наукамъ вызволеннымъ“ (artes liberales), т. е. грамматикѣ, діалектикѣ, реторикѣ и пр. Въ Острожскую школу стекалась масса молодыхъ людей, какъ изъ низшихъ, такъ и высшихъ классовъ общества. Въ числѣ преподавателей острожской школы были такіа лица, какъ Кирилль Лукарисъ, впоследствии патриархъ константинопольскій, человекъ широко образованный, воспитывавшійся въ западныхъ университетахъ и много путешествовавшій по Европѣ, и Никифоръ Грекъ, экзархъ константинопольскаго патриарха. Въ слѣдственномъ дѣлѣ, происходившемъ въ 1597 году, вслѣдъ за брестскимъ соборомъ, — Никифоръ о себѣ сообщаетъ: „...Даль о себѣ справу, што есть за человекъ, яко былъ въ Падвѣ (Падубѣ) волько лѣтъ лекторомъ наукъ еллинскихъ и грецкихъ, жесь и Польца полна слухами наукъ его; яко зась у Венецыи былъ казначею семь лѣтъ въ церкви грецкой св. Марка, о чомъ много зацныхъ людей знаютъ; а потомъ, вернувшись до Константинополя, зосталъ великимъ протосингеломъ патриаршего ерону константинопольскаго, и по два вротъ былъ справцею столицы патриаршей, чого посвѣтчуть вси христіяне, а теперь посланъ отъ столицы патриаршей константинопольской тутъ, до славной славна епархіи нашей (западно-русской)“... По прибытіи въ литовскую Русь въ 1596 году, Никифоръ остановился въ Острогѣ, въ острожской школѣ, — между прочимъ „для отправованія наукъ вызволе-

ныхъ“, и не смотря на лестныя предложенія Яна Замойскаго, который приглашалъ его въ свой, основанный не задолго до того, коллегіумъ, — „тыя науки свои выкладати чужимъ не изволилъ, помнячи на оныя слова Спасителя: „не слушная рѣчь отняти хлѣбъ дѣтемъ и поврещи псомъ“... Вообще образованныхъ грековъ въ Острогѣ всегда бывало не мало. Призывая ихъ, Острожскій подготовлялъ и своихъ мѣстныхъ дѣятелей просвѣщенія, собирая и ихъ отовсюду. Не было недостатка и въ книгахъ; такъ пресвит. Василій въ своемъ трудѣ, составленномъ въ Острогѣ, пользуется не только обширнымъ собраніемъ твореній отцовъ греческой церкви, но и множествомъ сочиненій западныхъ и польскихъ писателей. Свою плодотворную дѣятельность Острожская школа продолжала и въ XVII вѣкѣ.

Щедротамъ и ревности князя К. К. Острожскаго западно-русская церковь и народъ обязаны основаніемъ типографій въ Острогѣ и Дермани (при дерманскомъ монастырѣ). Въ послѣдней еще при жизни князя было издано нѣсколько книгъ, богослужебныхъ, полемическихъ и нравоучительныхъ; главнымъ дѣятелемъ при изданіяхъ былъ пресвитеръ Даміанъ. Что касается первой, то помимо значительнаго числа богослужебныхъ и полемическихъ книгъ, ею выпущенныхъ, величайшимъ ея дѣломъ было изданіе *Славянской Библии* (въ 1580—1581 гг.)...

До насъ дошло множество писемъ и воззваній князя Острожскаго по дѣлу брестской уніи, показывающихъ, какое горячее участіе принималъ онъ въ этомъ роковомъ вопросѣ. Когда стала вполнѣ ясною цѣль задуманной уніи, — она встрѣтила съ его стороны самый рѣшительный протестъ. Отличаясь всегда терпимостью въ дѣлахъ вѣры, окруженный постоянно выдающимися учеными разныхъ національностей и вѣроисповѣданій, сносясь и съ римскимъ папою и патриар-

хомъ константинопольскимъ, оказывая гостепріимство и іезуитамъ и суровымъ отшельникамъ Аеона, принимая съ радушіемъ представителей и протестанства и соцініанства и кальвинства, не говоря уже о духовенствѣ греческомъ,—перепи-сываясь и съ польскими магнатами и панами и русскими православными архіереями и братчиками и т. д. и т. д., болѣя душою о неурядкахъ въ русской церкви и разладѣ въ государствѣ, вслѣдствіе борьбы національностей и исповѣданій, хлопоча самъ не малое время о примиреніи церквей польско-католической и русско-православной, о соединеніи ихъ подъ одною іерархическою юрисдикціею,—князь Острожскій иногда не безъ основаній терпѣлъ уборы какъ бы въ индифферентизмѣ... Подъ конецъ своей жизни онъ впрочемъ сталъ дѣйствовать тверже и рѣшительнѣе,—ополчился всѣми силами своего ума и образованія, всѣмъ могуществомъ своего общественнаго положенія и вліянія на защиту родной церкви, обманомъ и насильствомъ приводимой въ подчиненіе римскому престолу... Извѣстно горячее и мужественное участіе кн. Острожскаго въ дѣлахъ брестскаго собора 1596 г., когда рѣшено было объявить церковную унію, столь искусно задуманную и проведенную іезуитами, поддержанную всѣми силами польскаго правительства и общества, принятую самими русскими епископами съ митрополитомъ во главѣ: ободренные присутствіемъ кн. Острожскаго, оставшіеся вѣрными православію представители духовенства, дворянства и братствъ, сгруппировавшись около него вмѣстѣ съ двумя, оставшимися вѣрными православію епископами—провозгласили низложеніе отступниковъ-владыкъ и полное отдѣленіе отъ союза съ Римомъ русской православной церкви... Если кому обязана была въ эту критическую минуту западно-русская православная церковь нравственной защитой и поддержкой,—прежде всего и болѣе всего авторитету князя К. К. Острожскаго...

К. К. Острожскій умеръ въ глубокой старости въ 1608 г., не переставая до конца жизни своей поддерживать

заведенныя имъ и другими школы, типографіи и братства, покровительствовать монастырямъ и церквамъ,—бороться за цѣлость вѣры и народности...

Передъ нами—пора особаго религіознаго возбужденія. Западно русская православная церковь находится въ исключительномъ положеніи, и лучшіе люди края не могутъ не видѣть этого... „Кто захочетъ съ какой-либо стороны коснуться XVI вѣка,—замѣчаетъ одинъ изслѣдователь,—долженъ имѣть въ виду религію; она была въ то время главнымъ вопросомъ, главнымъ интересомъ. Кто обойдетъ ее, тотъ по необходимости останется или одностороннимъ или непонятнымъ“... Возбужденіе особенно усиливается къ концу вѣка, къ моменту брестской уніи,—и вслѣдъ за нею. Какъ сильно было это возбужденіе, показываетъ длинный рядъ горячихъ *протестовъ*, со всѣхъ сторонъ раздавшихся въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, при первыхъ извѣстіяхъ о готовящейся совершиться уніи, а также въ самый моментъ Брестскаго собора и послѣ него. Протесы прежде всего заявлены были со стороны представителей православной литовско-русской аристократіи. 24 іюня вн. Острожскимъ обнаружено было горячее воззваніе ко всѣмъ православнымъ обитателямъ Литвы и Польши, духовнымъ и свѣтскимъ,—съ призывомъ всѣхъ къ защитѣ родной вѣры... Въ Вильнѣ, лишь только стало извѣстно, что митрополиты и епископы измѣнили своей вѣрѣ и составили актъ объ уніи (въ іюнѣ 1594 года),—тотчасъ-же заявлены были протесты со стороны виленскихъ православныхъ бурмистровъ, радцевъ и лавниковъ, со стороны виленскаго духовенства и троицаго братства. Вслѣдъ за тѣмъ начинаютъ обнаруживаться движенія въ Львовѣ, Вильнѣ, Новогродѣ...

Изъ Вильны, отъ православныхъ бурмистровъ, радцевъ и лавниковъ, 13 іюля отправлены были послы къ виленскому воеводѣ,—съ заявленіемъ, что „въ народѣ русскомъ, для котораго теперь настало несчастное и плачевное время, происходятъ тревога и волненіе отъ старшихъ его въ законѣ греческомъ, отъ владыкъ и самаго митрополита, и притомъ не въ одной только Вильнѣ, но и во всѣхъ панствахъ его королевской милости“... Въ то-же время священники виленскаго троицкаго братства и особенно дидаскаль братской школы Стефанъ Зизаній—разглашаютъ въ народѣ, что митрополитъ и владыки „продали“ свою вѣру... Протесты вызвали строгія грамоты измѣнника-митрополита лѣтомъ 1595 года, но грамоты эти мало дѣйствовали: не смотря на угрозы, духовенство обращается (въ ноябрѣ 1595 года) съ протестомъ къ новгородскому воеводѣ Скумину, который въ Новогородѣ самъ явился противникомъ уніи; оны просить кн. Острожскаго ходатайствовать передъ королемъ о назначеніи собора для разсмотрѣнія церковныхъ замѣшательствъ... Тогда-же, по распоряженію Острожскаго, рассылаются по всей Литвѣ *листы*, печатавшіеся съ его именемъ въ Острогѣ,—съ обличеніями митрополиту; послѣдній называется „отступникомъ“ „лудой-предателемъ“... Въ сентябрѣ заявляютъ самый рѣшительный протестъ противъ уніи братство львовское и члены братства брестскаго. Нѣсколько десятковъ протестовъ было прислано и на Брестскій соборъ 1596 года. О многочисленныхъ протестахъ православныхъ говорить и авторъ „Апокрисиса“, который нѣкоторые изъ нихъ приводитъ въ своей книгѣ... Прискорбныя послѣдствія уніи также уже очень скоро сдѣлались очевидными для современниковъ, и православныхъ и католиковъ. Въ 1622 году, не задолго до своей смерти, въ прощальномъ письмѣ къ королю, Сагайдачный между прочимъ писалъ: „Монаршіе вашего королевскаго величества нозѣ смиренно обяв-

ши, покорне и слезне прошу, дабы... уніа, за милостивымъ вашего найяснѣйшого королевского величества позволѣнемъ теперъ в Руси черезъ святѣйшого Феофана патріарху Іерусалимского знесенная,—абы впредъ въ той-же Руси никогда не обновлялася, и своихъ роговъ не возносила. Мають бо, вѣмъ, отцы іезуити и все духовенство костела римского (и безъ православныхъ), кого до унѣ своей наворочати и присвояти,—тыхъ народовъ, которые отнюдь не вѣдаютъ и не вѣрятъ Христа Господа, плотію въ міръ пришедшого. А мы, православныи, древнихъ статыхъ апостолскихъ и отеческихъ преданій и догматовъ, безъ жадной унѣ и схизмы придержащися, не отчаваемся нашего спасенія и блаженного живота вѣчного“... „Уніа проклятая, говоритъ другой современникъ, такъ потурбовала панство тое спокойное, же не тылко въ краинахъ, въ князствахъ, повѣтахъ, въ мѣстахъ, мѣстечкахъ и селахъ селянянъ зъ селянами, мѣщанъ зъ мѣщанами, жолнеровъ зъ жолнерами (бо и зъ козаками внутреная непотребная война о томъ была), пановъ зъ подданными, родичовъ зъ дѣтками, а и духовныхъ зъ духовными, на остатокъ монаховъ зъ монахами—до гнѣву непопомоганого (неукротимаго) приводила, приводитъ и нещасливе разжариваетъ“... Точно также отзывается о послѣдствіяхъ уніи литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга въ своемъ письмѣ къ Іосафату Кунцевичу...

Западно-русская литература конца XVI—перв. пол. XVII вв. была отчасти спутницей, отчасти являлась дальнѣйшимъ развитіемъ и результатомъ того широкаго умственно-религіознаго движенія, которое, въ виду приблизившагося могущественнаго и грознаго врага, католичества, охватываетъ собою всю юго-западную Русь къ концу XVI—началу XVII вв.,—того горячаго одушевленія и любви къ своей вѣрѣ и народности, которыми полна была просвѣтительная дѣятельность и цѣлыхъ братствъ и частныхъ отдѣльныхъ лицъ...

По самому характеру движенія, въ связи съ которымъ она развивалась,—возникшая литература была почти исключительно духовная. Наибольше обширный отдѣлъ ея составляли книги богослужебныя, какъ самыя необходимыя для церковной практики, къ тому же нерѣдко употреблявшіяся и для домашняго чтенія: 1) евангелія, образцами для изданія которыхъ едва ли не служили первопечатныя московскія изданія пол. XVI в.; 2) апостолы, т. е. Дѣянія и Посланія свв. Апостоловъ, изданія которыхъ были перепечаткой первопечатнаго московскаго изданія *Апостола* 1564 г.; 3) псалтыри, простыя [учебныя и для домашняго употребленія], и „съ возслѣдованіемъ“ [„слѣдованныя“, приспособленныя къ церковнымъ службамъ]; 4) разнаго рода „молитвы повседневныя“, молитвенники, приспособленные отчасти къ церковнымъ службамъ, отчасти для домашняго употребленія; 5) служебныя минеи и тріоди, „общія“, „мѣсячныя“ и „праздничныя“, „цвѣтныя“ и „постныя“, различные „анеологіоны“, „трефологіоны“ и т. п.; 6) часословы или часовники, отчасти входившіе въ изданія „Слѣдов. Псалтырей“, отчасти составляющіе самостоятельную церковно-богослужебную книгу, съ обычнымъ присоединеніемъ „мѣсяцеслова“, „пасхалии“ и „лунника“, а иногда и др. статей,—не рѣдко также служившіе какъ въ московской, такъ и въ юго-западной Руси, и книгой учебной; 7) служебники и требники, иначе „литургіаріоны“ [въ греческой церкви обѣ эти книги нерѣдко составляли одну книгу—евхологіонъ, молитвеникъ, молитвословъ; когда же Служебникъ отдѣлялся отъ Требника, онъ содержалъ въ себѣ, по греческимъ изданіямъ, только одиѣ литургіи, и назывался Литургіаріонъ]; 8) октоихи [осмогласники] и ихъ сокращеніе, таѣ. наз. шестодневны или шестодневцы, канонники, акафистники, и т. д. и т. д. Изданія такихъ книгъ были наиболѣе частыми. Нужно замѣтить, православныя богослужебныя книги къ пол. и къ концу XVI в.,

какъ въ сѣверо-восточной, такъ и въ юго-западной Руси, находились въ положеніи крайне печальномъ, — и тамъ и здѣсь въ нихъ свободно „опись прибавлялась къ описи и недописи“... Очень немногіе списки были болѣе или менѣе исправны; большая же часть была—„разстлѣнна отъ преписующихъ ненаученныхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ, овоже и неисправленіемъ пишущихъ“... Въ юго-западной Руси порча богослужебныхъ книгъ, помимо тѣхъ же причинъ, зависѣла еще отъ другихъ, мѣстныхъ. Непосредственная близость западно-русской церкви къ латинству не могла не оставлять значительныхъ слѣдовъ на ея богослужебной практикѣ, — тѣмъ болѣе, что уже очень рано стали появляться переводы католическихъ богослужебныхъ книгъ на славянскій нарѣчій, для славянъ Далмаціи, Иллиріи, Босніи, Валахіи, во множествѣ распространеншіеся уже въ рукописяхъ, и еще болѣе, съ возникновеніемъ книгопечатанія, въ печатныхъ изданіяхъ. Лучшихъ представителей времени поракала въ западно-русскихъ богослужебныхъ книгахъ [равно какъ и въ книгахъ Московской Руси]—общая ихъ неупорядоченность, слѣды разногласій и несходства между собою, и прямыя ошибки текста,—множество описокъ и опечатокъ чисто грамматическихъ, логическихъ искаженій, отсутствіе съ одной стороны, очень многихъ необходимыхъ молитвъ и чиновъ, съ другой, помѣщеніе молитвословій, совершенно излишнихъ, характера апокрифическаго, даже мѣстическаго и т. п... Порча богослужебнаго текста производила порчу церковныхъ обрядовъ,—на которую такъ нападаютъ въ кон. XVI—нач. XVII в. враги православныхъ, и присутствіе которой не отрицали и сами православные; а порча обрядности, въ свою очередь, не могла не вліять на дальнѣйшія искаженія текста, —особенно въ виду полной свободы и безконтрольности печатанія... Важнѣйшія попытки къ исправленію западно-русскихъ богослужебныхъ книгъ принадлежали львовск. еп. Ге-

деону Балабану [† 1607] и въ особенности кievскому митр. Петру Могилаѣ [† 1649].

Отмѣчаемъ въ порядкѣ хронологическомъ важнѣйшія западно-русскія изданія въ отдѣлѣ книгъ богослужебныхъ,—уже на этомъ отдѣлѣ мы видимъ быстрое развитіе въ край типографской и книжной дѣятельности:

1. *Апостолъ* [нап. въ Львовѣ, въ 1573—74 гг., Иваномъ Федоровымъ]. Къ книгѣ приложена „Повѣсть, откуда начаса и како совершился друкарня сія (львовская)“,—гдѣ Федоровъ рассказываетъ о печальныхъ обстоятельствахъ своей жизни и о возникновеніи львовской типографіи... Сначала онъ былъ печатникомъ въ Москвѣ; „но презѣднаго ради озлобленія, часто случающагося намъ, не отъ самого того государя, но отъ многихъ начальникъ и священно-начальникъ и учитель, которые на насъ зависти ради многія ереси умышляли, хотячи благое въ зло превратити и божіе дѣло въ конецъ погубити, якоже обычай есть злонравныхъ и ненаученныхъ и неискусныхъ въ разумѣ человекъ, ниже грамотическихкія хитрости навывше, ниже духовнаго разума исполнени бывше, но туне и всуе слово зло пронесоша. Такова бо есть зависть и ненависть, сама себѣ навѣтующи, не разумѣеть, како ходитъ и о чемъ утврждается. Сія убо насъ отъ земля и отечества и отъ рода нашего изгна, и въ нынѣ страны незнаемы пресели“... Въ Литвѣ Федоровъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ и по зачатіямъ и по судьбѣ, Петромъ Мстиславцевымъ—нашли самый радушный пріемъ у гетмана Ходкевича: „Прія насъ любезно, рассказываетъ Федоровъ,—и упоковаше насъ не мало время и всякими потребами тѣлесными удовляше насъ; еще же и сіе не довольно ему бѣ, еже тако устроить насъ, но и весь (деревню) немалу дарова ми на упокованіе мое,—намъ же работающимъ по воли Господа нашего Иисуса Христа, и слово Его по вселеннѣй рассѣвающе“, прибавляетъ онъ, давая такимъ образомъ знать о своихъ трудахъ по печатанію

книгъ въ имѣніи Хожевича. Вскорѣ однако болѣзни и старость принудили гетмана прекратить изданіе книгъ, и онъ предложилъ печатникамъ поселиться навсегда въ деревнѣ и отдаться сельскимъ трудамъ; но „неудобно ми бѣ, продолжаетъ Федоровъ, раломъ ниже сѣмень сѣяніемъ время живота своего съкращати,—имамъ убо вмѣсто рала художество наручныхъ дѣлъ съсуды, вмѣсто же житныхъ сѣмень духовная сѣмена по вселеннѣй разсѣвати“... Для разсѣянія этихъ „сѣмень“, онъ отправился въ Львовъ, чтобы здѣсь продолжать свои труды по печатанію книгъ; но тутъ ему пришлось испытать большія неудачи: „Обтицахъ многаши богатыхъ и благородныхъ въ мірѣ, помощи прося отъ нихъ, и метаніе сътворяя колѣномъ касаяся и припадая на лица земномъ, сердечно каплющими слезами моими ноги ихъ омывахъ, и сіе не единою, ни дващи, но и многаши сътворяхъ. И въ церкви священнику всѣмъ въслухъ повѣдати повелѣхъ. Не испросихъ умиленными глаголы, не умолихъ многослезнымъ рыданіемъ, не исходатайствовахъ никоея же милости іерейскими чинми,—и плакахся прегоревыми слезами, еже не обрѣтохъ милующаго, ниже помагающаго; не точию же въ русскомъ народѣ, но ниже въ грехахъ милости обрѣтохъ“... Лишь съ помощью нѣкоторыхъ бѣдныхъ приходскихъ священниковъ („малы нѣщцы въ іерейскомъ чину, иніи же неславніи въ мірѣ обрѣтошася, помощь подающе“...)—онъ приступилъ въ печатанію *Апостола* и окончилъ его въ 1574 г. Вскорѣ послѣ того типографія, принесенная Федоровымъ въ Львовъ, перешла въ вѣдѣніе мѣстнаго братства, самъ же Федоровъ удалился въ Острогъ, и сталъ работать въ типографіи кн. К. К. Острожскаго...

2. *Четвероевангеліе* [напеч. въ Вильнѣ въ 1574—1575 гг., бѣжавшимъ изъ Москвы Петромъ Мстиславцевымъ]. Въ послѣсловіи издатель указываетъ на „нынѣшнее время лукавое, посредѣ рода строптива и развращенна“... Книга издана

на средства Мамоницей,—въ дому которыхъ нашель приютъ для себя и самъ издатель: „въ дому ихъ сіе дѣло строихъ, и во всемъ насъ упокоеваху“, замѣчаетъ Мстиславцевъ въ послѣсловіи...

3. *Осмогласникъ* [нап. въ Вильнѣ, 1582 г., „великопесточиннымъ раб. бож.“ В. М. Гарабурдою]. Извиняясь передъ читателемъ въ могущихъ быть погрѣшностяхъ, издатель замѣчаетъ: „Аще будетъ въ нѣкоемъ погрѣшено, моего ради небреженія или малоумѣтельства ума моего, милостиви и незаворьливи ми бывайте, чтите, а не вляните; понеже не писа Духъ Св., а ни ангелъ, но рука грѣшна и брэнна... Медь убо, аще и въ несребряныхъ или въ златыхъ сосудѣхъ, но и на корѣ не премѣняетъ своего естества сладости: сице и бож. писанія не прелагаются инаво, грубости ради и нелѣпнаго художества“...

4. *Службеникъ, или Божественныя литургіи Василія Великаго, Григорія Двоеслова и Іоанна Златоустаго* [нап. въ Вильнѣ, въ 1583 г. на средства Мамоницей]. Переводъ съ греческаго. Книга издавалась „во очищенію и исправленію не наученныхъ и неискусныхъ въ разумѣ книгописецъ,—дабы во церквахъ божіихъ служащіи іереи по искусныхъ и исправленныхъ книгахъ служили и отправовали службы“... Изданіе это, какъ первое напечатанное въ Россіи, служило образцомъ для нѣкоторыхъ другихъ, послѣдующихъ.

5. *Правило истиннаго живота христіанскаго* [нап. въ Острогѣ, въ 1598 г.]—Псалтырь Слѣдованная. Изданіе довольно своеобразное. За „предисловіемъ“ между прочимъ слѣдуетъ обширная статья „о премѣненіи каледара“,—гдѣ вмѣстѣ съ полемикой противъ „богопротивнаго новоустроеннаго каледара“, рядомъ съ подробными астрономическими вычислениями, сообщаются и общія свѣдѣнія: „Вѣдати и се необходимо есть, яко лѣто, сирѣчь годъ единъ, четырема вре-

жены вѣнчаемо, или окружаемо состоится, то есть весна; лѣто, осень, зима; се единъ годъ именуется, онъ же съдержитъ... въ собѣ мѣсяцей 12, водлугъ солнечнаго теченія; мѣсяць же иматъ седмиць 4 и дней 2 и часовъ 10 и полъ-часа; седмица же иматъ дней 7, день же иматъ часовъ 24, тѣмъ же въ всемъ лѣтѣ въ 12 мѣсяцахъ солнечному обыходу есть седмиць ревше недѣль 52 и часовъ 30. Се же все розложивши на дни, обрѣтается въ единомъ году днй 365 и четверть дня, сирѣчь часовъ 6,—за толико бо время округъ солнечный обращается отъ черты, сирѣчь отъ кресу извѣстнаго, еже есть отъ равноденства весеннаго теченіе, свое зачинаа, паки до того жъ кресу достизаетъ. Сего ради оны шесть часовъ, яже въ всемъ лѣтѣ надъ дни избывають, наполняютъ въ четырехъ лѣтѣхъ часовъ 24, отъ нихъ же день составляется четвертаго лѣта, его же високосъ наречено“... И т. п. Авторъ довазываетъ, что солнечное и лунное теченіе съ пасхалиєю, предано есть христіаномъ не на волхвованіе и недовѣдомыхъ небесныхъ вещей шепераніе, а ревше гмыряніе,—еже чюже есть истинномъ христіаномъ, но точию да быхмо сими истинный день спасительныя Пасхи обрѣтали“... Далѣе слѣдуетъ краткое наставленіе о „пѣннѣ“ Псалтыри [„поющею подобаетъ и разумъ глаголемыхъ въ пѣннѣ имѣти,—поющихъ бо не тако, но токмо шумъ совершающихъ, отмѣтаетъ Богъ“...],—„предисловіе въ Псалтырь“ и самый текстъ псалмовъ. Псалтырь раздѣлена на каонизмы... За Псалтырью идетъ Часословъ, далѣе Мѣсяцесловъ,—гдѣ между прочимъ названія мѣсяцевъ приводятся и по славянски: „Мѣсяць мартъ рекомый по римски, мы же отъ ващи въ время то сущія нарицаемъ его березозоль, иматъ днй 31...; мѣсяць априль рекомый по римски, мы же въ вѣтень нарицаемъ его, зане въ томъ цвѣты явяти начинаются; иматъ днй 30...; мѣсяць май рекомый по римски; мы же травень именуемъ сего, иматъ днй 31... Далѣе:

„Отъ завѣщаній божественныхъ апостолъ и отъ жителства святыхъ отецъ преданіе, како подобаетъ инокомъ и христіаномъ жити“, — наконецъ различныя молитвы, каноны, и т. п. При изданіи книги трудился „многогрѣшный и хуждшій въ христіанѣхъ убогій Василій“.... Довольно своеобразными изданіями Псалтыри были изданія, выходившія изъ типографіи Кутейнскаго монастыря; первое вышло, предполагають, ок. 1630 г. подъ заглавіемъ: *Брашно Духовное*. Были изданія и болѣе позднія. Въ 1658 г. изданіе кутейнскихъ Псалтырей было запрещено патріаршей грамотой, потому что— „тѣ псалтыри не исправны“ [Акт. Ист., IV, № 126].

6. *Часословъ* [нап. въ Острогѣ, въ 1602 г.]. Изданъ— „ученія ради отрочать, повелѣніемъ.. кн. Константина... Острозскаго“... Одно изъ изданій „учебнаго Часослова“.

7. *Божественная литургія... Иоанна Златоустаго, Василія В. и преждеосвященная*, [нап. въ Стратинѣ, мѣстечко Березанскаго округа, принадлежавшее фамиліи Балабановъ, „въ новосъоруженой типографіи“, въ 1604 г.]. Въ предисловіи, написанномъ отъ лица львовскаго еп. Гедсона Балабана, говорится между прочимъ о необходимости, видя „паденіе наше“, заведенія въ странѣ „гимнасіи и типографіи,—умноженія ради книгъ въ преподаніе разума“... Издана книга— „отъ древнихъ опасно имѣющихся зводъ стяжавши, прилежно изслѣдивше и исправивше“... Издатели обѣщаются издать въ своромъ времени, „не косня“, „едина по друзій“—и другія книги „съгласне съ греческими вѣслѣдованми имѣющихся“, и не только для простыхъ людей, но и „учителей церковныхъ наученія ради“, „инѣми языки и писанми“... „Исправителемъ“ книги былъ Гедсонъ Балабанъ, вмѣстѣ „съ изряднымъ рачителемъ благороднѣйшимъ господиномъ Ѳедоромъ Балабаномъ“,—последнему принадлежала и самая мысль о ея исправленномъ изданіи... Типографія и училище открыты были Балабаномъ въ Стратинѣ въ 1597—

1604 г., подъ вліаніемъ посланія патр. Мелетія, убѣждавшаго западно-русовъ основывать у себя „гимнасіи и типографіи“...

8. *Остаиъ* [нап. священ. Даміаномъ, въ 1604 г., въ Дерманскомъ монастырѣ; Дермань—мѣстечко въ Дубенскомъ уѣздѣ Волынской губ.]. Въ предисловіи упоминается о смерти кн. Александра, сына кн. К. К. Острожскаго: „Велій плачь и жалость отцу же и чадомъ остави, наипаче же христіаномъ, вси бо бяху чающе помощь тѣмъ уллучити въ бѣдахъ и гоненіихъ одержавшихъ Христову церковь“... Въ концѣ просится о снисхожденіи, если въ книгѣ найдется что неправильно: „Не бо отъ дерзновенія или небреженія, аще что гдѣ случися,—но отъ невѣжества и простоты наша“...

9. *Молитвенникъ или Требникъ, изъ греческаго языка на словенскій преведенный и измѣдованный* [нап. въ Стратинѣ, въ 1606 г., льв. еп. Гедеономъ Балабаномъ]. Характеръ своего труда издатель самъ указываетъ въ слѣдующихъ словахъ предисловія: „...Собрахъ многія Требники елика и отъ здѣшнихъ предѣлъ, елика же отъ земля волоское, мултанское (молдавской) и сербское,—въ нихъ же егда великое разногласіе видѣхъ, о семъ зѣло скорбахъ: печали же лѣчбу обрѣтохъ посланія ради къ блаженѣйшому Мелетію папѣ александрійскому, на край виѣшняя премудрости, и нашего благороднаго наказанія достигшому.., содержащу ему тогда намѣстіе престола константиноп., възвѣщая ему о несъгласіи и неисправленіи книгъ нашихъ словенскихъ: аще неискусныхъ ради писецъ, или инѣхъ ради коихъ винъ, въкупѣ же моли и да твердаго ради и съгласнаго извѣстія церковныхъ въслѣдованій—послетъ намъ греческій Евхологіонъ. И не презрѣвъ моленія моего, но посла ми Служебникъ и сію книгу Требникъ, добръ исправленный по древнихъ Св.

Горы Требниковъ, его же и рукою подписавъ, повелѣвая въ общую ползу великоименному росскому роду изобразити... Видѣхъ же потребно быти еже и въ нашихъ старыхъ словенскихъ (Службникахъ) обрѣтается, сирѣчь, какъ примати отъ различныхъ ересей приходящихъ къ св. котолч. и апост. церкви, освященіе великаго мѣра и проч., да же не недостаточна и въ семь книга будетъ,—повелѣхомъ и сіе (сіи возслѣдованія) приложити (внести въ Требникъ)“. Въ основу изданія Гедеонъ Балабанъ положилъ такимъ образомъ греческій Требникъ (Евхологіонъ), присланный ему алекс. патр. Мелетіемъ,—но при этомъ счелъ нужнымъ пополнить его тѣми чинопослѣдованіями, которыхъ не было въ присланномъ Требникѣ, которыя находились только въ мѣстныхъ западно-русскихъ требникахъ и которыя были уже на столько распространены и обычны въ юго-западной Руси этого времени, что ихъ уничтоженіе легко могло бы вызвать въ массѣ броженіе... При изложеніи обрядовъ, издатель также иногда слѣдуетъ указаніямъ присланнаго Требника, иногда—живымъ обрядамъ мѣстной церкви. Вообще изданный Балабаномъ Требникъ далеко не былъ „переводомъ“ греческаго, какъ сказано въ заглавіи, но самостоятельнымъ трудомъ издателя, который, руководствуясь греческимъ оригиналомъ, но не слѣдуя ему исключительно, имѣя въ виду также и списки славянскіе той же книги, русскіе, сербскіе, молдавскіе и валахскіе,—смотрѣлъ на всѣ собранные имъ списки, какъ на матеріаль, и пользовался каждымъ изъ нихъ, слѣдуя собственной критической мѣркѣ, стараясь такъ или иначе достигнуть примиренія „великаго разногласія церковныхъ дѣйствій“... Труды Гедеона Балабана, можетъ быть, вслѣдствіе скорой смерти издателя († 1607), не достигли однако вполне цѣли, и послѣдующія изданія Службниковъ и Требниковъ, выходявшихъ въ Вильнѣ, Острогѣ и др. мѣстахъ—по прежнему не представляли един-

ства текста, различаясь весьма значительно и съ изданиями Балабана и между собой. Большинство издателей вообще не преслѣдовало никакого общаго плана, и въ исправленіяхъ чаще всего ограничивалось лишь однимъ внѣшнимъ соглашеніемъ различныхъ списковъ. Въ предисловіи къ своему Требнику Геденъ Балабанъ указываетъ между прочимъ новый мотивъ къ основацію въ странѣ училищъ—вредное вліаніе заграничнаго образованія: „Мнози отъ многихъ, замѣчаютъ онъ,—бывающе въ Италиі, суемудріемъ внѣшнихъ ученій прельщающесея, въ различныя ереси впадаютъ“...

10. *Часословъ*, нап. въ Львовѣ, въ 1609 г.,—„тщаніемъ и всѣмъ накладомъ православныхъ... пановъ братства успенія пр. Богородицы, мѣщанъ львовскихъ“...

11. *Трїодъ Цвѣтная Іоанна Дамаскина, Козмы Маумского, Феофана Никейскаго, Іосифа Солунскаго епископовъ и иныхъ святыхъ избрана* [нап. въ Вильнѣ, въ 1609 г.]. Изданіе посвящено Львѣ Сапѣгѣ, при чемъ въ посвященіи издатель Леонъ Мамоничъ, говоритъ, что Сапѣга „есть упренымъ милостникомъ церкви нашею и народу руского, што... многими знаками досытъ яснѣ указалъ,—отъ початку бо вѣмъ соединенья церкви нашею зъ римскою завше ся старалъ о помноженъе и о красу ея“...

12. *Часословъ* [нап. въ Острогѣ, 1612 г.]. О приемахъ исправленія книги издатели замѣчаютъ, обращаясь къ читателю: „И то тежъ вѣдати маешъ, иже въ томъ выданью зводу грецкогю наиболее наслѣдовано, котрый згожається съ правдивыми зводы словенскимъ; а если гдѣ найдешъ произволниѣ написано, о томъ вѣдай, иже на томъ мѣсци въ реченіи несогласіе естъ грецкому словенскимъ, що еднакъ отъ речи нерознитъ; а гдѣ тылко значки понисаны надъ реченіемъ въ строцѣ, тое ся въ грецкомъ не пайдуетъ, чога ся еднакъ неважно вывидати, заховуючи словенскій зводъ вцалѣ и абы ся розность не множила“...

13 *Анолоіонъ, або Цѣты молитвъ избранныхъ отъ многихъ св. оо. собранны працею и старанемъ иноковъ общаго житія б-ва цер. вил. прав.-греч.*, [нап. въ Евю, въ 1613 г.]—молитвословъ. Здѣсь между проч. помѣщены „Молитвы на всю седмицу св. о. н. Кирила инока“—Кирилла Туровскаго, извѣстнаго писателя XII в.

14. *Часословъ* [нап. въ Кіевѣ въ 1617 г.], первенецъ кіево-печерской типографіи. Въ предисловіи Елисей Плетенецкій указываетъ на свою обязанность, какъ архимандрита, заботиться о распространеніи благочестія „церкви восточныя“,—„сиче и душеполезными правовѣрныхъ сыновъ тоя (церкви) сердца веселити и въ правовѣрїи утверждати и удобряти изволихъ церковными книгами; въ началѣ же непцевахъ предпослати книгу малу, аки предитечу, да управить путь болшимъ“... Говоря о необходимости для всѣхъ православныхъ такой важной книги, издатель въ числѣ побужденій къ изданію указываетъ и на слѣдующее: „Къ симъ же и умоленъ бывъ правовѣрными, яко да исплнится требованіе,—еже въ училищѣхъ, въ православномъ градѣ Кіевѣ и въ прочіихъ“.. Далѣе слѣдуетъ еще другое предисловіе, отъ архид. Захарія Копыстенскаго—о необходимости для православныхъ постоянно пользоваться издаваемой книгой.

15. *Анолоіонъ, съ Богомъ съдержай церковную службу избранныхъ святыхъ на весь годъ* [нап. въ Кіевѣ, въ 1619 г.] *Миней Праздничная*. Книга „по чину восточнаго благочестія исправлена и по всему истиннѣ отъ греческаго преведена“; переводчиками съ греческаго были Іовъ Борецкій, въ то время игуменъ кіевск. мих.-златоверх. м-ря, и архид. Зах. Копыстенскій. Печатана подъ наблюденіемъ Памвы Беринды. Въ началѣ книги—краткое предисловіе Елисея Плетенецкаго, гдѣ послѣдній обращается въ православнымъ: „Мо-

лимъ всякого въ православіи суца, да на немъ же наздани есте зданіи, я якоже пріаєте или писаніемъ или преданіемъ единою въ настоящей истинѣ, да стоите утврѣждени въ вѣ-ви“... Далѣ въ читателямъ обращаются „худѣйшіи въ ино-цѣхъ клирици св. Лавры Печерскія“—съ другимъ обшир-нымъ предисловіемъ, въ которомъ подробно разсказывается исторія возникновенія „печатарскаго дѣла“ въ кіево-печер-скомъ м-рѣ.

16. *Служебникъ* [нап. въ Кіевѣ въ 1620 г.]. Ориги-наломъ при изданіи принятъ былъ Служебникъ Стратин-скій (1664 г.), но послѣдній тщательно былъ провѣренъ кіев-скими учеными, которые при печатаніи сдѣлали и нѣко-торыя измѣненія... Въ предисловіи, написанномъ Елисеємъ Плетенецкимъ, упоминается о „душеспасительной нуждѣ, еже книги въ созиданіе правовѣрныхъ писати и художествомъ типографіи издаати...—ззорно бо есть и не благочестиво отъ чуждыхъ черпати воду ученій“..; дѣлается предостереже-ніе противъ „творящихъ распрія и раздоры чрезъ ученія“... Любопытно также изданіе *Служебника*, вышедшее въ слѣ-дующемъ году въ Вильнѣ (1621): въ концѣ находится рядъ „казаній“, проповѣдей,—въ древне-греческомъ характерѣ, весь-ма отличномъ отъ обычнаго стиля латино-польскихъ и западно-русскихъ проповѣдей.

17. *Триодіонъ, си есть Трипльснецъ св. вел. четыредесят-ницы* [нап. въ Кіевѣ въ 1627 г.]—Триодъ Постная. Изданіе весьма любопытное. Въ началѣ—„предмова“ Зах. Копыстен-скаго; въ „послѣсловіи“ „мній во іеромонасѣхъ Памво Бе-рында, протосиггелъ и типографъ“, говоритъ, что книга „съ греческимъ типографнымъ зводомъ слѣдована есть благо-словеніемъ и всѣмъ тцаніемъ и иждивеніемъ“ кіево-печ. архим. Зах. Копыстенскаго,—„и искусаѣ украшена зограф-скими начрѣтанми, отъ нихъ же множайшая древнихъ отече-скихъ еще зводъ имуть свѣдѣтельства“... Далѣ указывается

любопытная черта изданія: „А еже о синаксарѣхъ (иже сказуются събранная ученія) на російскую бесѣду общую честнымъ іеромонахъ Тарасіемъ Левоничемъ Земкою, проповѣдникомъ слова божего, отъ греческаго предложенныхъ,—противо сему да не прерѣкуете, великоросси, болгары и сръбы и прочіи подобніи намъ въ православіи: сътвори ся се ревностью и желѣніемъ рода нашего, Малой Россіи, благородныхъ гражданскихъ и прочіихъ различнаго причта людей, неучившихся словенскаго языка глубоко-разумнаго, имѣющаго разумъ и мудрость, якоже греческая и прочая грамматичная писанія... Не погрѣшиша—прибавляетъ издатель—древніи отци святіи любомудры: св. Матвеевъ евангеліе отъ еврейскаго языка на еллинскій преведши, Марка же, Луку и Іоанна отъ еллинскаго принесши, такожде и богословскіи греческіи книги истолковавши на словенскій языкъ; тѣмъ же и мы смотрѣніемъ се створше, ради пользы и пріобрѣтенія братіи своей, уповаемо о Господѣ, яко не погрѣшихомъ“... Кромѣ того, на каждую церковную недѣлю въ книгѣ приложены стихи,—первыя опыты силлабической поэзіи... Приводимъ нѣсколько образчиковъ этой поэзіи:

Не вспомни умерлыхъ грѣховъ, Слово,

Добрыхъ твоихъ подробностей мертвыми не показуючи.

[На нед. мясопустную: л. 36].

Гды судячи землю, Судіе, всѣхъ усядешъ,

Оного, пріидѣти, голосу, годнымъ и мене отсуди.

[На ту же недѣлю: л. 57].

Душамъ справедливыхъ, которыхъ завше память пребываетъ,

Оферы покаанныи, приношу слова.

[На недѣлю сырную: л. 131].

Свѣтъ з начальниками рожаютъ посполу горю нехди ля-
ментуеть,
Который теж з ними посполу упаль, гды они през по-
кормъ солоднѣй упали.

[На ту же недѣлю: л. 146].

По кормомъ коливъ накормлюеть туронъ мѣсто:
Покормъ непотребнымъ учинивши поскверненыи.

[На субботу первой недѣли вел. поста: л. 271].

Непристойне выметаны иконы:

Радуюся, пристойне поклоняемыи видячи.

[На нед. православія: л. 280]. И т. п.

18. *Служебникъ Петра Могилы*. Въ 1629 г. изданіе это было представлено Петромъ Могилою на кievскій соборъ для разсмотрѣнія и утвержденія, и было единогласно одобрено соборомъ. „Служебникъ сей, говорилось въ соборномъ актѣ—мы всѣ соеписоцы и весь съборъ духовный прежде прочтохомъ, и отъ всѣхъ пороковъ чистъ и свободъ, паче же исправленъ и съчиненъ обрѣтше, въ типографію монастыра печерскаго благословихомъ,—нынѣ, уже изображенный (изданный, напечатанный) такожде съборне приѣмлетъ, лобызаемъ и *ἱεραρχικῆ ἡμῶν ἀθθεντεία* похваляемъ и утврждаемъ, свѣдѣтельство сіе рукама нашими подписавше,—да кождо же священникъ православный себѣ его стяжаваетъ, завѣщаваемъ“... Къ Служебнику Петра Могилы приложенъ обширный трактатъ о литургіи (*О таинъ тѣла и крове Христовы*) Тарасія Земки, церковно-историческаго характера. Авторъ излагаетъ общія свѣдѣнія о литургіи, ея названіяхъ, составныхъ частяхъ, исторіи ея составленія и т. п.,—цитируя при этомъ Іоанна Златоустаго, Прокла Констан., блаж. Августина, Іустина Философа, Іоанна Дамаскина, „божественнаго Игнатія, епископа и мученика, ученика св. Іоанна“, „отъ него же множайшая о семь здѣ привнесохъ“, Гавріила Философа—о тайнѣ евхаристіи, Иринея, Амвросія Медиоланскаго, Ефрема

Сирина, Епифанія Кипрскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Теофилакта и мн. др. Трактатъ вообще свидѣтельствуесть о весьма обширной начитанности автора. Въ „предисловіи“ между прочимъ говорится: „Вѣдѣте сіе, яко книга сія Служебникъ отъ еллинскаго зводу истиннаго, егоже Вѣсточная наша Церковь госпожа и учителница первѣйшаа употребляетъ, исправленъ есть,—не якоже нѣціи безумно глаголють, ихъ же комуждо азъ въ время свое отвѣщаю, Богъ же судити будетъ яко не благодарныхъ сыновъ и матереругателей. Аще бо не отъ того діалекту, имже отъ святыхъ отецъ святая литургіа написася и предадеса, исправляти будемъ,—то не вѣмъ откуда. Понеже вся книги славенскія отъ колико сотъ лѣтъ преписуются невѣжами, товмо черниломъ мажущими, ума же не имущими, языка не умѣющими и силы словесъ не вѣдущими. Словяномъ же нитовже намъ прискренимъ языкомъ литургіи не написа и не предаде. Но аще, яко же глаголють, еллинскія книги изряднѣе же церковніи и въ Венетіи изобразуются,—ничто-же се по нихъ есть: коеждо бо книги готовыя и исправленныя отъ патриархъ святѣйшихъ зводы тамо даются, и паки приѣмлются; а еже верхъ, митрополитъ тамо православный жителствуесть, нареченный Филаделфійскій, иже типографію тую въ одержаніи имат. Къ сему, что бы имѣлъ прилагати кто противное церькви, идеже не о догматѣхъ вѣры, но о самомъ церковномъ послѣдованіи слово есть? И что реку; многаа азъ еллинская церковныя книги, тамо типомъ издавнаа, прочеть,—не видѣхъ ни гдѣ же ни же малаго противоразуму, развѣ типографскаго: въ славенскія же, мало хотя исправити вѣникъ, множества и бесчисленная погрѣшенія, обрѣтохъ“... Впрочемъ, въ Служебникѣ П. Могилы иногда принимались во вниманіе и славянскіе тексты; въ Служебникѣ нерѣдко встрѣчаются такіа замѣчанія: „Сія же молитва въ греческомъ положена есть, и въ москов-

сѣихъ зводѣхъ обрѣтается“...; или: „Послѣдующая ектенія въ грецкомъ токмо обрѣтается“...; или: „Въ еллинскомъ зводѣ токмо положенаа,—въ славевскихъ же на божественнѣй литургіи предъ евангеліемъ сущаа. Ты же чти, аще хощеши“...; или: „Сіе отъ старыхъ россійскихъ зводовъ“... Изданный Могилой Служебникъ получилъ широкое распространеніе не только въ юго-западной Россіи, но и сѣверо-восточной, и въ настоящее время употребляемые въ церквахъ Служебники—„почти дословно съ нимъ сходны“... Въ 1639 году П. Могила сдѣлалъ новое изданіе Служебника, вновь пересмотрѣвши эту книгу и вновь сличивши ее „съ текстомъ правдивого и грецкого и старожитныхъ русскихъ (западно-русскихъ) и московскихъ служебниковъ“. Новое изданіе очень многимъ отличалось отъ прежняго и вышло значительно дополненнымъ: Петръ Могила помѣстилъ въ концѣ вновь составленныя эктеніи и молитвы на 27 различныхъ случаевъ, примѣнительно къ обстоятельствамъ западно-русской церкви,—объ обращеніи заблудшихъ отъ истины, объ искореніи ересей и схизмъ, о разграбляющихъ церковныя имѣнія и озлобляющихъ служителей церковныхъ и т. под., съ тѣмъ, чтобы, когда понадобится, эти эктеніи и молитвы присовокуплялись къ эктеніямъ и молитвамъ во время совершенія литургіи.

19. *Октоихъ* [нап. въ Львовѣ, въ 1630 г., „тщаніемъ и изживеніемъ братства церковнаго“]. Въ предисловіи сообщаются историческія данныя объ основаніи львовскаго братства, о возобновленіи сгорѣвшей передъ этимъ братской типографіи и о трудахъ по исправленію издаваемой книги,—списки которой найдены были „въ разнствіи велицѣмъ..., нерадѣніемъ, паче же неискусствомъ многимъ въ насъ писцовъ, отъ антиграфовъ греческихъ и самаго разума далече отстоящу“... Исправители указываютъ греческія, московскія, мѣстныя (западно-русскія) и южно-славянскія из-

данія Октоиха, которыми они пользовались при исправленіяхъ. Къ изданію приложено *Житіе вкратцѣ Іоанна Дамаскина...*

20 *Триодіонъ* [нап. во Львовѣ, въ тип. Мих. Слезки, въ 1642 г.,—„отъ еллинскаго изслѣдованъ“]—Тр. Цвѣтная. Въ предисловіи, обращенномъ къ Петру Могилѣ, издатель М. Слезко говоря объ участіи, которое принималъ Петръ Могила въ исправленіи издаваемой книги, пишетъ: „Не тылко тая есть самая книга, около которой такъ много працовати преосвященство ваше и подвизатися зезволилесь и овшемъ весь на томъ естесь, абы жадной книги, з гречкого языка на нашъ славенскій переведеной, з друку не выходило, которой бы преосвященство ваше... не мѣлъ до исправленія стараня приложити: наприкладъ есть и самая Библия писма святого, около которой исправленія южто отъ немалого часу подвизатися зезволяешъ, а до того и о особливомъ коштѣ и накладѣ, абы яко найрыхлѣй з друку была выдана, промыслу чинити незаниховаешъ... Тое все дѣешъ не з приватного якового предсявзятъя (стрежъ, Боже) отъ преосв. вашего, ено абы всѣ въ потомные часы вѣдали, якъ чулого, дбалого, печаловитого, упреймого, любовного, учителного. дѣломъ и словомъ прикладного пастыра и предводителя церковь російская православная мѣла, и который, для помноженя хвалы божей, не тылко маетностей своихъ, але и скарбовъ досытъ достатнихъ расточити не жаловалъ“... Говоря дальше о заботахъ митрополита по украшенію церквей, особенно Софійской въ Кіево-Печерской Лаврѣ, издатель заключаетъ: „Не припоминаю тутъ такъ много монастыровъ, школъ, семинарій для спудеовъ, на мѣсцахъ розныхъ отъ преосв. вашего коштомъ и накладомъ выставленныхъ и гоине наданныхъ; и то то есть наконецъ, што и буйволь клейноту преосвященства вашего, въ потомные вѣки, го-

лосно брмячимъ рыкомъ оглашати будетъ и мовити: такъ роспорощалъ въ Бозѣ превелебный архієпископъ митр. кїевскій, галицкій и всея Россїи, Петръ Могила, добра и скарбы свои, або тылко оныхъ небесныхъ набыль“...

21. *Евхолоіонъ, або Молитвословъ или Требникъ, имъй въ себѣ церковная различная послѣдованія, ієреомъ подобающая... благословеніемъ и повелѣніемъ... Петра Могила, митр. кїевского* [Кїевъ, 1646 г.]. Въ началѣ книги въ особой „предмовѣ“ между прочимъ говорится: „По вся дни житїя моего сердцемъ болѣзновалемъ, поглядаючи на скудость умѣтности моей.., вѣдячи то уставичне, ижъ противници наши и лжебратїя православїя святаго суть барзо тяжкими и насильствующими православнымъ, розными досадами и обидами, безвстыдне называючи духовныхъ нашихъ неуклами, грубіянами, въ шафованю и одправованю божественныхъ тайнъ и иного набоженства,—воляючи, ижъ Русь православная згеретичала, личбы, формы, матерїи, интенціи и skutковъ тайнъ божественныхъ не знаетъ, о оныхъ справы дати не умѣеть и розного способу въ одправованю божественныхъ тайнъ заживаеть: о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ, ведлугъ силъ моихъ потрудившися, предъ себе взялемъ, однати такъ тяжкое поношеніе противниковъ отъ освященного православного причту церкви св. російской“... И далѣе: „Нехай, кто хочеть, зноситъ грецькїи и рукописаныи Евхологія и наши рускїи, знаидеть неомылне въ оныхъ единоистную згуду о дѣйствїи и уживаню божественныхъ седми тайнъ церковныхъ. А гды кто зъ загнуваныхъ противниковъ несогласіе якое съ Требниковъ, въ Львовѣ, въ Стратинѣ, въ Острогу и Вильнѣ друкованныхъ, захочеть продуковати, таковому отповѣдь спадная подаетъ,—ижъ если суть яковые погрѣшенїя, або помылки, въ тыхъ Требникахъ, тые спасенїю нашому нѣчого не шкодятъ: поневажъ личбы, моця, матерїи, формы и skutковъ св. тайнъ не зносятъ; але нѣщось о одправованю церемонеалномъ не согласуютъ, дер-

жачися снать въ томъ своихъ старыхъ звычайвъ, лечъ лацно старыи звычайи ведлугъ новыхъ напростовати, новыи зась и неслыханыи вымыслы въ одправованю тайнъ божественныхъ, въ церковь святую въпроважати, дерзповеніе есть анафемѣ подлежаючіе. До того помылки, въ тыхъ Требникахъ предиреченныхъ, выникнули, частью съ простоты и неровсудью корректоровъ, частью тежѣ з неосторожности писаровъ, а особливе подѣ небытность пастыровъ православныхъ въ первви русской, въ который часть тыи, которые таковыи книги ценсуровати и оныи на свѣтъ выдавати важилися, не много вѣдомости около таковыхъ рѣчій мѣли и мало уважали, щобы въ сакраментыхъ матеріею, албо формою было постерегаючи барзѣй пожитку своего: для того много рѣчій потребныхъ опустили, а непотребныхъ придали“... Требникъ П. Могилы содержитъ въ себѣ какъ самыи службы, такъ и пояснительныи къ нимъ замѣчанія и наставленія. Молитвы и службы—на языкѣ церковно-славянскомъ, въ наставленіяхъ же и поясненіяхъ преобладаетъ западно-русское нарѣчіе,—польскія слова употребляются съ окончаніями русскими и церковно-славянскими...

22. *Трифолоіонъ, или Цвѣтословъ* [нап. въ Кутеинѣ въ 1647 г.]. Въ „предмовѣ ко благолюбнымъ читателемъ“ издатель іером. Іоиль пишетъ: „О, коль плача и рыданія нынѣшня послѣдняя времена достойна! Сидаютъ и утробы вѣрнымъ, зрящимъ, не точію олтаря раскопанная, но и дома молитвенныи разоренны и отъ всякаго благолѣпія и украшения обнаженны; иже вся имѣнія и вся благая, отъ древнихъ благочестивыхъ етиторовъ вѣданная, расхитивше, храмы Божія во градѣхъ, паче же во всѣхъ, пустыи и разоренны оставиша,— въ нихъ же нищии священницы православныи оставше, не точію утвари благолѣнія церковнаго, но и книги нуждныи имѣти не могутъ, паче же нужднѣйшіи всѣхъ Три-

фолога лвовскія печати,—величества и драгости ради“... Сравнительно съ этими дорогими лвовскими изданиями, издаваемый Трифологiонъ—свращенный.

Вмѣстѣ съ книгами богослужебными, на первыхъ же порахъ приступили къ изданiю книгъ св. Писанiя. Выше мы говорили, въ какомъ положенiи находился кодексъ славянской Библии за все древнее время, до самыхъ послѣднихъ годовъ XV ст. Одна рукопись XV в. Моск. Рум. Музея, сборникъ библейскихъ книгъ изъ собранiя Ундольскаго [по его нумерацiи, № 1] можетъ быть взята, какъ типичный образчикъ древне-русскаго библейскаго канона. Здѣсь сначала идутъ первыя библейскія книги,— съ *Бытiя* до *Притчей Соломона* влючительно; затѣмъ— отрывки изъ *Книги премудрости Соломона*; далѣе отрывки изъ какого-то *хронографа*, далѣе слѣдуетъ *Житiе и жизнь Александра, царя македонскаго*— „Александриа“!... Послѣ новыхъ отрывковъ изъ *хронографа*, читаемъ *Послѣднее видѣнiе пророка Даниила*—статью апокрифическую... Далѣе—выписки изъ *патерика*, отрывковъ какого-то слова *Иоанна Златоустаго*, наконецъ—*Апокалипсисъ Иоанна Богослова*, весь сполна. Затѣмъ—новые отрывки, и за ними *Пѣснь Пѣсней*, но уже въ другомъ переводѣ, чѣмъ какой помѣщенъ выше, въ числѣ первыхъ библейскихъ книгъ; далѣе до конца рукописи отрывки и замѣтки самого разнообразнаго содержанiя,—въ родѣ, напр., статейки *О пророцъхъ и пророчицъхъ*, гдѣ въ хронологическомъ порядкѣ перечисляются ветхозавѣтные пророки и прорицы; авторъ насчитываетъ 73 пророка и 9 пророчицъ: между пророчицами послѣдняя— „святая Марiя Богородица“... Или вотъ составъ другого сборника библейскихъ книгъ,—такъ наз. „Десятоглава“, пис. ок. 1507 года: „...16 пророкъ

Осіе, Іоиль... Іереміа, Даніилъ, Іовъ, Притчи, Соломонъ, отъ Царствія 3, ключъ паремьямъ, Екклесіастъ, Пѣсни Пѣснемъ, Менандръ (!), Исусъ Сираховъ, предсловіе псалтырское, Псалтырь, изъ псалтыри главы; пѣсни псалтырныи, ключъ Евангелію, Евангеліе—4 евангелисты, Апокалипсисъ, о апостолѣхъ 12 и прочихъ, Дѣянія Апостольска, Сборная посланія седмъ, Павла ап. посланій 14..., ключъ Апостолу и Евангелію, типикъ церковнѣй службъ, тропари, свѣтильна, отпустъ презъ все лѣто, тропари и кондаки, кои не писаны въ типикѣ, припѣлы, Руки Іоанна Дамаскина, пасхаліа, зодіи, лунное теченіе на 19 лѣтъ, о писавшемъ книги сіа "... Ориентироваться среди такого письменнаго хаоса, выдѣлить чистый библейскій текстъ изъ массы другихъ сочиненій, очистить его отъ разнообразнымъ вставокъ и дополненій, которыя такъ тѣсно съ нимъ сплетались,—было слишкомъ трудно немудрому древнерусскому грамотнику... Люди даже наиболѣе образованные и начитанные часто не могли отличить „ложныхъ“ книгъ отъ „истинныхъ“, и рядомъ съ *Евангелиемъ* цитировали для убѣдительности и *Еноха праведнаго*... Въ предсловіи къ своимъ Четьи-Минеямъ митр. Макарій пишетъ: „Да и гдѣ буду погрѣшилъ отъ своего неразумія или будетъ гдѣ посредѣ тѣхъ свв. книгъ написано ложное и отреченное...,—а мы того не возмогохомъ исправить..., и о томъ прошу прощенія“... Извиненіе было не напраснымъ: наряду съ „истинными“ книгами, митр. Макарій внесъ въ свой сборникъ и много апокрифическихъ. Новг. архіец. Геннадій въ посланіи къ ростовскому архіец. Іоасафу (ок. 1489 года), говоря о толкахъ въ народѣ о близкой кончинѣ міра и возражая противъ нихъ,—замѣчаетъ: „А въ *Евангеліи* кончина не явлена, когда будетъ. Да и *Еноха праведнаго* писалъ сице“... Въ предсловіи къ составленной имъ Пасхаліи, онъ опять цитируетъ слова „Еноха праведнаго“... Православный старецъ, современникъ Курбскаго, отли-

чавшіяся, повидимому, значительной начитанностью (...„можете по премногу паче насъ разумѣти“—замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, обращаясь къ нему, Курбскій) смѣло ставитъ *Никодимово Евангеліе* на ряду съ подлинными четырьмя Евангеліями—и Курбскому приходится подробно доказывать подложность памятника... На самомъ канунѣ XVI столѣтія новгор. архіеп. Геннадій, какъ мы видѣли, впервые выдѣлилъ библейскія книги изъ хаоса сборниковъ, собралъ ихъ въ одинъ кодексъ и такимъ образомъ положилъ первое основаніе современной славянскои Библіи, какъ мы ее имѣемъ теперь.... Кодексъ Геннадія составилъ эпоху въ исторіи библейскаго славянскаго канона,—но кодексъ этотъ былъ рукописный, и по своей величинѣ, могъ имѣть самую ограниченную распространенность. Дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ отношеніи были западно-русскія печатныя изданія

Послѣ упоминавшихся нами *библейскихъ книгъ*, изданныхъ въ Прагѣ въ 1517—1519 годахъ Францискомъ Скориною „съ Полоцка“ (22 выпуска) и бывшихъ весьма распространенными не только въ Юго-Западной, но и въ Московскои Руси,—новую эпоху въ этомъ отношеніи сдѣлало острожское изданіе Библіи. Приводимъ заглавіе сполна: *Библіа сирчь Книгы Ветхаго и Новаго Завета по языку словенску*, отъ еврейска въ еллинскій языкъ седмицать и двѣма богумудрыми преводники, прежде воплощенія Господа І. Христа 350 лѣта, на желаемое повелѣніе Птолемея Филадельфа, царя египетска, преведеннаго зводу, съ тщаніемъ и прилежаніемъ елико мощно помощію божіею послѣдовася и исправися, въ лѣто... 1581. Въ предисловіи, написанномъ отъ лица кн. К. К. Острожскаго, говорится о трудностяхъ, казихъ стоило изданіе: „...Ни дѣла зачати, ниже дѣлателей, еже творити, на сіе изобрѣтохомъ, говоритъ князь,—ибо и книгъ, глаголемыхъ Вивліа, въ зводѣ сего дѣла начальствомъ (въ началѣ) не имѣхомъ... Сего ради посланьми и

писаньми своими много странъ далекихъ вселенныя проходя, яко римскія предѣлы, тако и кандійскія острова, паче же много монастырей грецкихъ, сербскихъ и болгарскихъ, даже и до самого апостоломъ намѣстника и всея Церкве Восточныя строенію чиноначальника, пречестнаго Іеремія архіеп. Константина града, новаго Рима..., доидохъ,—требуа съ тщаніемъ и моленіемъ прилежнымъ тако людій наказаныхъ въ писаніяхъ святыхъ, елиинскихъ и словенскихъ, якоже и зводовъ добрѣ исправленыхъ и порока всякаго кромѣ свѣдѣтельствovanýchъ. И сицевымъ всесилный Богъ.. сподобитимися благоизволи—внигъ бо и книгочій настоящему дѣлу пресвятому по достоанію изобрѣтохъ... Нынѣ же.. съвршеніе сподобихся видѣти"... За предисловіемъ Острожскаго слѣдуетъ другое „предисловіе“, Герасима Даниловича Смотрицкаго, о важности и пользѣ чтенія св. Писанія, и имъ же сочиненные силлабическіе стихи. Въ основу изданія положенъ былъ славянскій списокъ, присланный изъ Москвы Иваномъ Грознымъ, ок. 1570 года, по переводу относимый острожскими издателями ко времени „еще за великаго Владимира, крестившаго землю Русскую“,—но рукопись эта до насъ не сохранилась. Предполагають, работы по изданію Острожской Библии продолжались около пяти лѣтъ (1575—1580). Изданій Острожской Библии было два—1880 и 1881 гг.; въ изданіяхъ есть разности, хотя весьма незначительны. [Въ Рум. Музеѣ находится не полный экземпляръ еще особаго изданія Библии, напечатаннаго сходно, строка въ строку и страница въ страницу, съ Библіей Острожской, но другимъ, мелкимъ шрифтомъ; по мнѣнію библиографовъ,—изданіе было напечатано въ Вильнѣ около того же времени, какъ и Острожское...—Въ 1645—1649 гг. въ Кіевѣ была издава *Лицевая Библия*, съ 174 гравир. изображеніями]. Главнымъ руководителемъ работъ по изданію Библии 1580—1581 былъ

упомянутый Г. Д. Смотрицкий. Это былъ отецъ знаменитаго впоследствии Мелетія Смотрицкаго, и по тому времени самъ человекъ очень ученый; громкая слава ученаго и была причиной, почему Острожскій дѣло изданія Библии поручилъ Герасиму Смотрицкому. Кромѣ предисловія къ Библии 1580 г. Смотрицкому принадлежало еще нѣсколько печатныхъ отдѣльныхъ трудовъ, преимущественно полемическихъ, какъ напр. *Ключъ царства небеснаго* (1587). Смотрицкий писалъ также стихи; за римою при этомъ онъ особенно впрочемъ не гнался,—какъ видно изъ образчика, находящагося въ редактированной имъ Библии и начинающагося такъ:

Всякаго чина, православный читателю,

Господу Богу благодаренье воздаимо, яко благодателю и т. д. Стихотвореніе представляетъ восхваленіе кн. Острожскаго, котораго авторъ сравниваетъ съ св. Владимиромъ...

Острожское изданіе Библии было не только „дорогимъ подаркомъ для православной церкви“, но и составило новую, едва ли не болѣе важную, сравнительно съ трудомъ Геннадія, эпоху въ исторіи библейскаго славянскаго текста. Изданіе было не только величайшимъ религіознымъ подвигомъ, въ высшей степени важнымъ въ виду происходившей борьбы двухъ вѣроисповѣданій и народностей,—но вмѣстѣ съ тѣмъ, и серьезнымъ научнымъ трудомъ, исполненнымъ въ строгомъ греко-восточномъ направленіи. Получивъ изъ Москвы списокъ Геннадіевскаго Кодекса, острожскіе издатели подвергаютъ его тщательному пересмотру и исправленію,—сличаютъ и провѣряютъ славянскіе списки одной и той же книги, выбирая лучшій, вновь провѣряютъ по греческому оригиналу прежній славянскій переводъ, пополняютъ пропуски, уничтожаютъ позднѣйшія постороннія вставки, приводятъ въ порядокъ раздѣленіе главъ, исправляютъ чтеніе собственныхъ именъ и т. д. и т. д. И при всемъ томъ, какъ сейчасъ замѣчено,—латинскія укло-

ненія Геннадіева Кодекса острожскіе издатели исправляютъ по тексту греческой Библіи... Здѣсь была особая, весьма важная сторона дѣла, и въ послѣднемъ заключалось существенное различіе двухъ трудовъ—весьма характерное для времени и мѣста ихъ появленія...

Свое значеніе имѣло также упомянутое изданіе „Новаго Завѣта“: *Книга Новаго Завѣта, въ ней же напередѣ псалмы блаж. Давида пророка и царя*—нап. въ Острогѣ, въ 1580 г. Въ „предисловіи“, обращенномъ къ кн. К. К. Острожскому, издатель восхваляетъ князя за его заботы о распространеніи благочестія, весьма важныя для церкви,— „паче же въ нынѣшнее время, посредѣ рода строптива и развращенна, еже растерзають немилостивые церковь божію и возмущаютъ нещадно стадо Его... Твое же благочестивое величество..., въ сихъ дерзостнѣхъ и непоколебимо на недвижимемъ камени утвержень отъ благочестно жившихъ и свято почившихъ нарочитыхъ и великоименитыхъ родителей и прародителей своихъ, есть яко свѣтило, сіяющее въ наслѣдіи благословіеніемъ, чадамъ же и наслѣдникомъ своимъ отъ рода въ родъ благимъ взоромъ податель и безсмертная слава. Сокровища же своя богатодарованная на небесѣхъ съерыты не пощадѣ..., но подавая довольно на дѣланіе богодухновеннаго писанія“... Книга издавалась по настоянію князя: „Понудилъ еси насъ недостойныхъ, выше нашея мѣры, на сіе дѣло“, замѣчаетъ издатель. Въ книгѣ находятся: Псалмы Давида, четыре Благовѣстія, Дѣянія Апостольская и посланія соборная и посланія ап. Павла и Апокалипсисъ. Всѣ эти св. книги, говоритъ издатель, онъ „совокупилъ въ едину сію вещь“—повелѣніемъ князя... „Тѣмъ же молимъ..., княже, обращается онъ къ послѣдному въ заключеніе, да воспримеши сіе руководѣніе наше отъ насъ боголюбиво, яко пръвый овощъ отъ дому печатнаго

своего Острозскаго, въздаючи хвалу всѣмъ благимъ съдѣтелю Богу: яко да сподобить, благодатію своею, и сіе желаемое бытійское дѣло, еже начахомъ, съвершити“.. Для бѣльшаго удобства при пользованіи книгой, къ ней приложена особая книжка: *Собраніе вещей нужнѣйшихъ скорого ради обрѣтенія во книзь сей Новаго Завета по словесѣмъ азбуки*, — составленная „многогрѣшнымъ Тимоеемъ Михайловичемъ“, въ томъ же 1580 г. [на 52 лл.]

За книгами богослужебными и св. Писанія шли изданія переводовъ твореній отцовъ церкви. Во главѣ этого отдѣла западно-русской литературы должны быть поставлены замѣчательные труды въ этой области кп. А. М. Курбскаго, о которыхъ мы уже говорили выше. Какъ мы видѣли, труды Курбскаго были и обширны и плодотворны, и свидѣтельствовали не только о его весьма разнообразныхъ знаніяхъ, о его начитанности, учености, но и о его горячей любви къ его мало-просвѣщеннымъ соотчичамъ, „къ единоплеменной Россіи, ко всему славянскому языку“, о его горячемъ желаніи принести посильную пользу дѣлу русской народности..

Въ печатныхъ западно-русскихъ изданіяхъ конца XVI—полов. XVII вв. наиболѣе обширное мѣсто отведено было твореніямъ Іоанна Златоустаго († 407).

1. Одной изъ первыхъ книгъ, напечатанныхъ въ западно-русскихъ типографіяхъ, было „Евангеліе Учительное“: *Книга зовомая Евангеліе Учительное, отъ всѣхъ четырехъ евангелистовъ избранна и отъ многихъ божественныхъ писаній, и предана церкви божіей во всякую недѣлю читатися, такоже и на господскія праздники и прочихъ святыхъ, на поученіе христоименитымъ людемъ, ко исправленію душевному и тѣлесному...* [выдрукована... въ мѣсть зовомомъ Заблудовью... ро-

ку 1569],—собрание словъ и поученій на воскресные и праздничные дни, извлеченное преимущественно изъ твореній І. Златоуста. Книга напечатана Иваномъ Ѳеодоровымъ и Петромъ Мстиславцевымъ, — только что передъ тѣмъ бѣжавшими „изъ Московіи“ и нашедшими себѣ пріютъ у Ходкевича. Въ „предисловіи“, послѣ замѣчаній о важности книги, Ходкевичъ между прочимъ замѣчаетъ: „Видѣвъ такое христіанское наученіе въ сей книзѣ,—восхотѣхъ, еже бы слово Божіе размножилось и наученіе людямъ закону греческаго ширилось, занеже оскудѣ сихъ книгъ на многоразличныхъ мѣстѣхъ, и не пощадѣхъ отъ богодарованныхъ ми совровищъ на сіе дѣло дати, въ тому же изобразѣтохъ себѣ въ томъ дѣлѣ друварьскомъ людей наученыхъ, Ивана Ѳеодоровича Москвитина да Петра Тимофеевича Мстиславца... Помыслилъ же былъ есми и се, прибавляетъ Ходкевичъ, иже бы сію книгу, въ разумѣніа ради простыхъ людей, преложити на простую мову, и имѣлъ есми о томъ попеченіе великое, и совѣщаша ми люди мудрые, въ томъ писмѣ ученые,—иже преладаніемъ з давныхъ пословицъ на новые помылка чинится немалая, яко же и нынѣ обрѣтается въ книгахъ новаго переводу. Того ради сію книгу, яко здавна писаную, велѣлъ есми ее выдруковати, которая кождому не есть закрыта, и къ разумѣнію нетрудна, и къ читанію полезна, а наипаче тѣмъ, которые съ прилежаніемъ и со вниманіемъ искомое обрѣсти восхощутъ и обрящутъ“... Возникши въ византійской литературѣ и рано переведенный на славянскій языкъ (по нашимъ рукописямъ собраніе извѣстно съ XIV вѣка, —не позднѣе перваго десятилѣтія XV), сборникъ этотъ пользовался особенной распространностью въ юго-западной Руси, и послѣ неоднократныхъ по славянски изданій, былъ переведенъ и на мѣстное, западно-русское нарѣчіе: *Евангеліе Учителное, албо казаня на кождую недѣлю и свята урочистымъ, презъ св. о. н. Калиста, архіеп. константинопольскаго... предъ дама сты*

лтъ по кирецку написаны, а теперь ново съ кирецкого и словенского языка на русскій переложены,—Евю, 1616 г. Книга издана на средства князя Богдана Овгинскаго и панны Райны Воловичовны. Въ „предмовѣ“ о патр. Каллистѣ, авторѣ издаваемой книги, и о его проповѣдяхъ, въ ней собранныхъ,—между прочимъ сообщается: „Предъ двѣма сты лѣтъ вселенского константинопольскаго пастврства и патриаршества престоль съдержалъ и струями злоточныхъ словъ своихъ не толко за живота своего поле церковное поливаль, але и по смерти, никгда не умираючи, презъ zostавенъе на писмѣ науки казаній своихъ, первѣй греческимъ языкомъ, греческій народъ свой училъ, а потомъ, за преложеньемъ тыхъ его шкриптовъ на языкъ словенскій, праве, якобы повторе народови нашему словенскому оживши, и до тыхъ нашихъ краевъ (подъ ученшій предковъ нашихъ вѣвѣ) завитавши, велми потребенъ и пожиточенъ былъ. Теперь, за съ пренезнаемость и неумѣтность языка словенского многихъ, многимъ мало потребенъ и непожиточенъ ставши ся,—знову, переложеньемъ его на языкъ нашъ простый рускій, якобы з мертвыхъ вскрешонъ; а выданемъ з друку, на всѣ широкіи славного и старожитного народу російскаго крайны розосланъ будучи, всѣми потомными вѣки, всѣхъ, а иле простѣйшихъ, а языка словенского неумѣющихъ, и для того подчасъ до заразливыхъ еретической словы поданой и шкриптомъ выданой, науки па ствискъ удаватися звѣкыхъ, училъ. А за тымъ тотъ, которій, тыхъ часовъ, хотъ въ зацнѣйшомъ, пенкнѣйшомъ, звязнѣйшомъ, суптелнѣйшомъ и достаточнѣйшомъ языку словенскомъ, пре неспособность слухачовъ, немногимъ пожиточенъ былъ,—теперь, хотъ въ подлѣйшомъ и простѣйшомъ языку, многимъ,

албо рачей и всѣмъ руссого языка, яко колвекъ умѣетнымъ, потребенъ и пожиточенъ быти могъ"... Здѣсь же характеризуется различіе между греческимъ и латинопольскимъ стилями проповѣдей, причемъ отдается рѣшительное преимущество греческому, византійскому: „Каждого христіанскаго казнодѣя повинность—не дискурсы о непонятыхъ вѣры таемницъ скрытностяхъ строити, но (але) воли и приказаниямъ божскимъ простыхъ и неукихъ людей учити“...

Кромѣ словъ и поученій, помѣщенныхъ въ „Учительномъ Евангеліи“, изъ твореній Златоуста были изданы:

2. *Маргаритъ* [нап. въ Острогѣ, въ 1595—1596 гг.], другое собраніе его словъ и поученій, возникшее также въ Византіи и бывшее весьма распространеннымъ въ нашей письменности. Книга издавалась „на пользу, въ спасеніе всѣмъ православнымъ, пачеже русскаго народу христоменимымъ людемъ“... Въ предисловіи упоминаются равнѣ издавныя въ Острожской типографіи книги: Библія, Новый Завѣтъ, книга Василия Великаго „и пр.“.

3. *Слова къ Теодору папшему—Лькарство на опасный умыслъ чловѣчій, а особливе на затвердые сердца людскіе, заведеные святомъ албо якими грѣхами*, божеств. Златоустаго до Теодора мниха, а въ особѣ его до вождаго чловѣка, кто въ якомъ колвекъ есть грѣху [нап. въ Острогѣ, въ 1607 г.]. Предложено съ греческаго Даміаномъ пресвитеромъ. Книга напечатана на славянскомъ и „въ простой мовѣ“, на западно-русскомъ языкѣхъ, и состоитъ изъ двухъ словъ Іоанна Златоуста [*Слово о покаяніи къ Теодору мниху испадшему* и *Слово, о еже обаче всуе мятется всякъ чловѣкъ*], и Тестамента грецкаго цесаря Василия до сына своего Льва. Въ началѣ книги—„предисловіе“ переводчика съ силлабическими стихами, въ концѣ—„послѣсловіе“, съ такими же стихами. Приводимъ образчикъ стиховъ—о быстротекущемъ времени:

Часе дорогій, часе непереплачоний,
Назбыть скупю вагою мнѣ узычоний
Быстрѣй надморскій корабль животь мой прово-
дать... И т. д.

4. *Бесѣда избранная о воспитаніи чадъ* [нап. въ Львовѣ, въ 1609 г.]. Довольно любопытно предисловіе къ книжкѣ, написанное стихами; авторъ между прочимъ говоритъ о пользѣ науки,—

С котрой, якъ съ жродла, все доброе исходитъ и
И през ню человекъ чловѣкомъ ся находитъ,—
Котрую такъ наддеръ святые поважаютъ,
Же злотымъ уроженемъ ея называютъ.
Тои то родзай, нѣкды нехай ся не зводитъ,
Але ся завше, въ народѣ людскомъ находитъ,—
О котруй, цный народъ русскій занедбаваетъ и
И за подлѣйшую речъ собѣ покладаетъ,—
Зачимъ всякій нерядъ и все злое походитъ
И до погорженя цный тотъ народъ приходитъ,—
Же для простоты, много ся ихъ уругаютъ:
И ненаукою очи ихъ замудляваютъ...

Здѣсь же помѣщено: *Василія Великаго, Отъ исповѣданія отры, на неже подписася Евстахій Севастійскій епископъ*; далѣе *Поученіе къ ученикомъ Ливанія Сѳисты* и др. Въ концѣ стихи. [Изданіе было повторено въ Львовѣ, въ 1614 г.]. Изданіе указываетъ на полныя симпатіи львовскаго братства къ педагогикѣ греко-византійской, въ противоположность западно-европейской...

5. *Слова о священствѣ* [нап. въ Львовѣ, въ 1614 г.]. Въ книгѣ помѣщено: *Житіе Иоанна Златоустаго*, шесть „словъ“ о священствѣ, *Еклоги о приличныхъ священству*; далѣе *Василія В., О хиротоніи на мздѣ бываемый*, *посланіе Исидора Пелусіота* и въ концѣ книжки сти-

х и. Издатель вспоминаетъ о трудахъ львовскаго еп. Гедеона Балабана по распространенію книгъ, не шадившаго для этого издержекъ, „яко бы друкарня презъ него уфундована была, съ котрой, якъ з роли пожиткомъ обфитупчей, изъ жрودла водъ здоровыхъ оплаваючого, книгъ набоженству грецкому церкви востодней св. старожитныхъ учителей грецкихъ, презъ выдаваня на свѣтъ цнымъ а родовитымъ языкомъ словенскимъ, лакнучихъ отживити и прагнучихъ охолодити моглъ“... По его порученію были уже приготовлены къ изданію: „Книга о священствѣ“ Златоустаго и „Бесѣды“ Златоустаго на Дѣянія Апостоловъ, но издать ихъ онъ не успѣлъ († 1607 г.). Приложенное въ книгѣ *Житіе І. Златоустаго* „вратцѣ събрано отъ Сократа Схоластика, Феодорита еп. Кирскаго, Ерміа Созомена, Георгіа архіеп. александрійскаго, Фотіа и Суиды“.

6. *На Отче нашихъ выкладъ з грецкого на рускій, однимъ з молодыхъ смугъ церковныхъ за розказанемъ старшихъ, преложонный* [нап. въ Вильнѣ, въ 1620 г.]. Предисловіе написано Леонтіемъ Карповичемъ.

7. *Бесѣды на 14 посланій ап. Павла* [нап. въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ 1623 г.]. Книга начинается привѣтствіемъ „преславному и православному роду російскому“, и *предисловіемъ на книгу Бесѣдъ св. Іоанна Хризостома*—довольно обширнымъ, гдѣ излагается исторія перевода и изданія книги. „Бесѣды“ переведены съ греческаго языка іером. Киприаномъ, по желавію вн. Теодоры Чарторыжской; переводъ былъ исправленъ свящ. Лаврентіемъ Зизаніемъ Тустановскимъ, іерм. Захаріемъ Копыстенскимъ и Памвою Берындю. Предисловіе подробно вспоминаетъ о лицахъ, способствовавшихъ изданію книги: о вн. К. К. Острожскомъ, „зѣлномъ ревнителѣ Россіи: сей бо благочестіа сый рачитель и въжделѣніе премногое имый книги издавати, еже и даровася ему, и сію, якоже инья, маистерствомъ типографіи преподати желаше“,—

о княгинѣ Теодорѣ Чарторыжской Боговитиновой, „добродѣтели украшенной и житія ангелскаго иноческаго рачителницѣ“, которая упросила „преп. въ священноиноцѣхъ Кипріана, суца отъ града Острога, мужа въ еллинскомъ діалектѣ искусна, въ Енетіихъ же и Патавіи любомудрствовавша, по сихъ въ святѣй горѣ Аеонстѣй поживша и нынѣ тамо, въ богодухновеннѣй премудрости и въ сѣбаніи и ума просвѣщеніи, пребывающа...—сего умоли, яко да сихъ бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго на посланія блаженнаго Павла отъ еллинскаго языка на славенскій превожденіе сътворитъ“,—о Михаилѣ Корибутѣ, княжатѣ Вишневецкомъ, „Иракль и Екторѣ второмъ“, который также „многое имѣ желаніе книгу сію иждивенми и цѣною своею издати и у залого даде бѣ, но смерть препать, и не остави уллучити желаемое“... Книга издана была заботами новаго архим. Кіево-Печерской Лавры, Елисея Плетенецкаго, который „вся благая стройи, обрѣте книгу сію, възлюби ю съ благимъ усердіемъ, възревнова, и съ ихъ же ему Богъ даде о исправленіи ея свѣтова: расудивъ же и усмотрѣвъ свободна и упразднена быти благоговѣнна мужа, словеснѣйша дидаскала и вѣтію, художнаго же еллиногреческаго языка умѣніе и искусство стяжавша, пречестнаго Лаврентіа Зизаніа Тустановскаго, пресвитера и святя православно вѣры исповѣдника и проповѣдника,—того умоли въже люботруднѣ потщатися превожденіе тое изъслѣдовати и исправити; иже и любезно възпримъ врученное съ извѣстнѣйшимъ архитипомъ еллинскимъ, изряднѣ же въ градѣ Егонѣ изображеннымъ, дволѣтствовавъ въ дѣлѣ, сътвори тоя книги исправленіе“... Печатаніемъ исправленной книги завѣдывалъ іером. Захарія Копыстенскій, „всѣхъ меншій“, и Памва Бернда, „тщатель въ божественныхъ писаніихъ и въ дѣлѣ семъ розумноискусный“,

— они еще разъ провѣрили и исправили переводъ по греческимъ и славянскимъ изданіямъ, при помощи „пречестной братіи“, въ числѣ которой были Тимофей Александровичъ, „маистеръ художества печатнаго“, а также „благотворѣннѣи и разумчнѣи типографове“ Стефанъ Берында и Тимофей Петровичъ... Одни экземпляры книги посвящены кн. Святополку Четвертинскому, съ посвященіемъ отъ Захарія Копыстенскаго, другіе—Теодору Копыстенскому, съ посвященіемъ отъ Памвы Берынды. Посвятительная „предмова“ Берынды заключаетъ въ себѣ весьма важный біографическій матеріалъ для фамиліи Копыстенскихъ.

8. *Бесѣды на Дѣянїя Апостола* [нап. въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ 1624 г., съ посвященіемъ: „пресвѣтлому правовѣрному и православному россійскому родоу“]. Книга начинается *предсловіемъ православнымъ читателемъ*, напис. Захаріемъ Копыстенскимъ. Бесѣды эти, по желанію Елисея Плетенецкаго, были переведены „словеснѣйшимъ мужемъ, клирикомъ львовской церкви, дидаскаломъ въ еллинногреческомъ любомудрѣйшомъ и художномъ языкѣ“, Гаврииломъ Дороеевичемъ—съ греческаго печатнаго изданія „въ Этонѣ изображеннаго“. Дороеевичъ былъ одно время преподавателемъ въ Острожской школѣ; поздне мы видимъ его въ Львовѣ и Кіевѣ. Онъ былъ извѣстенъ, какъ особенный любитель наукъ... Переводъ былъ провѣренъ по греческому подлиннику святогорскимъ инокомъ Іосифомъ; „въ конечномъ же исправленіи преведенія славенскаго“ и въ наблюденіи за самымъ печатаніемъ трудился іером. Памва Берында „съ прочими дѣлателями“. Средства для изданія были даны К. В. Далматомъ, о которомъ въ самыхъ восторженныхъ словахъ вспоминаетъ издатель: „Есть ми кто такій другій тыхъ вѣковъ“? и пр. Въ началѣ книги—посвятительныя вирши Т. Земки. Другіе экземпляры посвящены кн. Стефану Четвертинскому, съ посвященіемъ отъ Захарія

Копыстенскаго. Въ началѣ книги приложенъ *Синаксарь о св. Апостолахъ*. Книга излавалась— „въ познаніе вѣры христіанскія, и въ наученіе правды и добродѣтелей, и въ наставленіе христіанъ на путь спасенія, въ возбужденіе монаховъ и прочіихъ священныхъ къ сицевому дѣлу, еже изъображати книги, изряднѣе же въ сія гоненія лѣта“...

Кромѣ твореній Іоанна Златоуста, въ отдѣльныхъ западно-русскихъ изданіяхъ этого времени мы встрѣчаемъ творенія слѣдующихъ отцовъ и учителей церкви:

9. Василія Великаго († 379), его „постническія слова“: *Книга иже во свв. о. н. Василія Великаго, архіеп. Кесарія Каппадокійскія* [з друкарне Острожское выдана естъ, въ мѣто... 1594.]. Въ „предсловіи“ кн. К. К. Острожскій сравнивается съ Іосифомъ: „Аще бо Іосифъ, смотрѣниемъ божимъ, отъ братіи въ Египеть проданный, о прекормленію гладныхъ странъ и Египта хлѣбомъ вѣчне памятьствовася: то како нынѣ другій Іосифъ, аще не тезоименный именемъ, но вещью, именемъ же нареченный въ святомъ крещеніи Василій, гладоутолителъ, паче же прекормителъ гладу душевнаго, забытися иматъ? Болшій бо то гладъ, болшій, елико и душа тѣлеси, о немъ же и пророкъ провосгласи: дамъ имъ, рече, не гладъ хлѣба, но гладъ еже не слышати слова божого... Онъ же въ своя ему времена отъ Бога врученнаго съкровища талантъ приѣмши, не погребъ въ земли, якожъ злый и лѣнивый рабъ; но купно съ Іосифомъ о приобрѣтенномъ тщится, отворивши житницы своихъ съкровищъ, влечеть: елицы есте лишены хлѣба, елицы есте алчны, прійдѣте, утолѣте гладъ, паче же и насытѣтеся, яко отъ общихъ источниковъ, отъ Бога ми дарованныхъ даяній. И прежде убо, на отверженіе очесъ умныхъ, познати Бога единоименна, Ветхаго же и Новаго Завѣту Библию и иныхъ книгъ не мало на по-

хвалу оного испусти; нынѣ же путемъ чина заповѣдей Господнихъ шествующе,—Василіа Великаго на исцѣленіе внутреннего чловѣка з друкарнѣ своее выдати потщася“...

10. Андрея Кесарійскаго, *Тлѣкованіе на Апокалипсисъ*,—„отъ еллинскаго на діалектъ славенскій“ переведено „промыслѣмъ и стараніемъ“ Захарія Копыстенскаго, архим. Кіево-Печерской Лавры, исправлено Лаврентіемъ Зизаніемъ Тустановскимъ, напечатано („первое издася“) Памвою Бериндою, съ „предсловіемъ къ читателю“ Тарасія Земки [въ Кіевѣ, въ 1625 г.]. Книга посвящена Григорію Далмату. Т. Земка въ предисловіи замѣчаетъ, что книга „до корректуры и друкарнѣ бывши подана“ еще раньше, при архим. Елисеѣ Плетенецкомъ. Въ концѣ книги: *Слово албо наука Ефрема Сирина на Преображеніе Господне и Омилія албо наука Іоанна Златоустаго на великую Пятидесятницу.*

11. Макарія Египетскаго († 390), *Духовныя Бесѣды о досконалствѣ христіанъ православныхъ, многими пожитками душезбавенными наполнены и вѣсмъ старающимся о спасеніе души своей вельце ку збудованю потребныи, з гречского на рускій языкъ новопреложеныи працею и старанемъ иноковъ общежителнаго монастыра церкви Св. Духа* [нап. въ Вильнѣ, въ 1627 г.]. Къ книгѣ приложенъ *Животъ аввы Макарія Египетскаго и Макарія Александрійскаго*. Одни эзепляры книги посвящены пану Николою Ломскому, другіе — Коментарію, игумену кіево-межигорскаго монастыря, причемъ авторъ, въ посвященіи, съ восторгомъ говоритъ о святой жизни въ этомъ монастырѣ и высочомъ уваженіи въ нему православнымъ: „Нѣтъ бо, вѣмъ, такъ гордого, такъ пышнаго, вынеслого и зухвалога чловѣка, который бы вшедши въ преддверіе обители вашей не укорился и не умиллъ сердцемъ“ и т. д.

12. *Главы діакона Агапита († ок. пол. VI в.): Любомудрѣйшаго киръ Агапита діакона, блаженнѣйшему и благоче-*

стивѣйшему царю Густиніану, паче же встѣмъ, праведно хотящимъ надъ страстми царствовать, главизны поучительны [напечатаны „первѣе“ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ 1628 г.]. Переводъ принадлежалъ Петру Могилѣ и сдѣланъ былъ имъ съ греческаго еще до посвященія въ санъ архимандрита, т. е. до конца 1627 г.

13. Аввы Дорофея († 620), *Поученія душеполезна различна, къ своимъ его ученикомъ* [нап. въ Кіевѣ, въ 1628 г.]. „Поученія“ были приготовлены въ изданію еще при Захаріи Копыстенскомъ, вторымъ было написано уже и предисловіе къ книгѣ; но, за смертью Копыстенскаго, изданіе вышло только при Петрѣ Могилѣ, при чемъ предисловіе Копыстенскаго было замѣнено другимъ, составленнымъ Филофеемъ Кизаревичемъ, намѣстникомъ Лавры [„Предисловіе“ Копыстенскаго сохранилось при рукописномъ экземплярѣ „поученій“ Моск. Сян. б-ки, № 147, лл. 1—12]. Въ послѣсловіи указывается: „Исправижесе сіе отъ древнего, истиннаго и славнаго еллинно-греческаго діалекту, всечестнымъ іером. киръ Іосифомъ, протосуггеломъ святѣйшаго великаго престола александрійскаго и поклонникомъ святыхъ земель Палестины и Синаа. Вину же сему подаде... всечестный господинъ отецъ киръ Памво Берында, протосуггелъ іерусалимскій и архитипографъ св. Лавры, иже и многолѣтне о сей душеполезнѣй вещи попечесе и нынѣ много помощію божіею потрудися въ исправленіи (въ типографскомъ дѣлѣ) з славенскаго языка“. Надъ изданіемъ книги трудился и братъ его, Стефанъ Берында, „мнѣй въ типографіи“. Книга издавалась—„въ общую ползу въ благочестіи свѣтлосіающаго великаго славнаго народа російскаго и прочіихъ народовъ пресладчайшаго языка славенска“...

14. Кромѣ того, въ отдѣльныхъ мелкихъ изданіяхъ встрѣчаются отдѣльныя произведенія І. Дамаскина († 777),— патр. Геннадія († 471) *Стословецъ*,—Ипполита (пол.

III в.), о антихристѣ, — Кирилла Іерусалимскаго († 386), о второмъ пришествіи, и нѣкотр. др. Между прочимъ устрѣчается изданіе — *Гисторія, албо правдивое выписаніе св. Іоанна Дамаскина, о житіи св. преп. отц. Варлаама и Осафа и о навѣрненю Индіянъ, старанемъ и коштомъ иноковъ общежителнаго монастыра Кутеенскаго, ново з грецкаго и словенскаго на рускій языкъ преложена*, — нап. въ кутеенской типографіи, въ 1637 г.; въ книгѣ замѣчается, что „первый разъ еще ся она з типографіи выдаетъ“... Въ началѣ книги — „предмова до чителника“ о важности издаваемой „гисторіи“... Было приступлено также къ печатанію *Пандектъ Никона Черногорца: Книга богодухновенна собрана и списана отъ многихъ и различныхъ божественныхъ книгъ... преподобнымъ о. н. Никономъ, живущимъ въ глаголемый Черный Горь, наставляющимъ и поспѣшествующимъ подвизающимся на всяко дѣло духовное*. Изданіе дошло не вполнѣ и безъ заглавнаго листа; время печатанія относятся къ 1612—1640 гг. Большинство библиографовъ считаютъ изданіе вышедшимъ въ Острогѣ.

Очень рано издано было нѣсколько сочиненій обще-моральнаго содержанія, духовнаго и правоучительнаго. Къ этому отдѣлу могутъ быть отнесены:

1. *Тестаментъ въ Христвъ побожнаго и славнаго монарха свѣта Василія, цесара крещкаго, до сына своего южъ коронованаго, Льва Филозофа*. Болѣе раннее изданіе — въ указанной выше книгѣ: *Лькарство на оспалый умыслъ чоловчій* и пр.; „Тестаментъ“ не разъ издавался и послѣ. Встрѣчается нерѣдко и въ рукописяхъ.

2. *Діонтра, албо Зерцало и выраженье живота людскаго на томъ свѣтъ* [въ первый разъ изд. въ Евю, въ 1612 г., —

„коштомъ и працею иноковъ церкви св. Духа, братское общо-го житія“]. Переводчикъ книги, іерод. Виталій, былъ извѣстенъ беззавѣтной преданностью дѣлу просвѣщенія: въ предисловіи къ книгѣ о немъ замѣчается: „День и ночь працювалъ въ грецкаго и латинскаго языка книгъ переводу“...; „перло наукъ боговдохновенныхъ въ куплю жатія своето набывши, проповѣди слова божого избралъ себѣ каедрю“... Скончался незадолго въ томъ же братскомъ монастырѣ св. Духа, въ Эвию. Захарія Копыстенскій называетъ Виталія „учителемъ и любомудрецомъ“... Сочиненіе написано отчасти прозой, отчасти стихами: прозаическая рѣчь время отъ времени прерывается силлабическими виршами. Содержаніе книги—общенравственныя, преимущественно аскетическія, размышленія и изреченія. Нужно замѣтить, въ древнерусской письменности весьма значительной распространенностью пользовалось сочиненіе съ такимъ же заглавіемъ: *Діонтра* (Зерцало), инока Филиппа, написанное имъ въ 1095 году, для духовнаго отца Каллиника, и переведенное у насъ, по догадкѣ нѣкоторыхъ изслѣдователей, еще во второй половинѣ XIV вѣка; древнѣйшій славянскій списокъ—XV вѣка [рук. Моок. Синод. 6-ки, № 170]. Названное сейчасъ печатное изданіе—совсѣмъ иное сочиненіе сравнительно съ этимъ рукописнымъ. Изданіе не разъ повторялось и послѣ: въ 1642 г. оно вышло одновременно въ Вильнѣ и въ Эвию; въ 1651 и 1654 гг. напечатано было въ Кутейнскомъ монастырѣ; въ 1698 г. въ Могилевѣ, и т. д.

3. *На Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа ерши для утѣхи православнымъ христіаномъ* [изд. въ Львовѣ, въ братской типографіи, въ 1616 г.]. На оборотѣ заглавнаго листа посвященіе Іереміи Тисаровскому, епископъ львовскому,—съ подписью: „Недостойный іеромонахъ Памво Берында, типографъ“.

4. *Отъ Отечника Скитскаго повесть удивительна о дьяволѣ, како прииде къ великому Антонію въ образъ чловѣчестъ, хотя каятися* [книга напеч., предполагають, усердіемъ Памвы Берынды, въ кіево-печерск. типогр., въ 1626 г.]

5. *Лимонарь, сирѣчь Цвѣтникъ, Соброніа, патр. іерусалимскаго, составленъ же Іоанномъ іеромонахомъ, въ мѣсто шестьсотное, нынѣ же изданъ типою* [напечат. въ Кіевѣ, въ 1628]. Книга представляетъ собраніе легендъ о палестинскихъ подвижникахъ и составлена вѣроятно въ первоначальной редакціи патріарх. іерусалимскимъ Іоанномъ, прозв. Москъ (Moschus, ὁ τοῦ Μόσχου) Евирать. Предисловіе, приложенное къ изданію, любопытно по историко-литературнымъ подробностямъ о происхожденіи книги. Книга... „вѣры и читаня годная“— издавалась „всімъ ку читаню и пожитку душевному“...

6. *Діалогъ, албо Розмова чловѣка хорого, албо умирающою, съ духомъ о добромъ згистю з того свѣта, людемъ свѣтскимъ, а посполите тымъ, которые мало што доброго за живота робили, а съ памятю умираютъ* [извѣстіе объ этомъ изданіи находится у Медвѣдева, въ *Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ*].

7. *Анѣологіа, сирѣчь Молитвы и поученія душеполезная, въ душевную ползу студеовъ и всѣхъ благочестивыхъ любомолитвенникъ, вкратцѣ собраная и благочинъ расположена, тицаніемъ... Петра Могилы...* [нап. въ Кіевѣ, въ 1636 г.]; изданіе—совершенно особаго характера..

Отмѣтимъ также—

8. *Patericon, abo żywoty ss. oycow pieczarskich... w Kiiowie, w drucarni Lawry pieczarskiej, roku 1635.*

9. *Τερατολογημα, lubo cuda, które były tak w samym swiętocydotownym monasteru pieczarskim kiiowskim, iako y w obudwu s. pieczarach... teraz pierwszy raz zebrane... pszez w.*

o. Athanasiusza Kalnofoyskiego... Z drukarni kiiowo-pieczarskiej, roku, 1683. Въ трудъ Кальнофойскаго принималъ участіе также Илларионъ Денисовичъ, первый купятичскій игумень; въ Тератургиму сполна вошло описаніе чудесъ отъ иконы Купятичской Богородицы, составленное Денисовичемъ. Дополненное изданіе „Тератургимы“ напечатано было Денисовичемъ подъ заглавіемъ: „Patergon sudow swiętych obraza Przewzystey Bogorodzice w monastyrу Kupiatickim“.

Уже въ братскихъ школахъ появляются первые зародыши учебной литературы. По уставу братскихъ школъ, учителя должны были выдавать по нѣкоторымъ предметамъ ученикамъ „записки“: эти записки, вѣроятно, и легли въ основу будущихъ учебниковъ. Нечего говорить, что эти первые опыты были еще весьма слабы,—но они были совершенно необходимы для возникавшихъ школъ, а иногда—и для времени, гораздо болѣе поздняго. Достаточно напомнить, что одинъ изъ этихъ учебниковъ, знаменитая *Грамматика* Мелетія Смотрицкаго, надолго оставался единственнымъ учебникомъ по грамматикѣ, не только въ юго-западной Руси, но и въ московскомъ государствѣ, а также у южныхъ славянъ... Другія изданія представляли не только учебное, но и общеобразовательное значеніе,—какъ *Лексисъ* Лаврентія Зизанія, изданный при грамматикѣ 1596 г., тѣмъ болѣе *Лексиконъ* Памвы Беринды. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ, какъ напр. сейчасъ названные, свидѣтельствовали и о значительномъ филологическомъ образованіи ихъ авторовъ.

Отмѣтимъ слѣдующія изданія:

1. *Краматыка словенска языка* [нап. въ Вильнѣ, въ 1586 г.]. Въ „послѣсловіи“, приложенномъ въ концѣ книги, между прочимъ говорится: „Бога благаго благодатью, а за проз-

бою жителей столицы Великаго Князства Литовскаго града Вильни, сія граматыка словенска языка з газофилакїи (сокровищницы) славного града Острога, властное отчизны ясне вельможнаго... пана Константина Константиновича..., з щедробливое его милости ласки выдана—для наученія и вырозумѣнья божественнаго писанія“... Книжка была по-видимому воспроизведеміемъ извѣстной статьи *О осми частяхъ слова*, составленіе которой на греч. языкѣ долго приписывали Іоанну Дамаскину († 777), а славянскій переводъ— Іоанну эзарду Болгарскому (X в.). Обильныя латинскія заголовки на поляхъ придають статьѣ видъ скорѣе обычнаго средневѣкового схоластическаго учебника... Заголовки эти любопытны въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуютъ, что уже въ это время въ виленской братской школѣ преподавался латинскій языкъ и вообще были люди, хорошо знакомые съ нимъ,—люди для своего времени „ученые“...

2. *Аделфотъс. Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка совершеннаго искусства осми частей слова. Ко наказанію многоименитому россійскому роду...* [нап. во Львовѣ, въ друкарнѣ братской, р. 1591]. Краткій учебникъ греческой грамматики, на греческомъ и славянскомъ языкахъ. Грамматика была „сложена отъ различныхъ грамматикъ спудейми, иже въ лвовской школѣ“. Въ помѣщенномъ въ началѣ „извѣщеніи“ говорится: ...„изобразихомъ вамъ, о любоучащійся христонименитый роде росскій, со всякимъ опаствомъ еллино-словенскимъ языкомъ зложенную грамматику, юже издаемъ въ общую вамъ пользу“. Грамматика раздѣляется на четыре части: орѳографію, просодію, етимологію и синтаксисъ, сирѣчь: правописаніе, припѣваніе, православіе и сочиненіе“... О пользѣ грамматики замѣчается: „Сія бо есть первая ключъ, отверзаяй умъ разумѣти писанія, отъ нея же, яко по степенехъ, всю лѣствицу, почину ученій, трудолюбивіи дости-

зають—діалектики, риторики, музики, ариметики, геометрії и астрономіи; и сими же седми, якоже нѣвимъ съсудомъ разсужденія, почерпаемъ источникъ філософіи, разумѣвающе же и врачества; во благоискуству превосходимъ всесовершеннаго богословія“... Грамматика опредѣляется такъ: „Грамматика есть художество, учащее насъ умная писати и яко къ кому мѣрительно или числительно вещественна, съ разсужденіемъ повѣдающа“,—грамматука есть „художество зрительное и дѣятельное, еже благоглаголати и благописати учащее насъ“,—грамматика есть „искусство при творцѣхъ и исписателѣхъ яко на мнозѣ глаголаемыхъ писмо, еже являеть твореніе и исписаніе“... Изданіе книжки начато было еще въ 1588 г., но закончилось лишь въ 1591. Изданіе встрѣтило какихъ-то враговъ,—„нѣціи порочницы“ книжку почему-то встрѣтили враждебно... Книжка главнымъ образомъ своимъ появленіемъ, а также и составленіемъ была обязана извѣстному Арсенію, архіеп. елассонскому,—одно время бывшему преподавателемъ греческаго языка въ львовской школѣ. Вскорѣ потомъ Арсеній переселяется въ московскую Русь,—гдѣ пользовался „величайшимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ горожанъ“...

3. *Наука ку читаню и розумѣню писма словенского. Ту тыжъ о св. Троици и о възлюбячюю Господни* [напеч. въ Вильнѣ, въ тип. братской, въ 1596]. Опытъ славянскаго букваря или азбуки.

4. *Грамматика словенска съвершеннаго искусства осми частій слова и иныхъ нуждныхъ, новосъставленна Л. З.* [нап. въ Вильнѣ, въ 1596 г.]. Инициалы раскрыты далѣе, въ самомъ текстѣ, и означаютъ Лаврентія Зизанія. Учебникъ составленъ въ формѣ разговорной, съ значительной примѣсью въ языкѣ элемента западно-русскаго, разговорнаго. Грамматика опредѣляется, какъ—„извѣстное вѣжество, еже благоглаголати и писати“; „грамматика есть певное вѣдане, же

бысмы добре мовили и писали“. Раздѣляется на четыре части: орфографію, просодію, етимологию и синтаксисъ. Къ этому присоединены краткія правила о сложеніи стиховъ. Въ концѣ учебника приложены: 1) *Выкладъ (толкованіе) молитвы Господней* и 2) *Лексисъ*, Лаврентія Зизанія. Послѣдній трудъ представляетъ особенный интересъ.

5. *Лексисъ сирѣчь реченія, вкратцѣ събранны и из словенскаго языка на простый рускій діалектъ истолкованы Л. З.* — расположенъ въ алфавитс. ъ порядкѣ; количество объясняемыхъ словъ довольно значительно (болѣе 1000 словъ), и всѣ—почти исключительно славянскія. Объясненія, приводимыя въ „Лексисѣ“, часто имѣютъ характеръ энциклопедическій. Въ „Лексисѣ“ цитируются: Германъ патріархъ, его „толкованіе на литургію“,—Кириллъ Іерусалимскій,—Іоан. экз. Болг.,—Іоаннъ Дамаскинъ,—нѣкот. изъ книгъ св. Писанія, но рѣдко. Любопытны въ „Лексисѣ“ попытки перевода славянскихъ библейскихъ текстовъ на мѣстный, простонародный языкъ. Въ числѣ книгъ и авторовъ, которыми пользовался составитель Алфавита, находящагося въ рук. Рум. Муз. XVII в. [№ 1]—значатся также: „*Граммат. Лексисъ*“ или „*Граммат. Алфавитъ*“; здѣсь, вѣроятно, разумѣются Грамматика и Лексисъ Лаврентія Зизанія,—многія слова дѣйствительно заимствованы оттуда, а въ одномъ мѣстѣ (въ статьѣ: просодія) составитель Алфавита упоминаетъ и о самомъ Зизаніи, замѣчая: „по Лаврентію Зизанію и въ Грамматикѣ“... и т. д.

6. Несравненно выше этихъ опытовъ стоялъ трудъ М. Смотрицкаго: *Грамматикѣ славенскія правилное синтагма, потщаніемъ многогрѣшнаго мниха Мелетія Смотрицкого въ койновіи братства церковнаго виленскаго...* [мѣта 1619..., въ *Евю*]. Въ началѣ книги—предисловіе автора „Учителемъ шеольнымъ“, гдѣ Мелетій Смотрицкій набрасываетъ общій планъ элементарнаго обученія: „Дѣткамъ учиться починаемъ“

Букварь, звывке рекши Алфавитарь, з той же грамматикѣ вычерпленнѣй, абы склоненіями грамматичными злѣтъ дѣтнннхъ з мовою заразъ навывкали, до наученя подаваннѣй нехай будеть. По Часословѣ зась и Псалтыри (которыи опусканы быти не мають) выучению са овая грамматика з выкладами, то есть, з показованемъ и уживанемъ ей пожитковъ, наступить "... Не останавливаемся здѣсь на этой знаменитой книгѣ, подробному обследованію которой посвящена обстоятельная монографія Засадкевича, — и которая была лучшимъ филологическимъ трудомъ древней Руси до самой пол. XVIII вѣка, до появленія грамматикѣ Ломоносова (1755)... Общюю оцѣнку, очень вѣрную, Грамматикѣ Смотрицкаго сдѣлалъ Крижаничъ: „Мелетіи Смотрицскіи—замѣчаетъ онъ—длѣа ради своѣго трудолюбја и длѣа печальности, коју јест носил про общену ползу, пишущ грамматикѣ, достојенъ јестъ памети и многіе хвали; и бил би доспил вещи народу пособније, даби се не бил соблазнилъ по обзору на греческије преводи, и даби не бил захотил нашего језика на греческије и на латинскије узори претварјат. Всакиъ бо језик јмајетъ своја властита правила, разнита онъ јних, и не можетсе по јного језика узорехъ имети правилехъ изправлять"... Въ 1629 году въ Вильнѣ вышло новое изданіе „Грамматикѣ“ Смотрицкаго; очень долгое время употреблялась она и въ рукописяхъ... *Грамматика или письменница языка словенскаго въ кратциъ изданная въ Кремянцѣ, въ 1638 г., по мнѣнію нѣкоторыхъ библиографовъ* — лишь передѣлка грамматикѣ Смотрицкаго.

7. *Грамматика албо сложеніе писмена, хотящимъся учити словенскаго языка младолѣтнымъ отрочатомъ* [нап. въ Вильнѣ, въ 1621 г.]; родъ букваря. На заглавномъ листѣ изданія находится картинка, изображающая влассъ и учителя, который наказываетъ розгами ученика. Въ букварѣ предполагалось,

при обученіи азбуки, знакомитъ ученика и съ грамматикой. Азбука излагается такъ: азъ, буки, вѣди, онъ,—будеши ты, будетъ той, будива мы два, будимо со мною и т. д.; въ концѣ примѣры для объясненія страдательнаго залога: о просодіи дается понятіе въ примѣрахъ: бѹди и будѣ, варите и варите проч.; орѳографія показана въ собраніи словъ по алфавиту, писанныхъ подъ титлами. За молитвами слѣдуютъ разныя наставленія, сначала къ дѣтямъ о благочестіи, кротости и повиновеніи, а потомъ къ родителямъ; послѣднимъ даются такіе созвѣты: „Къ вамъ, отцы и учителя, тако глаголимъ: не отымай отъ дѣтища твоего казни: безуміе бо есть привязано въ сердца отрочае. Жезломъ же наказанія изжениши его; дѣтищу, иже даютъ волю его, на послѣдокъ посрамитъ мать свою, аще ли накажеша его жезломъ, не умретъ отъ того. Ты бо жезломъ бѣиши его, душу же его отъ ада избавиши; аще ты въ юности накажеша его, а онъ упокоитъ тебе на старость твою. За наставленіями помѣщены притчи Соломова, изреченія изъ Иисуса Сираха, поученія Товія сыну, а въ заключеніи — *Сказаніе, како состави св. Кириллъ философъ азбуку по языку словенъску и книги преведе отъ греческихъ на словенскій языкъ*. Составленіе этой грамматики нѣкоторые изслѣдователи приписываютъ тому же М. Смотрицкому. . Изданный въ 1634 г. въ Москвѣ *Букварь* Бурцева „почти буквально“ воспроизводятъ это виленское изданіе...

8. *Букваръ, сирѣчь начало ученія дѣтемъ, начинающимъ чтенію извѣдати* [нап. въ Кутеивѣ, въ 1631 г.]. *Букварь языка славенска, писаній чтенія учитися хотящимъ въ полезное руковоженіе* [нап. въ Могилевѣ, въ 1636 г.].

9. Вышеупомянутый Лексисъ Зизанія послужилъ однимъ изъ источниковъ *Лексикона славено-росскаго и имень тлгокованія*,—нап. въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ 1627 году, „тщаніемъ, вѣдѣніемъ же и иждивеніемъ малѣйшаго въ іеромона-

сѣхъ Памвы Беринды, протосиэггела ерону іерусалимского“.

Мы не разъ упоминали объ этомъ дѣятелѣ и позволимъ себѣ здѣсь остановиться на немъ съ нѣкоторыми подробностями, а также и на его любопытномъ трудѣ.

Памва Беринда, инокъ и „архитипографъ“ Кіево-Печерской Лавры, принадлежалъ, какъ мы видѣли, къ числу выдающихся дѣятелей западно-русской литературы и образованія кон. XVI—нач. XVII в. Никакихъ сколько-нибудь обстоятельныхъ біографическихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось. Извѣстно только, что родомъ Памва Беринда былъ изъ Молдавіи и монашество принялъ въ Іерусалимѣ; скончался въ 1632 г. Сначала онъ работалъ въ Львовѣ, и здѣсь наибольше раннимъ трудомъ его было изданіе упоминавшейся выше книжки: *На Рождество Христово верши* и пр. (Львовъ, 1616); затѣмъ его видимъ въ Кіевѣ, въ Лаврѣ. При участіи Беринды, въ качествѣ типографа, иногла переводчика или редактора, въ Кіево-Печерской типографіи былъ напечатанъ, какъ мы видѣли, цѣлый рядъ книгъ: *Анѳолоіонъ*, праздничная минея (Кіевъ, 1619), — *Бесѣды Іоанна Златоуста на 14 посланій ап. Павла* (1623), — *Бесѣды Іоанна Златоуста на Дьянія* (1624), — *Толкованіе на Апокалипсисъ, Андрея Кесарійскаго* (1625), — *Триодіонъ*, триодъ постная (1627), — *Поученія аввы Дороея* (1628). Трудамъ Памвы Беринды приписывается нѣкоторыми, какъ уже было замѣчено нами, и изданіе книжки: *Отъ отечника Скитскаго повѣсть удивительна о діаволѣ* и пр. (Кіевъ, 1626); — также составленіе грамотъ къ западно-русскимъ братствамъ, написанныхъ отъ имени патр. Теофана. Важнѣйшимъ литературнымъ трудомъ Памвы Беринды былъ названный сейчасъ *Лексиконъ славяно-росскій и именъ толкованіе*, напечатанный первоначально въ Кіево-Печерской типографіи въ 1627 г., позднѣе—въ Кутеянскомъ монастырѣ, въ 1653. *Лексиконъ* Беринды принад-

лежалъ собственно къ учебному отдѣлу западно-русской литературы; но его характеръ не столько учебный, сколько обще-образовательный, и важенъ онъ былъ далсво не для одной школы.

Какъ извѣстно, произведенія, обращающіяся въ средѣ древнерусскихъ читателей, чаще всего переводныя—уже по самому тексту своему, помимо порчи при перепискѣ, представляли нерѣдко много неудобопонятнаго, требовали исправленій въ языкѣ или поясненій. Уже м. Кирилль II († ок. 1280) жалуется на „неразумныя (неповятныя) правила церковныя, — „помраченныя облакомъ мудрости еллинскаго языка“... Позднѣе жалобы подобнаго рода слышатся все чаще. „Книги писаны закрыто; отеческое ученіе прочитати не полезно“,— заявляютъ крылошане (люди духовнаго званія) Зиновію Отенскому († 1568). „Божественнаго Златоуста Бесѣды, говоритъ неизвѣстный авторъ „Статира“—зѣло не разумительны, не точію слышащимъ, но и чтущимъ; не точію отъ мірянъ, но и отъ священникъ и иностраннымъ языкомъ (написанными на иностранномъ, непонятномъ языкѣ) тая Златаустаго писанія нарицахуся“... Юрій Крижаничъ недоволенъ языкомъ всей вообще переводной славянской литературы: „переводчики замѣчаетъ онъ, безъ нужды внесли въ книги, не говоря о множествѣ латинскихъ словъ, нѣкоторыя греческія и нѣмецкія слова,—нашу рѣчь на свое копыто набили, извратили до основанія весь составъ и строй нашего языка, такъ что онъ сталъ не то русскимъ, не то греческимъ языкомъ“... („греки нашу бесѣду на своје копыто набили, се јестъ: вес составъ и обличје нашего језика по обзору на свој језикъ изо дна извратили и претворили, тако да ни он јест грескив ни он рускив језикъ“)... Неясность текста вообще зависѣла отъ незнанія переводчиками свойствъ и особенностей языка русскаго, и постоянного смѣшенія его не только съ церковно-славянскимъ,

но и сербскимъ, болгарскимъ, даже греческимъ. Эта сторона дѣла вѣрно подмѣчена однимъ изъ помощниковъ Максима Грека, Ниломъ Курлятевымъ, который говоря, о высококомъ образованіи Максима Грека, прибавляетъ: „А прежніе переводници нашего языка извѣстно (хорошо) не знали, и они перевели ино греческы, ово словенскы, и ино сербскы, и другая болгарскы, ихже не удоволишася предложити на рускій языкъ“... Всѣ указанныя обстоятельства рано вызываютъ потребность въ различнаго рода толкованіяхъ „неудобъ познаваемыхъ въ писаніи рѣчей“, появленіе толковыхъ словарей. Древнѣйшій изъ дошедшихъ такихъ словарей относится къ XIII вѣку (*Речь жидовскаго языка...*—рук. 1282 г.); другой изъ болѣе раннихъ принадлежитъ къ нач. XV в. (рук. 1431,—*Толкованіе неудобъ познаваемымъ въ писаніи рѣчемъ*)... Въ XVI в. такихъ словарныхъ статей встрѣчаемъ уже довольно много и различныхъ. Въ XVI—XVII вв. являются кромѣ того особые сборники-энциклопедіи, такъ наз. *Азбуковники*, о которыхъ мы говорили выше, задача которыхъ—толкованіе не только „неудобъ познаваемыхъ рѣчей“, но и вещей, сообщеніе разнаго рода необходимыхъ въ жизни, популярныхъ свѣдѣній и знаній...

Трудъ Беринды, вмѣстѣ съ ближайшимъ предшественникомъ своимъ, „Лексисомъ“ Л. Зиданія,—по своимъ цѣлямъ и содержанію съ одной стороны тѣсно примыкаетъ къ болѣе раннимъ краткимъ словарнымъ статьямъ, съ другой—въ энциклопедическимъ „Азбуковникамъ“,—при чемъ достоинства своими иногда значительно превосходитъ не только первыя, но и послѣдніе.

Сравнительно съ болѣе ранними словарными статьями, встрѣчающимися въ рукописяхъ, трудъ Беринды прежде всего отличается значительной обширностью своего содержанія. Уже „Лексисъ“ Зиданія въ этомъ отношеніи представлялъ большой шагъ впередъ и, объемомъ своимъ значительно пре-

восходилъ всё болѣе ранніе опыты толковыхъ словарей; „Лексиконъ“ гораздо обширнѣе „Лексиса“,— послѣдній почти цѣликомъ вошелъ въ трудъ Беринды, составляя собой лишь незначительную часть его общаго содержанія.

Самый характеръ содержанія въ „Лексиконѣ“— другой, чѣмъ въ болѣе раннихъ статьяхъ и въ „Лексисѣ“ Зизанія. Оно разностороннѣе, энциклопедичнѣе. Въ этомъ отношеніи „Лексиконъ“ Беринды представлялъ уже ближайшій переходъ къ энциклопедическому составу Азбуковниковъ... Кромѣ толкованій чисто филологическихъ, въ трудѣ Беринды встрѣчается не мало объясненій богословскихъ и по философіи, встрѣчаются попытки объясненій грамматическихъ, формъ, частей рѣчи,—даются объясненія по питивѣ и реторикѣ, по естествознанію, изъ области быта, народныхъ суевѣрій и т. д. и т. д. Очень многихъ изъ этихъ объясненій, особенно научныхъ, нѣтъ и въ Азбуковникахъ... Филологическія толкованія „Лексикона“, какъ и въ „Лексисѣ“ Зизанія обыкновенно состоятъ въ объясненіи иностранныхъ и славянскихъ словъ—словами малорусскими или польско-русскими; тѣмъ же путемъ нерѣдко поясняются и слова чисто русскія, т. е. великорусскія, простонародныя. Самыя объясненія—глубже, разностороннѣе, отличаются бѣльшей обстоятельностью, такъ сказать, ученостью; Беринда нерѣдко ссылается на языки еврейскій, греческій, латинскій,—сближая слова этихъ языковъ съ славянскими. Уже въ „Лексисѣ“ Зизанія обнаруживаются попытки объясненія словъ болѣе или менѣе отвлеченныхъ; въ „Лексиконѣ“ Беринды такихъ объясненій еще больше. Въ болѣе раннихъ рукописныхъ словарныхъ статьяхъ нерѣдко дѣлались объясненія именъ собственныхъ; въ „Лексисѣ“ у Зизанія объясненій собственныхъ именъ совсѣмъ нѣтъ; у Беринды объясняются изъ нихъ очень многія,—греческія, еврейскія, и др., при чемъ объясненія иногда очень подробны, съ ссылками на библейскія и другія книги, гдѣ

эти имена встрѣчаются. При объясненіяхъ энциклопедическаго характера особенно любопытными и важными являются въ Лексиконѣ Берынды попытки къ бѣльшей научности, критичности сообщаемыхъ свѣдѣній. Въ этомъ отношеніи содержаніе „Лексикона“ по своимъ достоинствамъ—конечно съ точки зрѣнія тогдашней „науки“—выгодно отличается не только отъ болѣе раннихъ рукописныхъ словарныхъ статей и „Лексиса“ Зизанія, но и отъ позднѣйшихъ Азбуковниковъ, хотя послѣдніе неизмѣримо превосходятъ трудъ Берынды общей массой содержанія.. Впрочемъ, мѣстами—не говоря о бѣльшей научной критичности—„Лексиконъ“ иногда превосходитъ Азбуковники и въ послѣднемъ отношеніи; о многихъ предметахъ, о которыхъ мы читаемъ у Берынды, въ Азбуковникахъ или совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній или, если и упоминаются,—сообщаются свѣдѣнія не столь обстоятельныя, а иногда и вѣрныя, какъ у Берынды. Въ Азбуковникѣ, напр., изданномъ Сахаровымъ, мы не находимъ свѣдѣній объ „арифметикѣ“, „звѣздозаконіи“, „философіи“, „стихіяхъ“ и мн. др.,—помѣщенныхъ у Берынды. Нельзя не замѣтить впрочемъ, что на текстъ, изданный Сахаровымъ, полагаться трудно; съ издаваемыми текстами онъ вообще не церемонится, какъ это видно и при сличеніи находящагося у него текста „Лексикона“ Берынды съ подлиннымъ... Собственно филологическихъ толкованій въ Азбуковникахъ вообще больше, чѣмъ у Берынды; но въ то же время иногда въ Азбуковникахъ напр. опускаются толкованія такихъ словъ славянскихъ или славянорусскихъ, какъ: „благодарный“, „благодаривый“, „благодареніе“ и т. п.; совсѣмъ не встрѣчается объясненій словъ чисто русскихъ, простонародныхъ,—нѣтъ объясненій именъ собственныхъ, и т. п. Хотя, съ другой стороны, въ Азбуковники внесено не мало новыхъ толкованій,—словъ латинскихъ, греческихъ, малорусскихъ и польско-русскихъ. Въ послѣднемъ случаѣ иногда приводятся тѣ же слова, какія читаются и у

Зизанія или у Беринды,—но только въ обратномъ порядкѣ: слова, объясняемыя у Беринды, дѣлаются объясняющими въ Азбуковникахъ; напр. у Беринды: „Воинъ—рицеръ, жолнеръ“; „Кошунство—жартъ“, и пр.; въ Азбуковникахъ: „Жолнеръ—воинъ“; „жартъ—кошунство“ и т. д. Языкъ объясненій у Зизанія и Беринды—малорусскій или польскорусскій; въ Азбуковникахъ, конечно,—великорусскій.

Трудъ Беринды былъ вполнѣ самостоятельнымъ. Авторъ работалъ надъ „Лексикономъ“ около 30 лѣтъ. Исторію труда, обстоятельства, сопровождавшія его изданіе и самую цѣль труда авторъ указываетъ въ предисловіи... „Пребывая иногда въ дому пресвѣтломъ, любомудрый читателю, благочестивого пана Θεодора Балабана—разсказываетъ здѣсь авторъ—мужа мудрости книгъ божественныхъ и знающихъ сіа зѣлна рачителя, видѣхъ, яко въ своей вивліюицѣ имаше во множествѣ книгъ и Вивліа святаа пятми языки, еврейски, халдѣйски, еллински, латински и сирски, Новый Завѣтъ з толкованми именъ вівлійныхъ, въ Антверпніи типомъ изданная,—и събесѣдованми мене же и прочіихъ славенская Вивліа исправленная издати въжделевъ, святѣйшаго Мелетіа, патриарху алексвндр., писмены съ дары моляше, да послегъ ему Вивлію еллински 70 томъ. типомъ или перомъ начертанную, токмо подписомъ руки своей, яко чиста есть отъ блудовъ и измѣнъ иновѣрцовъ, свидѣтелствованную. Между же сими понуди и мене, аще и проста, но туюжде ревность имуща, реченія и имена славенская избирати, аки не у сущу тогда лексикону, развѣ любомудра киръ Лаврентіа Зизаніи, тогда дидаскала, нинѣ же пресвитера, его же и здѣ привнесеніе и исправленіе явственню буди: оттуду убо начало вземъ азъ, егда смръть моего благодѣтеля тѣмъ и мною запятъ, отъ различныхъ книгъ и трудовъ, паче же отъ толкованія преп. Максима святогогорца, Мануила ритора и инѣхъ. Еще же по мно-

зѣхъ лѣтѣхъ, призванъ къ исправленію Бесѣдъ Посланий Апостолскихъ въ типографію, и въ ней дволѣтіе поощенствую прилежавъ, производники, на краяхъ тамо оставленные, здѣ съ числомъ до листа и нетолкованны нѣкіе вписовавъ, равнѣ творя и отъ Бесѣдъ Дѣяній Апостолскихъ,—сей Лексиконъ събрахъ и съвокупихъ. Видя же отъ могущихъ трудъ сей презираемъ, не инамо, но въ поощреніе искуснѣйшимъ и въ ползу спудеемъ, благодати Христовой и молитвамъ любви же благодателей ми и презѣльныхъ вручився, зане много разорителей и хулниковъ къ сему обрѣтая, помощниковъ же и зидателей, якоже нѣгде речеса, велми мало: къ сему отъ благородныхъ ми въспріатія худости моея дому не мало истрошивъ, се типомъ, отъ многихъ кратко събравъ издаю, яко множайшая оставихъ, утѣшаяся онѣмъ св. Хрисостома: нѣсть, рекша, нѣсть исчерпати когда ума Писаній, источникъ бо нѣкій есть не имѣяй конца“... Въ посвященіи составитель замѣчаетъ: „Назвиска речій и имена власныи людей, горъ, нагорковъ, лѣсовъ, рѣкъ и розныхъ урочищъ, розмаитыхъ діалектовъ: сирскаго, халдейскаго, еврейскаго, греческаго, латинскаго и власнаго нашего словенскаго вкупу, хоть то не такою, явая бы належала, широкостью згромадивши, и тую працу мою, смѣле реку тридцатолѣтнюю хотю Лексиконъ, по словенски Реченикъ, а по латини Дикціонарь, назвавши, працею усердною и коштомъ моимъ, ото типомъ на свѣтъ выпускаю“...

Въ числѣ источниковъ, которыми пользуется Берында, первое мѣсто принадлежало *Лексису* Зизанія,—какъ указываетъ и самъ Берында. „Лексисъ“ дѣйствительно вошелъ, какъ уже замѣчено, въ „Лексиконъ“ почти сполна. Берында очень рѣдко заимствуетъ буквально: обыкновенно заимствуемое Берында или значительно пополняетъ, давая болѣе подробныя и обстоятельныя толкованія, или вообще измѣняетъ редак-

цію. Нѣкоторыя слова пропускаетъ. Очень нерѣдко Берында пользуется и двумя извѣстными древне-славянскими упоминавшимися словарными статьями *Толкованіями неудобъ познаваемыхъ въ писаніи рѣчей*, 1282 и 1431 гг. Главные же источники „Лексикона“ Берынды — самостоятельныя выборы авторомъ изъ различныхъ книгъ, рукописныхъ и печатныхъ. Эти послѣднія Берында указываетъ самъ. Въ „Лексиконѣ“ Берынды цитируются: книги св. Писанія,—Бытія, Исходъ, Левитъ, Числь, Кн. Ис. сына Сирахова, Іереміи,—творенія отцовъ церкви: Кирилла Іерусалимскаго (col. 39. 131. 167), Василя Великаго (col. 15), Григорія Богослова—слово на смерть Василя Великаго (col. 195), Ефрема Сирина (col. 89), Іоанна Златоустаго (col. 40. 45), Іоанна Кассіана Римлянина—„Колловій“ (col. 339), Кирилла Александрійскаго (col. 236), Іоанна Лѣствичника (col. 101. 131. 154. 167. 172), Андрея Критскаго—Слово на рождество пр. Богородицы (col. 100. 138), Каллиста, „еп. римск.“ (col. 140), Дороея (col. 236), Теофилакта (col. 390), Іоанна Дамаскина (col. 29. 155). Кромѣ того цитируются: Іоаннъ экз. Болгарскій (col. 89), Никонъ Черногорецъ (col. 100. 169. 172),—печатныхъ изданія и рукописи: *Уставъ* (col. 108), *Книжица акафист* (col. 188), *Еванг. Учит. тип. Кринос.* (col. 197), *Прологъ*, (col. 217. 229), *Номоканонъ* 1620 г. (col. 230), *Нѣккіи повѣсти* (col. 101), *Скитскій Патерикъ* (col. 341. 352), *Патерикъ слов. чуд.* (col. 98), *Маргаритъ* (col. 240), *Четь-Минеи* Магарія (col. 365), *Подлинникъ* („з Подлѣнни“, col. 332), дѣлаются ссылки на Оувидида (col. 235), Аристотеля (col. 235), книгу Арменопула, и нѣк. др. сочиненія. Содержаніе „Лексикона“ гораздо обширнѣе „Лексиса“. Объясненія иностранныхъ словъ выдѣлены въ особое приращеніе и представляютъ какъ-бы вторую часть. Объяс-

неній энциклопедическаго характера здѣсь еще больше... *Лексикономъ* Беринды пользовался между прочимъ составитель *Алфавита* XVII в., находящагося въ рук. Рум. Муз. [№ 2]: онъ заимствуетъ изъ него многія объясненія словъ, въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ и у Беринды, перелагая ихъ только иногда съ западно-русскаго языка на церковно-славянскій. Составитель *Алфавита* не скрываетъ своего источника, и нерѣдко ссылается на „*Лексиконъ*“ [*Любопытный западно-русскій словарь* находится при *Острожской Библии* 1581 г., въ экземплярѣ о. архим. Леониды, и напеч. имъ въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древн. росс.*, 1884, в. 2, стр. 1—18].

Для нагляднаго сличенія трехъ памятниковъ—приводимъ параллельно нѣсколько отрывковъ изъ *Лексиса* Зизанія, *Лексикона* Беринды и *Азбуковника* XVII в., изданнаго Сахаровымъ:

въ Лексисѣ:

у Беринды:

въ Азбуковникѣ:

Этого слова нѣтъ.

А—двойственное число, *Этого слова нѣтъ.*
ихъ.

Этого слова нѣтъ.

Авель, чрезъ алефъ: плачь, скорбь, жалость, плачь великій, жаловане; мѣсто, которое 12 миль отъ Гадаровъ, на востокъ солнца лежитъ (*цитаты изъ Библии*)... Есть и село въ седмѣхъ Филадельфій каменю, гдѣ Іефеай съ Аммонитами вагчил Авеа (*цитаты*). Авель чрезъ ге. на початку: суета, прожность, албо дыхане; або сирски пара, або каджене, дымъ, або жарность

Авель—пара.

въ Лексикѣ:

у Берынды:

въ Азбуковникѣ:

(препутіе), або нѣкчемность. Сынъ Адамль (*цитата*). Евель или авела: плачь. Имя мѣсту (*цитата*), которое и Авель; зри выше тылко ге есть придано до порушеня.

Акриды—вершки деревяные, путя и тыжь коники.

Акриды: трава, або зеле, котрого корень въ коло себе иныхъ зелій еже есть и трава ея, же смак притягает, вдячный соломонъ наричетъ кадо вкушеня и трвалый парю; нѣцій глаголють въ сытости есть. Тожь зелію быти пругомъ, иніе зри и пружіе. а пружи глаголють вершіе дуба; тогож имене, коники за есть же и овощъ дикой. подобообразіе цвѣта и корене оного зеля. О семъ чти книгу реченную Корнукопіе (*далше цитаты изъ Толк. Апок. и Библии*). И пружи единоиенность зелію (*цитата*), гадъ птичныхъ различна рода.

Акриды—Пружіе или Чессы наричуть Саранча; трава ея, же смак притягает, вдячный соломонъ наричетъ кадо вкушеня и трвалый парю; нѣцій глаголють въ сытости есть. Тожь зелію быти пругомъ, иніе зри и пружіе. а пружи глаголють вершіе дуба; тогож имене, коники за есть же и овощъ дикой.

Этого слова нѣтъ.

Акростихисъ, краегрань: рожай верша такъ строчіе, зложенны, же на вышшіи литеры и головныи ное, мыкають, презъ главы вершовъ переходячи.

Акростихида, краеграненіе, Аростихъ, начало строчшіи литеры и головныи ное, рекше начальное имя яко, або мову замышкають, презъ главы вершовъ переходячи.

Этого слова нѣтъ

Аллігоріа: иновѣщаніе, или иноказаніе (*цитаты*); фигура, гды иное розумом, иное словы оказуется (*цитата*).

Этого слова нѣтъ.

въ Лексисѣ:

Этого слова нѣтъ.

у Берынды:

А р и е м е т и к а: числительная; художество, яже счисляти число; наука личбы; хитрость мѣры; фортел рахованя. Пятая наука вызволеная.

въ Азбуковникѣ:

А р и е м о с ь — число.

Этого слова нѣтъ.

А р т е м и д а: пріятна Артемида была бо- жрѣтва или цѣла, лат. гиня въ Ефесѣ, а тогда Диана, отъ нея названа куется прахъ. есть, для того же маеть ясность подобную днени; и мѣсяць тым именем зовут. Имя богини либо идола въ Ефесѣ, той Артемиды прообразно, луна. (ссылка на 1. и ст. Библии).

Этого слова нѣтъ.

А с і а — какастаа, мут. болот ти, вязнучаа, плюгав. Меншаа часть Асиі, котраа за третюю часть свѣта бываеъ разумѣна; тыи въ собѣ замыкает дрѣжавы: Фригію, Памфилю, Киликію, Ликаонию, Галатию, Корию и иншіи и Ефесъ таа опроч востодней части, котраа до Каппадокии и Сириі поступаету отвсюду морем ест окружена. Тую разумѣют тепер же Туркію зовет. Таа часто ея поминает в Дѣа. ап. (ссылка на 1. и ст. Дьяниі).

Этого слова нѣтъ.

Этого слова нѣтъ.

А с п и д а — ужъ малый, Аспидъ камень есть ѣдовитый змѣй (ссылка на Псалт.) або зміа (ссылка на кн. Левитъ.) устьи Фермодаты рѣки и на Аманійстей рѣцѣ,

въ Лексикѣ:

у Берынды:

въ Азбуковникѣ:

требѣ же есть въ Пили-
тіи.

А спидъ есть змія
крылатая, носъ имѣеть
птичій и два хобота. А
въ коей землѣ вчипится,
ту землю пусту чинить.
Живеть въ горахъ ка-
менныхъ, не любитъ же
трубнаго гласа. Видомъ
пестра всякими цвѣты; а
на земли не садится, ток-
мо на камни. Обояницы,
пришедше обояти ю, ко-
пають яму, садятся въ
яму съ трубами и покры-
ваются дномъ желѣзнымъ,
и замазываются сункли-
томъ и ставятъ у себя
угліе горящее и разже-
гаютъ клещи. Еда бо за-
играють въ трубы, тог-
да засвищеть, яко по-
трястися горѣ и приле-
титъ къ ямѣ и ухо свое
положитъ на землю, и
другоезаткнетъ хоботомъ,
и начинаетъ битися. Че-
ловѣцы-же, ухвативше ее
клещами горящими, дер-
жатъ крѣпцѣ. Отъ ярост-
и же сокрушатся клещи
ни едины, но двои и троя,
и такъ сожжена клеща-
ми умираеть.

Этого слова нѣтъ.

Астрономіа — звѣз-
дозаконіе, албо звѣздохот-
наа семаа наука вызво-
ленаа.

Астрономіа — звѣз-
дозаконіе.

Благоденствую — Благоденствую —
счастить ми ся. щастит ми ся.

въ Лексисѣ:

у Беринды:

въ Азбуковникѣ:

Благочестіе— бого- бойность, побожность, на- боженство.

Благочестіе— бого- бойность, побожность, доброе о Богу разумѣне, и доброе его хвалене, набоженство, релѣа (смы- ка на ил. и ст. Ев. Мар- ка).

Этого слова нѣтъ.

Богъ—от богатства, ижъ всебогатный всѣхъ обогащующій. Богъ есть по любомудрцѣхъ внѣш- нихъ умъ, по богослов- цѣхъ-же духъ. От *Латер:* рече един от от: яко аще вѣсть инок мѣсто имѣющее успѣяніе, и пот- ребъ ради тѣлесных не хочет ити тамо, съи не вѣрует яко есть Богъ.

Вѣдро—погода.

Вѣдро—погода (смы- ка на ил. и ст. изъ Ев. Мар.).

Этихъ словъ нѣтъ

Взвѣщеніе—оповѣда- нье, умъ вперяю; розумъ данье. якъ троздегъ чаю, албо тонко размышляю.

Взвѣщеніе—отповѣ-

Взываю—закликаю.

Этого слова нѣтъ.

Воинъ—жолнеръ.

Воинъ—рицеръ, жол- неръ.

Воинство — жолнер- ство.

Воинство — жолнер- ство, войско.

Воинствую — жолнер- ствомъ ся бавляю.

Воинствую — жол- нерскою ся бавляю, воюю.

Время—часъ.

Время—часъ, филя.

Временный — дочас- ный.

Временный— дочас- ный.

въ Лексикѣ:

у Беринды:

въ Азбуковникѣ:

Этого слова нѣтъ.

Геометрія — землемѣріе (*смысла*).

Геометрія— Планидная книга.

Господь—пань,

Господь — пань, то есть маючій поважность, зацный, непосполитый, особливый, хѣрос, доміцис. Съ титуломъ пишется.

Этого слова нѣтъ.

Гусли—арфа, люти, скрипица.

Гусли—скрипица: обще дудка; метафор: то есть образующе, толкуется мысль.

Глумъ—подраженье.

Глумъ — подражене, смѣхъ, жартъ; въ глумъ — на смѣхъ, на жарт.

Демонъ—бѣсъ, чортъ.

Этого слова нѣтъ.

Дѣлма—дѣля.

Этого слова нѣтъ.

Этихъ словъ нѣтъ.

Дѣло—учинокъ.

Дѣло—учинокъ, справа, работа, скутокъ.

Дѣтище—дѣтя.

Дѣтище—дѣтя, хлопецъ, або дѣвчина. Средне бо есть, або немовятко, пеленчатко: або рожай, плодъ, поколѣня, або потомство. Дѣтищъ, значить быти лѣт 7.

Животъ—мешканье и тыжъ скарбъ, гроши.

Животъ—живот, богатство, мешканье, або брухъ, або жолудокъ, также матица, и тыжъ: скарбъ, грошѣ.

Этого слова нѣтъ.

Жилецъ — маленькія жилки, або артири, т. е.

въ Лексикѣ:

у Вормиды:

въ Албуковникѣ:

стежки духа, огорнене
духа (смылка).

Этого слова нѣтъ.

Землемѣріе или
землемѣрство, з еллин-
скаго: геометрія, сирѣчь
размѣрительнаа. Есть сіе
художество зѣло полезно
къ размѣренію градов-
ства, и путій, и къ инымъ
вещемъ паче болшимъ.

Этихъ словъ нѣтъ.

Извергъ—дитя мертво-
нароженое.

Извергъ—недоносокъ,
вывергъ, албо дитя мертво
нароженое, выпоротокъ.
(смылка).

Извитіе — хитрость, Извитіе — хитрость, Извитіе словесъ —
штука, извитіе словесъ, штука. Извитіе хитрословіе.
штучное мовленье, хит- притчѣ—штучными при-
рость въ мовѣ. повѣсти. Извитіе сло-
весъ—штучное мовенье,
хитрость в мовѣ.

Извѣтъ—доводъ.

Извѣтъ—причина, за-
мовка, любъ правдиваа,
любъ неправдиваа вы-
мовка, видъ, оказія, т. е.
приступъ, погода ку яко-
вой речи. Извѣтъ—до-
водъ, причина.

Этого слова нѣтъ.

Изящество — выбор-
ность.

Изящество — знаме-
нитость, превышанье, вы-
борность, крѣпость (смыл-
ка).

Этого слова нѣтъ.

Искусство — умѣт-
ность, свѣдомость.

Искусство — муд-
рость, умѣтность, до-
свѣдченье, свѣдомость.

Этого слова нѣтъ.

въ Лексикѣ:

Этого слова нѣтъ.

у Беринды:

Исторіа — свѣдокъ Исторія, — книга со-
всѣхъ вѣковъ, албо дѣи, держащая въ себѣ иже
правдивое выписане про- въ древнихъ бывшихъ
шлыхъ речей (*смысла на дѣяній исповѣданіе, по-*
Ев. Марка). подобно Хронографу, кромѣ

въ Азбуковникѣ:

лѣтняго числа времени. Хронографъ бо наричет-
ся, понеже не токмо дѣя-
ніа бывшая въ древнихъ
родѣхъ повѣдаетъ, но и
числа лѣтъ тѣхъ временъ
въ себѣ объемлетъ, еже
въ кое отъ Адама лѣто
бысть вещь та и та. Ис-
торія же не тако, но точ-
но въ древнихъ родѣхъ
бывшая повѣдаетъ; лѣто
же, еже въ кое число
бысть, сего не содержитъ.
Тѣмъ-же разумно отъ се-
го всѣмъ да будетъ, яко
иное есть лѣтописецъ,
ино исторія. Аще и на-
ричутъ вѣдцы и пишутъ
исторію лѣтописцемъ, то
невѣдѣніемъ.

Кощунство—жартъ. Кощунство—жартъ, *Этого слова нѣтъ.*
блаженство, трефництво.

Ликъ—танецъ. Ликъ — зестье, албо *Этого слова нѣтъ.*
згромажене спѣваковъ:
любъ грачовъ, или та-
нецъ.

Неясыть — по грецку *Этого слова нѣтъ.*
пелеканъ, птахъ есть въ
Египтѣ, подобный бусю-
лови.

Неясыть — есть пти-
ца подобна журавлю, а
творитъ собѣ гнѣздо на
высокихъ дрвѣхъ, или
каминѣхъ, или столбѣхъ,

въ Лексикѣ:

у Борыкды:

въ Азбуковникѣ:

а клеуетъ змѣй, и того ради змѣи враждуютъ на ню. И егда узрятъ ея отлетѣвшу отъ гнѣзда, тогда возлзе на древо и убиваютъ дѣти ея смертоноснымъ ядомъ. Она же видѣвше дѣти своя мертва, ставши надъ ними, прокляжавъ ребра своя, испущаетъ на нихъ кровь свою, и кровію ея пакы оживляются птенцы.

Этою слова нѣтъ.

Нощный вранъ — слѣповоронъ, птица си плачлива есть, и на ныришихъ и на здѣхъ, ту любить сѣдати.

Этою слово нѣтъ.

Нырище — съ песку домокъ, ямка.

Нырище — съ песку домокъ, ямка, гнѣздо.

Ныръ — столбъ каменный.

Этою слова нѣтъ.

Олимпіа — тризнице еллинское, отъ 4-хъ 1-е. Въ немъ подвижникомъ побѣжднымъ даваху вѣнецъ отъ маслины (*смысла на Гр. Бол.*).

Этою слова нѣтъ.

Онокентавръ — звѣрь вѣякій, отъ головы якъ челоуѣкъ, а отъ ногъ яко осель, по словенску китоврасъ.

Онокентавръ — китоврасъ, звѣрь отъ головы якъ челоуѣкъ, а отъ ногъ осель (*смысла на Гр. Бол., надѣроб. Вас. Вел. кн. Исая*).

Онокентавръ — звѣрь китоврасъ, ижъ отъ головы яко челоуѣкъ, а отъ ногъ аки осель.

Онокроталь — птахъ подобный кшталтомъ лебедви, который носокъ лебедю

Онокроталь — росгупадо, птахъ подобный птица, подобна лебедю

Онокроталь — есть лебедю (*смысла на кн. и вложивши носъ въ во,*

въ Лексисѣ:

у Берынды:

въ Азбуковникѣ:

уложившій въ воду, гу- *Лев. и Соф.*
китъ якъ осель; гупачъ,
гуювище.

ду, гукаетъ аки осель.

Этого слова нѣтъ.

Палестина—покроп- Палестина—Іеруса-
ленное, попелом або по- лимская земля.
рохомъ, або упадокъ при-
ложеный, або двоякій,
або упадку напою, або
упавъ пьючій. Еврейски:
пелесе, крайна Сирія, въ
котрой Іерусалимъ. Фи-
листими тож тлк (*ссылка*
на гл. и ст. Библии), лю-
де, котрых толковницы
аллофилус, то ест чуже-
земцами, зовут. Сл. ино-
племеници (*ссылка на гл.*
и ст. Библии).

Папа—тато, отецъ, попъ, Папа — попъ, тато, Папа—дивный, превыш-
отецъ, папежъ, зацный ній чинъ.
отецъ; албо отецъ от-
цевъ многихъ. Называли-
ся перше тымъ именемъ
папасъ всѣ духовныи,
или гдѣ весь причеть
церкве, и литургіа повся
дни, число 362 испол-
няется [$\overset{\text{т}}{\text{п}} \overset{\text{т}}{\text{а}} \overset{\text{т}}{\text{п}} \overset{\text{т}}{\text{а}} \overset{\text{т}}{\text{с}}$].
А особливе патриархъ
александрійскій назы-
вается папа Зри въ име-
нехъ папа.—Здѣсь, подъ
сл. папа читаемъ: та-
то, отецъ (*ссылка*).

Этого слова нѣтъ.

Перунъ—громъ.

Этого слова нѣтъ.

Позорище — мѣстце, Позорище — пляць, Позоръ—еже что бы-
гдѣ ширмуютъ, албо ку- шранки, гдѣ ся игрискомъ ваеъ со удивленіемъ
внты или комедію спра- присмотруютъ. зримо, или безъ удивле-
вуютъ. нія. Егда человекъ со

въ Лексикѣ:

у Верынды:

въ Азбуковникѣ:

человѣкомъ борясь одолѣть единъ другаго, се нѣсть позоръ; видимаго бо видимый одолѣ. Егда же видимый человекъ борясь съ невидимымъ врагомъ и одолѣеть его, се есть съ удивленіемъ зримо.

Этого слова нѣтъ.

По прище—миля (смыслъ); въ той замыкается 1000 кроковъ, або осмь стадій, стаіовъ, гоновъ; той *Дѣти*; нини же глазри стадіонъ. А верста—пятаа часть милѣ полскоій; по ннѣхъ миля астрономскаа кроковъ 4000, чверть милѣ 1000 кроковъ, крокъ 4 стопы, стопа 4 долони, долонь 4 палцѣ.

По прище—верста, и имать саженой 750. Сице о семь пишется въ *Зластадіи*, глазри же глазри стадіонъ. А верста—голотъ, яко поприще имать 1000 саженой.

Прузи—коничики пружіе, вершки деревянные, пуча и тыжъ коники.

Прузи, пружіе — коничики, кобылки, саранчя; вершки дерева, зѣля, вій, акриды. Прузи—кобылки, саранчя, бо на тую цвѣтъ еи подобенъ, але смаку вядчного и трвалого конень еи. Пружіе, дѣто росльки з дерева, вершки древяныи, пуча, си есть; овощіе дивіе (смысла на *гл. и ст. Еван. Тип. Крылос*).

Пружіе—трава, зеліе, вершіе дуба, овоць дичя; вершки травныи, поѣдають траву и всякъ плодь земный, скачуть до высоты и паки падають на землю.

Этого слова нѣтъ.

Роженница — (смысла на *Быт.*) матица, породѣля, пороженница.

Рожаницы, тако елиністи звѣздословцы наричуть седмь звѣздъ, глаголемыхъ планиты. И кто въ кую планиту родится, той по той планитѣ любо-

въ Лексикѣ:

у Берынды:

въ Азбуковникѣ:

прется предвозвѣщати нравъ младенца, или къ комъ естествомъ уклонителенъ будетъ. И того ради рождагося въ планиту Аррисъ, они мнятъ быти нравомъ яра и гнѣвлива и дерза въ бранѣхъ. Рождагося въ планиту Афродиту мнятъ быти сластолюбца. Сице и о прочихъ планитахъ толкуютъ.

Селеніе Кидарское—домъ татарскій, и аже есть сугубъ единъ на колесницы, а другій въ земли ископанъ. *Этого слова нѣтъ.*

Кидаръ языческая страна. Въ писаніи бо глаголется: вселихся съ селы Кидарскими. Въ грамматикѣ толкуется: дома татарскіе, иже суть сугубы единъ на колесницѣ, другой въ землѣ ископанъ. Иніи толкуютъ кидаръ—тма, мракъ, а индѣ митра, еже еврейскіе архіереи ношаху на главѣ своей вмѣсто вѣнца, еже индѣ увязломъ наричется, а индѣ тов митру клобукомъ зовутъ.

Этого слова нѣтъ.

Стихія—початки, элементъ, якъ земля, вода, земля, солнце и луна, воздухъ, огонь, с которыхъ то иншее створенье сѣтворено ест. А называются тежъ стихіями и лѣтеры азбучныя, ижъ з нихъ всѣ книги суть написаны. Стихія небесныя—сѣставы въздушныя, небесныя живіоты. Стихія—вещь, небо и да и воздухъ.

въ Лексисѣ:

у Верынды:

въ Азбуковникѣ:

Храбрый — мужной, дужій, военный, мужной, *Этого слова нтъ.*
дужій.
валечный, богатырь, ста-
лый, гойный, хоробрый.

Уена—есть двѣр дикій, **Оуена**—звѣря округное, **Уена**—медвѣдица, рысь
округный, которій при- безъ обернея шыи.
шедши до пастуховъ при-
тосовуетъ своей гомосъ
до чоловѣчого, и перевы-
каетъ имена пастушии, и
на змордованыи псы на-
падши, поидаетъ ихъ.

Художество—ремес- **Художество**—умное, **Художество**—хит-
ло. хитрость, ремесло, умъ- рость ремесла. **Худогъ**—
етность, наука книгъ. мудръ.

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, очень скоро возникшая лите-
ратура обращается и къ своей главной задачѣ—полеми-
къ съ католичествомъ и защитѣ православія. Этотъ отдѣлъ по
преимуществу содержанія богословскаго, отчасти церковно-
историческаго и обрядового. Историка литературы онъ можетъ
интересовать не главнымъ своимъ предметомъ, исключитель-
нымъ и спеціальнымъ, а приѣмами изслѣдованія предмета,
внутреннимъ настроеніемъ полемиста, подборомъ источниковъ,
которыми пользуется послѣдній, ихъ характеромъ и объе-
момъ,—словомъ тѣмъ общимъ интеллектуальнымъ складомъ и
характеромъ, съ которыми выступаютъ въ этихъ сочиненіяхъ
ихъ авторы. Для историка литературы особенно важнымъ
здѣсь является научный элементъ этого рода сочине-
ній, указывающій на степень образованія и подготовки ав-
торовъ; въ глазахъ историка литературы это—наиболѣе важ-
ная и существенная сторона западно-русскихъ полемическихъ

сочиненій. Полемика и съ той и съ другой стороны безпощадна, рѣдко соблюдаетъ безпристрастіе, очень часто придирчива и мелочна, но она хорошо рисуеть различные фазисы научнаго роста своихъ дѣателей,—полную безпомощность на первыхъ порахъ западно-русскихъ православныхъ, не имѣющихъ у себя еще никакихъ средствъ для борьбы и принужденныхъ постоянно обращаться къ помощи своихъ греческихъ единовѣрцевъ, снабжающихъ ихъ своими „листами“ и „посланіями“, нерѣдко даже выписывать съ дальняго Востока самыя рукописи и книги, необходимыя для борьбы,—смутную, нѣсколько сбивчивую въ началѣ богословскую мысль православныхъ полемистовъ, ихъ безсознательныя уклоненія то въ сторону протестантовъ, то католиковъ, различныя невольныя ихъ „ереси“ и „злохуленія“,—наконецъ, быстрый ростъ среди нихъ серьезнаго научнаго образованія, быстрое ознакомленіе съ массою первостепенныхъ источниковъ, богословскаго, историческаго и каноническаго содержанія, на прочь основательнаго знакомства съ которыми они начинаютъ уже серьезную борьбу съ своими учеными врагами. Въ виду широкаго общественнаго интереса происходившей борьбы, эта сторона разсматриваемаго отдѣла полемическихъ сочиненій была особенно важна: путемъ горячей полемики—въ средѣ западно-русскихъ православныхъ незамѣтно возникало и росло научное образованіе, распространялись серьезныя научныя знанія, крѣпла и развивалась критическая мысль. Съ этой точки зрѣнія, такія специально-полемическія сочиненія, какъ *Апокрисисъ* Христофора Филалета, *посланія* Іоанна Вишенскаго, *Ориносъ* Мелетія Смотрицкаго, *Палинодія* Захарія Копыстенскаго, *Лѣдосъ* Петра Могилы и др. п.—являются въ высшей степени цѣнными литературными произведеніями... Въ этомъ отношеніи весьма любопытно сравнить болѣе раннія западно-русскія рукописныя „обличительныя писанія противъ жидовъ и латинянъ“ перв. пол. и се-

редины XVI вѣка [въ сожалѣнію, очень мало сохранившіяся до насъ], или даже наиболѣе раннія печатныя произведенія, такія, какъ напр. труды острожскаго клирика Василія, Іоанна Вишенскаго, Стефана Зизанія, неизвѣстнаго автора *Перестроги*—съ позднѣйшими трудами конца XVI в.,—нач. XVII вв., Христофора Филалета, Копыстенскаго, Петра Могилы: первые—простые начетчики сравнительно съ послѣдними, нерѣдко поражающими обширностью и основательностью знавій...

Отмѣчаемъ главнѣйшіе факты литературной борьбы православныхъ съ католиками.

Прежде всего нельзя не отмѣтить группы упомянутыхъ сейчасъ полемическихъ сочиненій рукописныхъ,—сохранившихся случайно и встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ рукописныхъ сборникахъ лишь изрѣдка, но бывшихъ повидимому довольно многочисленными: сочиненія эти представляютъ собою наиболѣе раннюю ступень западно-русской полемики съ католичествомъ,—когда полемика эта стояла еще всецѣло на старой древне-русской почвѣ „обличительныхъ писавій“ „на богомерзкую“, „на поганую латину“,—и велась совмѣстно „противъ жидовъ и латинянъ“... Наиболѣе раннимъ и важнѣйшимъ центромъ этой начальной западно-русской полемической дѣятельности былъ повидимому Супрасльскій монастырь, находившійся въ перв. пол. XVI в. въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Памятниками, уцѣлѣвшими до насъ, отъ этой полемики—служатъ напр. рукописныя произведенія, находящіяся въ извѣстномъ, обслѣдованномъ А. Н. Поповымъ, *сборникѣ XV в. на обличеніе и на посрамленіе ляховомъ и латинямъ*, а также рядъ подобныхъ же произведеній, читаемыхъ въ другомъ такомъ же обслѣдованномъ имъ же Супрасльскомъ сборникѣ 1578—1580 гг., наконецъ, въ недавно найденномъ Кіево-Михайловскомъ сборникѣ нач. XVII в., списанномъ со сборника XVI вѣка. Найдутся, можетъ

быть, и другіе. Въ послѣднемъ сборникѣ находятся слѣдующія полемическія сочиненія:

Посланіе до латынъ изъ ихъ же книгъ, 1581 года (издано сполна проф. Петровымъ, въ „Трудахъ“ Кіев. Дух. Акад., 1894). „Посланіе“ направлено противъ книги Скарги „О единствѣ церкви Божіей“. Памятникъ этотъ между прочимъ любопытенъ потому, что представляетъ собою въ развитіи западно-русской полемической литературѣ „новый шагъ“, — когда эта литература стала основываться „уже не на легендарныхъ и сомнительныхъ смутахъ и толкахъ о римской церкви и ея исторіи, а на серьезномъ изученіи ея, по ея же источникамъ“... Въ этомъ послѣднемъ отношеніи разсматриваемое „посланіе“ является какъ бы предшественникомъ извѣстнаго „Апокрисиса“, — показываетъ и объясняетъ историческую возможность появленія у православныхъ этого замѣчательнаго произведенія. „Посланіе до латынъ“ доказываетъ, что „Апокрисисъ“ не долженъ быть считаемъ какою то неожиданностью въ западно-полемической литературѣ XVI вѣка, что онъ былъ естественнымъ завершеніемъ общаго роста всей западно-русской православной литературы, — завершеніемъ прежнихъ полемическихъ опытовъ въ этомъ родѣ, къ которымъ принадлежало и „Посланіе до латынъ“. Последнее имѣло не маловажное значеніе и въ дальнѣйшей полемикѣ западно-руссовъ съ католиками: этимъ „посланіемъ“ между прочимъ пользовался авторъ упоминаемаго ниже „Ключа царства небеснаго“, — имъ же пользовался несомнѣнно и авторъ одного полемическаго сочиненія 1597 года и т. п.

На богомерзкую, на поганую латину, которми папезжи, што что въ нихъ вымыслили въ ихъ поганой вѣрѣ, сказаніе о томъ. Нѣсколько безграмотное заглавіе едва ли не принадлежало кому-либо изъ позднѣйшихъ писателей: самое содержаніе много его толковѣ... Сказаніе направлено отчасти противъ той же книги Скарги и, можетъ быть, принадлежало

тому же автору, что и „Посланіе до латынь“. Не вступая открыто въ полемику съ ученымъ католическимъ писателемъ, доказывавшимъ „еретичество“ многихъ константинопольскихъ патріарховъ и вообще православнаго духовенства,—авторъ „Сказанія“ дѣлаетъ попытку фактически платить тою же монетою, и приводитъ съ своей стороны длинный перечень „еретиковъ“ въ ряду римскихъ папъ—еретиковъ до 25-ти, т. е. еще гораздо больше, чѣмъ сколько насчиталъ „еретиковъ“ въ Царьградѣ Скарга...

Поученіе новосложненное во Литваніи нарицаемымъ Цозлмъ Логоветовъ. Поученіе повидимому составлено въ періодъ 1595—1602 гг.; тайнопись Цозлмъ, находящаяся въ заглавіи и означающая очевидно имя автора—не поддается прочтенію. „Поученіе“ не имѣетъ исключительно полемическаго характера, и заключаетъ въ себѣ не столько полемику съ католиками, сколько вообще наставленія простому народу въ истинахъ вѣры, предостереженія отъ увлеченія католичествомъ и т. п.

Собственно въ печати,—полемика начата была іезуитами.

Уже въ 1577 году іезуитъ Петръ Скарга написалъ противъ православныхъ книгу: *O jedności Kościoła Bożego pod jednym pasterzem i o greckiem od tej jedności odstąpieniu, z przestroga i upominaniem do narodów ruskich*,—О единствѣ Церкви Божіей подъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отступленіи отъ этого единства, съ предостереженіемъ и увѣщаніемъ русскому народу“ [Wilno, 1577 г.]. Книга посвящена вн. К. К. Острожскому, съ которымъ авторъ былъ знакомъ давно, и посвящалась ему, конечно, въ видахъ ббльшаго успѣха ея въ средѣ православныхъ. Въ 1582 г. авторъ издалъ дополненіе къ ней, на лат. и польск. языкахъ—*O заблужденіяхъ русскихъ и причинахъ, по которымъ Греція отдѣлилась отъ римской*

церкви [Wilno, 1582], а въ 1590 году книга сполна переиздана была вторымъ изданіемъ (въ послѣднее время напеч. въ VII т. „Рус. Ист. Б-ки“). Книга Скарги имѣла особенно важное значеніе: она послужила прототипомъ для всѣхъ другихъ такихъ же сочиненій, писавшихся потомъ іезуитами и уніатами... Авторъ доказываетъ яко бы догматическія и каноническія отступленія русской православной церкви отъ истинной, первобытной, — сохраненіе преданій послѣдней лишь въ церкви римской, отсюда—необходимость для русской православной церкви соединенія съ римскою... Для православной западно-русской церкви—разсуждаетъ авторъ—нѣтъ и не можетъ быть другого выхода изъ того жалкаго, разстроеннаго положенія, въ какомъ она находится, какъ только возобновить состоявшееся нѣкогда на Флорентійскомъ соборѣ (1439) соединеніе съ католическою церковью подъ главенствомъ римскаго первосвященника, съ удержаніемъ своихъ восточныхъ обрядовъ. Греки безсильны оказать ей какую либо помощь, ибо и сами, находясь въ неволѣ, страдаютъ тѣми же нестроеніями, главное же погрязаютъ въ невѣжествѣ. Восточные патріархи никогда не заботились о русской церкви и намѣренно незнакомили русскихъ съ науками, чтобы удобнѣе обирать ихъ. Истинная наука и просвѣщеніе сіяютъ лишь въ римской церкви,—и соединившись съ католиками, православные не только положили бы тѣмъ предѣлъ торжеству надъ собою со стороны еретиковъ-протестантовъ, но привели бы и ихъ самихъ въ общему церковному единенію и тѣмъ способствовали бы совершенному уничтоженію ересей въ польско-литовскомъ государствѣ...—Одновременно издано было іезуитами нѣсколько другихъ книгъ полемическихъ или съ полемическою цѣлью. Такъ, наканунѣ Брестскаго собора, въ 1595 г., неизвѣстнымъ авторомъ, сторонникомъ уніа—предполагають, Ипатіемъ Поцѣемъ—напечатано было сочиненіе: *Унія, амбо выкладъ преднѣйшихъ артыкуловъ ку згод-*

ноченью грековъ с костеломъ римскимъ належащихъ [Вильна, 1595]. Подобная же книга была издана въ 1608 году: *Гармонія, альбо согласіе вѣры, сакраментовъ и церемоней св. Восточной Церкви с Костеломъ Гымъскимъ. Harmonia albo concordantia wiary, sakramentow y ceremoniey Cerkwi S. Orientalney z Kosciotem s. Rzymskim* [въ Вильнѣ, въ 1608 г.], написанная „до читателя христіанского, такъ русина, яко римлянина“. Книжка напечатана на западно-русскомъ языкѣ и лишь мѣстами на польскомъ [переизд. въ Рус. Ист. Б-вѣ, Спб., 1882, т. VII]. Содержаніе „Гармоніи“—краткое сопоставленіе ученій восточной-православной и западной-римской церкви,—о членахъ символа, о церкви, о таинствахъ, объ обрядахъ и постахъ и т. д., при чемъ авторъ старается показать сходство между тѣмъ и другимъ ученіемъ... И т. д. Въ опроверженіе этихъ первыхъ полемическихъ сочиненій іезуитовъ со стороны православныхъ были изданы:

Ключъ царства небеснаго, написанный Герасимомъ Даниловичемъ Смотрицкимъ, отцомъ извѣстнаго Мелетія Смотрицкаго и бывшимъ ректоромъ въ Острожской школѣ,—напечатанный въ 1587 году, вѣроятно, въ острожской типографіи [перепечат. въ прилож. къ изслѣдованію проф. Малышевскаго: Александрійскій патр. Мелетій Пигасъ, II, Кіевъ, 1872, и Голубевымъ, въ Архивѣ юго-западной Россіи, т. VII, часть первая, Кіевъ, 1887]. „Ключъ“ былъ отвѣтомъ на сочиненіе Бенедикта Гербеста, ректора Ярославской іезуитской коллегіи: *Wiągu koscioła Rzymskiego wywody. Greckiego niewolstwa historya dla jedności*. Авторъ „Ключа“, Гер. Д. Смотрицкій, какъ уже замѣчено выше, былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени въ средѣ православныхъ юго-западной Руси. Еще будучи городскимъ каменецкимъ писаремъ, онъ пользовался уже громкой ученой извѣстностью,—почему и былъ вызванъ вн. К. К. Острожскимъ въ Острогъ для заня-

тій по изданію *Библіи*. Время этого вызова въ точности не извѣстно; предполагають—еще до 1576 года. Въ Библіи Острожской Г. Д. Смотрицкому принадлежало, какъ мы видѣли, *предисловіе* и *вѣрши*... Стихи Смотрицкаго были плохи; но какъ полемистъ онъ пользовался большимъ уваженіемъ отъ современниковъ. Въ одномъ *Памфлетѣ* на Мелетія Смотрицкаго,—объ отцѣ его Герасимѣ Смотрицкомъ замѣчается: „Бысть въ та времена во Острозѣ мужъ именемъ Герасимъ, сынъ Даниловъ, подолинникъ, з Смотровеси, благочестивая мудрствуя и многу помощь и утѣху вѣрнымъ противу еретиковъ и отступниковъ писанми своими подая“... Изъ этихъ полемическихъ „писаній“ до насъ дошелъ лишь одинъ „Ключъ“. Умеръ Г. Д. Смотрицкій ок. 1594 года.

Особый сборникъ или *книжица* въ 6-ти отдѣлахъ, написанный нѣкимъ острожскимъ клирикомъ Василиемъ и изд. въ Острогѣ, безъ заглавія, ок. 1588 г. [Первый отдѣлъ написанъ: *О единой истинной православной вѣрѣ и о святой соборной апостольской церкви, откуда начало приняла и како повсюду распрострися*. Въ концѣ пятаго—подпись: „многорѣшный и худшій въ христіанѣхъ убогый Василей“; и далѣе ниже: „написася сія въ лѣто отъ созданія міра 7097, римлянѣмъ же пишущимъ отъ по плоти рожства господня 1588, по отщепенствѣ же ихъ еже отъ насъ въ праздникахъ лѣта 5“]...

Казанье св. Кирилла, патриархи Іерусалимскаго, о антихриствѣ и знакахъ его; з росширеніемъ науки противъ ересей розныхъ. Kazanie s. Cyrylla, patryarchy Ierolimskiego, o antichryscie y znakoch iego, z rozszyrzeniem nauki przeciw heresyom roznyom [изд. въ Вильнѣ, въ 1596 г.]. Это—западнорусская передѣлка 15-го „оглашенія“ Кирилла Іерусалимскаго; въ тексту „оглашенія“, авторъ присоединяетъ обширныя собственныя дополненія и разсужденія, возражая противъ приписываемыхъ православнымъ римскихъ догматовъ,

—доказывая, что послѣдніе указываютъ на признаки пришествія антихриста, что антихристъ уже пришелъ—въ лицѣ римскаго папы... За эти мысли и за самое изданіе книжки, Стефанъ Зизаній королевской грамотой былъ осужденъ на вѣчное изгнаніе изъ отечества. „Казанье“ посвящено кн. К. К. Острожскому... Между прочимъ, изъ книжки Зизанія видно, что уже въ это время, въ 1596 году, виленское братство владѣло типографіей съ четырьмя шрифтами: славянскимъ, готическимъ, латинскимъ и греческимъ... Противъ „Казанья“ Зизанія въ томъ же году была напечатана брошюра подъ заглавіемъ: *Flewy Stephanka Zyzaniey heretyka z cerkwi Ruskiej wykletego* (Wilno, 1596),—любопытная между прочимъ потому, что въ ней есть указаніе на другое, вышедшее незадолго передъ этимъ сочиненіе Зизанія и до насъ не сохранившееся—на его *Катехизисъ* [другая польская брошюра приводитъ даже извлеченія изъ этого Катехизиса].

Отписъ на листъ... Ипатія, володимерского и берестейскаго епископа, доясне оствѣщеного княжати Костентина Острожского, воеводы кievского, о залецанью и прехваланью Восточной Церкви з Заходнымъ Костеломъ унеи або зоды, въ року 1598 писанный, черезъ одного наменьшого клирика церкви острожской въ томъ же року отписанный. Въ концѣ замѣчено: „писанъ у Острогу, у школѣ вгредской Острожской“... Здѣсь же особое сочиненіе: *Исторія о листрикійскомъ, т. е., о разбойническомъ, Ферарскомъ або Флоренскомъ синодѣ, вкоротцѣ правдиве списаная* [„Отписъ“ сполна перепечатанъ въ приложеніяхъ къ кievскому изданію „Апокрисиса“,—Кіевъ, 1869 г.]. Кто былъ этотъ „клирикъ“ церкви Острожской,—сказать трудно; но во всякомъ случаѣ познѣйшіе изслѣдователи разъяснили, что это не былъ Острожскій пресвитеръ Василій,—съ которымъ смѣшалъ его преосв. Фидаретъ въ своемъ „Обзорѣ рус. литературы“... Отвѣтъ на „Отписъ“ И. Поцѣй напечаталъ тогда же, въ 1600 году, при изданіи *Антиррисиса* (Antirrisis, Wilno, 1600).

Книжица въ десяти отдѣлахъ [напеч. въ 1598 г., въ Острогѣ]. Здѣсь помѣщены: *Свидѣтельства вкратцѣ собранныя отъ божественныхъ писаній... о исхожденіи св. Духа отъ единого Отца*,—семь посланій александр. патр. Мелетія, присланныхъ имъ въ 1597—1598 гг. къ западно-русскимъ православнымъ, въ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ въ Острогѣ,—*посланіе* къ нимъ же кн. К. К. Острожскаго, отъ 24 іюля 1595 года, съ предостереженіемъ противъ готовящейся уніи, и *посланіе* о томъ же отъ иноковъ аеонскихъ. Книга издавалась—„на пользу и утверженіе православнымъ христіаннамъ“ [всѣ эти посланія и статьи „Книжицы“ перепечатаны въ изслѣдованіи проф. Малышевскаго, Мелетій Пигасть и пр., II, въ прилож.].

По поводу Брестскаго собора 1596 года, почти одновременно явились два сочиненія, впрочемъ, не имѣвшія полемическаго характера,—*Ekthesis abo krótkie zbranie spraw, które się działy na partykularnym, to iest, pomiastnym synodzie w Brzesciu Litewskim w Krakowie*, 1597 [Эктезисъ, или краткое изложеніе дѣлъ происходившихъ на помѣстномъ соборѣ въ Брестѣ-Литовскомъ] и *Synod Brezski i jego obrona* [Описанье и оборона събору руского Берестейскаго]. Первое написано православнымъ, второе—сторонникомъ уніи. Оба сочиненія излагаютъ исторію Брестскаго собора 1596 года, ходъ соборныхъ засѣданій, сношенія православныхъ съ уніатами и католиками, разсужденія, бывшія на засѣданіяхъ, наконецъ рѣшенія собора. *Ekthesis* извѣстенъ только на польскомъ языкѣ, хотя, вѣроятно, былъ изданъ одновременно и на западно-русскомъ языкѣ; второе сочиненіе издано было отдѣльно на польскомъ и отдѣльно на западно русскомъ языкахъ. Авторъ перваго не извѣстенъ; второе было написано Петромъ Сваргою [Эктезисъ перепечатанъ А. Н. Поповымъ, въ Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древн. 1879, кн. I. *Соборъ Берестейскій*—въ VII т. „Рус. Ист. Б-ка“].

По поводу появленія „Эклезіаса“, со стороны уніатовъ и католиковъ послѣдовало въ томъ же 1597 году на западно-русскомъ языкѣ *Справедливое описаніе дълъ и sprawy собора Берестейскаго*, до насъ не дошедшее, авторомъ котораго—предполагаютъ былъ И. Поцѣй; книга „Соборъ Берестейскій“ вызвала въ томъ же году изъ лагеря православныхъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ — *Апокрисисъ... „Апокрисисъ“* вызвалъ упомянутый выше *Антиррисисъ*, напечатанный въ Вильнѣ, въ 1600 г. Раздраженія автора „Антиррисиса“ указываетъ на силу впечатлѣнія, произведеннаго „Апокрисисомъ“... Христофоръ Филалетъ обвиняется въ открытомъ протестанствѣ и въ цѣломъ рядѣ всевозможныхъ „ересей“, а вся его книга—въ силошной лжи. „Самъ дьяволъ, выползши изъ ада, не могъ бы измыслить злѣйшей неправды, чѣмъ Филалетъ“, восклицаетъ авторъ Антиррисиса...

Вскорѣ послѣ 1606 года, изъ лагеря православныхъ вышло сочиненіе: *Перестрога* (Предостереженіе)—также одно изъ важнѣйшихъ полемическихъ произведеній времени, особенно характерное и цѣнное въ историческомъ отношеніяхъ. Ранѣе мы приводили нападки автора „Перестроги“ на современное высшее православное духовенство въ западной Руси,—на отсутствіе у православныхъ достаточнаго количества школъ, на крайнюю ничтожность вообще въ средѣ православныхъ образованія,—что, по мнѣнію автора, главная, наиболѣе существенная причина какъ общаго внутренняго разстройства русской церкви, такъ и отпаденія высшихъ слоевъ въ католичество... Кажется, это западно-русское полемическое сочиненіе нач. XVII в. было передъ глазами у нашего писателя конца XVIII в. Дамаскина Семенова Руднева († 1795), когда онъ въ своей *Библиотецкѣ Россійской* говоритъ о крайней недостаточности „училищъ“ въ древней Руси... Съ другой стороны—любопытны возраженія ввтора „Перестроги“ противъ „мудрости свѣтской“, противъ „арис-

тотелевой науки“, „поганской философіи“ и вообще „внѣшнихъ наукъ“; онъ видитъ особую милость Божію въ томъ, что Богъ „напервѣй мудрость свѣтскую отдалилъ отъ нихъ“... По замѣчанію позднѣйшаго изслѣдователя,—авторъ „Перестроги“ здѣсь отчасти повторяетъ З. Любберта, тоже отрицательно относившагося къ Аристотелевой философіи—въ іезуитскомъ ея пониманіи“... По догадкѣ позднѣйшихъ изслѣдователей,—авторомъ „Перестроги“ былъ человѣкъ свѣтскій, именно Юрій Рогатинецъ, „одинъ изъ видныхъ членовъ львовскаго братства, который принималъ горячее участіе въ церковныхъ дѣлахъ того времени, и извѣстенъ какъ писатель“... [*Перестрога* нап. въ *Акт. Зап. Россіи*, т. IV, № 149].

Чрезвычайно типичнымъ эпизодомъ первоначальной западно-русской полемической литературы является литературная дѣятельность Мелетія Смотрицкаго. Главнѣйшими полемическими сочиненіями Смотрицкаго были *Плачь Ортолога* (1610) и *Апология путешествія на Востокъ* (1628); первое написано въ защиту православія противъ уніатовъ и латинства, второе—противъ православія, въ защиту уніатской и католической пропаганды. Два эти сочиненія отстоятъ одно отъ другого на 18 лѣтъ: за этотъ періодъ времени, ихъ авторъ изъ горячаго защитника православія сдѣлался столь же горячимъ католикомъ. *Ориносъ, т.-е. Плачь единой вселенской восточной церкви, съ изложеніемъ догматовъ втры... Теофила Ортолога*, вышедшій въ Вильнѣ, въ 1610 году на польскомъ языкѣ (*Θρηνοσ, το est Lament jedyney s. Poswzechney Apostolskiej Wschodniey Cerkwei z obiasnieniem dogmat wiary, pirwiey z graeckiego na slowiensi, a teraz z slowienskiego na polski przełożony przez Theophila Orthologa, tѣже sw. Wschodniey Cerkwie syna, w Wilnie, roku 1610*) вызвалъ противъ себя два сочиненія. Знаменитый іезуитъ Петръ Скарга посѣдшилъ въ томъ же году написать *Предостереженіе Руси греческой*

вѣры противъ Плача Теофила Ортолога, а черезъ два года и Илья Мороховскій, ученый уніатъ, напечаталъ въ Вильнѣ свое *Утѣшеніе, или утоленіе плача Восточной церкви—Теофила Ортолога* (заглавіе перваго сочиненія: „*Na treny u lament Theophila Orthologa do Rusi Greckiego nadožen'stwa przestroga*, г. 1610; заглавіе второго: *Παρηγορεῖα, albo utolenie uszczypliwego lamentu mniem-aniey Cerkwie s. wschodniey, zmyślonego Theophita Orthotoga, Wilno. 1612 г.*). Оба автора съ ожесточеніемъ напали на Смотрицаго, называя его ученикомъ Лютера и Кальвина... Кромѣ литературной полемики, книга Смотрицаго подверглась и полицейскому преслѣдованію: немедленно польскій король издалъ приказаніе— всѣ экземпляры книги „*Өриноса*“ отобрать и сжечь, друкарню у виленскаго братства, напечатавшаго „*Өриноса*“, взять,—печатниковъ же, автора и самаго корректора посадить въ тюрьму... Отобрать удалось однако лишь всего нѣсколько экземпляровъ книги, найденныхъ въ типотрафії, да главный типографъ заплатился, „*братскій слуга и писарь* *Логинъ Карповичъ, шляхтичъ учтивый*“: слуги виленскаго бискупа схватили его въ самую великую субботу и засадили въ смрадную тюрьму.. Указанія Смотрицаго на греческіе и славянскіе подлинники *Өриноса* — конечно, ничто иное, какъ мистификація. Въ концѣ XVI нач. XVII в. польское правительство—замѣчаетъ изслѣдователь—съ крайнимъ неудовольствіемъ смотрѣло на сочиненія, направленные противъ католической церкви, не безъ основанія видя въ нихъ одну изъ главныхъ причинъ, мѣшавшихъ успѣхамъ уніи. Полемисты поэтому старались всячески скрывать свои имена,—книги издавались ими или анонимно или подъ прикрытіемъ какоголибо псевдонима. Такъ поступили авторы *Апокрисиса*, *Сборника острожскаго*, *Книги о вѣрѣ* и мн. др.; также поступилъ, издавая свой *Өриносъ*, и М. Смотрицкій,—но онъ пошелъ по пути мистификаціи еще далѣе: кромѣ псевдонимной подписи, имъ самое:

сочиненіе выдавалось за переводъ съ греческаго и славянскаго оригиналовъ... Къ концу 1625 года Смотрицкій вернулся изъ своего путешествія на Востокъ, гдѣ пробылъ болѣе двухъ лѣтъ,—чрезъ годъ (въ 1626—1627) тайно принялъ унію, и въ 1627 году издалъ сочиненіе: *Apologia peregrinacyi do stron wschodnich...* (Львовъ, 1628). Здѣсь уже открыто высказываются его уніатскія стремленія. „Апология“ Смотрицкаго вызвала новую полемику. Прежде всего была напечатана, въ 1628 г., вѣроятно, въ Кіевѣ *Аполліа Аполіи книжки діалектомъ русскимъ написаной, польскимъ zaś ве Лвовѣ друкованой, вкоротитъ а правдиве зсуммованая презъ станъ духовный восточнаго православія... и до друку на жадане многихъ поданая*—актъ соборнаго проклятія „Апологии“, при участіи самого Смотрицкаго и съ приложеніемъ различныхъ документовъ [сполна изд. Голубевымъ въ приложеніяхъ къ изслѣд. „Петръ Могила“, I, стр. 302—316], на которую Смотрицкій—послѣ своего формальнаго признанія на соборѣ—въ томъ же году отвѣчалъ *Протестаціей противъ Кіевскаго собора 1628 года* [Протестація“ напеч. въ Львовѣ, въ 1628 г.; переп. у Голубева, „Петръ Могила“, I, въ прил.]. Въ томъ же году противъ „Апологии“ выступилъ слуцкій протоіерей Андрей Мужилоскій, издавшій *Antidotum (Противоядіе) противъ Аполіи*; Смотрицкій изображается, какъ человекъ двуличный, безпокойный и крайне непостоянный, перешедшій къ уніи только по своекорыстію и гордости. „Антидотумъ“ вышелъ изъ печати не позже начала 1628 года: въ апрѣлѣ этого года Смотрицкій уже издалъ свое опроверженіе на него—*Экзетесисъ или Росправа между Аполііею и Антидотумомъ* [1628]; здѣсь Смотрицкій нападаетъ съ бранью не только на самого Мужилоскаго, но и на всю православную церковь,—константинопольскаго патріарха Кирилла Лувариса называетъ кальвинистомъ, всѣхъ юго-западныхъ православныхъ архіереевъ „еретиками“, „наемниками“,

„совершенными невѣждами“ и т. п., и въ заключеніе обращается къ православнымъ съ убѣжденіями принять унію— „для ихъ собственнаго блага“... Противъ „Апологии“ со стороны православныхъ позднѣе была еще написана *Antapologia* Д и п л и ц а (псевдонимъ Е в с т а ф і я К и с е л я), напечатанная въ 1632 году.—Послѣ „Апологии“ и *Протестаціи* (1628), Смотрицкій написалъ еще нѣсколько писемъ къ Борецкому и другимъ (1628), *Паренесисъ (увѣщаніе) къ Виленской братіи* [напеч. въ Краковѣ, въ 1629 г.] и др.; всѣ они развивали мысли, положенныя въ „Апологию“,—о заблужденіяхъ и ересьяхъ Восточной церкви и о необходимости для русскаго народа соединиться съ Римомъ... Въ „Паренесисѣ“ между прочимъ любопытны укеры, которые Смотрицкій дѣлаетъ виленской братской школѣ,—въ крайней ничтожности ея просвѣтительныхъ результатовъ... Не смотря на множество издержекъ и не недостатокъ трудящихся въ ней,—она представляетъ изъ себя „узкую щель“, черезъ которую едва протискиваются ученики,—отъ этой школы, какъ отъ камня, въ теченіе столькихъ лѣтъ ни воды, ни огня“... „Нужно имѣть въ виду, замѣчаетъ позднѣйшій изслѣдователь,—о результатахъ школьной дѣятельности виленскаго братства Смотрицкій судилъ по сравненію съ дѣятельностью іезуитскихъ коллегій, въ которыхъ училось по нѣскольку сотъ человѣкъ и которыя, дѣйствительно, выпустили немало ученыхъ богослововъ и философовъ и еще больше шумѣли о своихъ успѣхахъ. Виленская школа на эффектъ не была и, не крича о себѣ, скромно шла къ своей главной цѣли—отвратить русское общество отъ того самого Рима, къ единенію съ которымъ привлекалъ Смотрицкій въ своемъ Паренесисѣ,—обѣщая, что оно и школы подниметъ, и семинаріи откроетъ, и дастъ хорошихъ проповѣдниковъ, Катехизисы и пр... Ниже мы увидимъ, продолжаетъ изслѣдователь, насколько Римъ осуществилъ эти ожиданія Смотрицкаго, но теперь не можемъ не замѣтить, что

просвѣтительной и ученой дѣятельности виленскаго братства очень повредилъ самъ Смотрицій: будучи настоятелемъ монастыря, онъ свободно пользовался братскою библіотекою,—перейдя въ унию, онъ присвоилъ себѣ книги, бывшія у него на рукахъ, какъ и другое имущество братства. Хотя послѣднее занесло протестъ въ лучшія городскія книги и хотя Смотрицій обѣщаль возвратить все взятое имъ, онъ этого не сдѣлалъ, какъ видно изъ свидѣтельства Синописа“...

Къ 20-мъ годамъ XVII столѣтія относится обширный полемическій трудъ Захарія Копыстенскаго: *Палинодія или книга обороны католической святой Восточной церкви*,—направленная противъ *Обороны унии*, изданной въ 1617 году виленскимъ униатскимъ архим. Львомъ Кривзою, и опровергающая послѣднюю въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ та написана. Книга Копыстенскаго—трудъ огромный; въ предисловіи авторъ перечисляетъ массу писателей и книгъ, которыми онъ пользовался, на греческомъ, латинскомъ, польскомъ, славянскомъ и западно-русскомъ языкахъ. По своему времени, сочиненіе это было необыкновенно ученымъ, и съ этой стороны имѣетъ сходство съ Апокрисисомъ. Книга Кривзы, какъ сейчасъ замѣчено, вышла въ 1617 году; предполагаютъ, что Копыстенскій тотчасъ же сталъ писать и „Палинодію“,—по крайней мѣрѣ, въ ноябрѣ 1621 года Палинодія не только была уже составлена, но и прочитана, исправлена и одобрена людьми „мудрыми и во святомъ писаніи бѣглыми“,—которымъ посылалъ ее авторъ для просмотра... Книга однако осталась почему-то не напечатанной, почему—неизвѣстно [въ послѣднее время, Палинодія издана въ IV т. „Рус. Ист. Библіотеки“].

Въ 1642 году Касіанъ Соковичъ, нѣкогда православный, но потомъ перешедшій въ унию,—издалъ въ Краковѣ на польскомъ языкѣ книгу подъ заглавіемъ: *Ελαβερθωσις, или Изображеніе заблужденій, ересей и суевѣрій греко-русской*

Того же автора:

Изъ Сорокій и Вассіанъ Патрикѣвъ, изъ литературные труды и идеи древней Руси. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб., 1882.

В. А. Жуковскій. Первые годы его жизни и поэтической дѣятельности Казань, 1883.

Древнеславянское Евангеліе, принадлежащее Обществу археологій, исторіи и этнографіи при Имп. Каз. университетѣ Воронежъ, 1883.

Театръ до-Петровской Руси. Историко-литературный очеркъ. Казань, 1884.

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. XVII вѣкъ изъ исторіи русской литературы. Историко-литературный очеркъ. Спб., 1884.

Любопытный памятникъ русской письменности XV вѣка. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб., 1884.

Св. Кириллъ и Меодій и совершенный ими переводъ св. Писанія. Казань, 1885.

Первые труды по изученію начальной русской літопоя (до изд. «Полн. Собр. Рус. Лит.»). Библиографическія замѣтки. Казань, 1885.

Приложеніе къ брошюрѣ: «Св. Кириллъ и Меодій» и пр. Библиографическія замѣтки. Казань, 1885.

Цѣлѣбный періодъ древне-болгарской письменности и одна изъ его представителей. Воронежъ, 1886.

Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южной Руси къ концу XVI в. Историческій очеркъ. Кіевъ, 1886.

Пушкинъ въ его произведеніяхъ и письмахъ. Казань, 1887.

Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. Москва, 1888.

Новый трудъ о Жуковскомъ (изъ «Ж. М. Н. Пр.»).

Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности. Обзорніе рукописнаго матеріала. Спб., 1888.

Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. I—IV. Казань, 1889—1891.

С. Т. Аксаковъ. Дѣтство и студенчество (изъ «Рус. Обзор.»).

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые опыты мифологическихъ изученій. Казань, 1895.

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые труды по изученію языка. Казань, 1894.

А к w 15841

Григоровичъ и русская литература 40-хъ гг. Казань, 1894.

Памяти Н. С. Тихонравова. Ученые труды Тихонравова въ связи съ болѣе ранними изученіями въ области исторіи русской литературы. Казань, 1894.

Русскій театр XVIII в. (изъ «Рус. Обзор.»).

Zur Geschichte des deutschen Lucidarius.
Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Litteratur, herausgegeben von E. Schröder und G. Roethe. Sonder-Abdruck. Berlin, 1885.

Къ исторіи нѣмецкаго и чешскаго Луцидаріусовъ. Казань, 1897.

Отчета о научныхъ занятияхъ во время заграничной командировки. Казань, 1897.

Волгарскій Пѣснинецъ 1337 года (изъ «Извѣстій II Отд. И. А. Н.»).

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Исторія литературы, какъ наука. Варшава, 1897.

Программа лекцій по исторіи русской литературы, съ указаніемъ источниковъ и пособій. Казань, 1898.

Новый трудъ по исторіи русской литературы. По поводу книги А. Н. Пипина, Ист. рус. лит., т. I, Спб., 1898 (изъ «Ж. М. Н. Пр.»).

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Образованіе и литература Московскаго Государства. Казань, 1898.

Пушкинъ въ Казани. Казань, 1899.

Ф. И. Буслевъ и его «Воспоминанія». Казань, 1899.

А. С. Пушкинъ, какъ народный поэтъ. Казань, 1899.

Два слова о сл. «былина», Спб., 1898 (изъ Извѣстій II Отд. И. Ак. Н.).

Къ исторіи древнерусскаго Луцидаріуса. Казань, 1899.

Къ исторіи южно-славянской апокрифической литературы. Спб., 1899 (изъ Извѣстій II Отд. И. Ак. Н.).

Академическое изданіе сочиненій Пушкина. Варшава, 1900.

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Наканунъ христіанства и письменности. Варшава, 1901.

Складъ имѣющихся въ продажѣ изданій—въ книжныхъ магазинахъ Бр. Башмановыхъ и Дубровина, въ Казани.